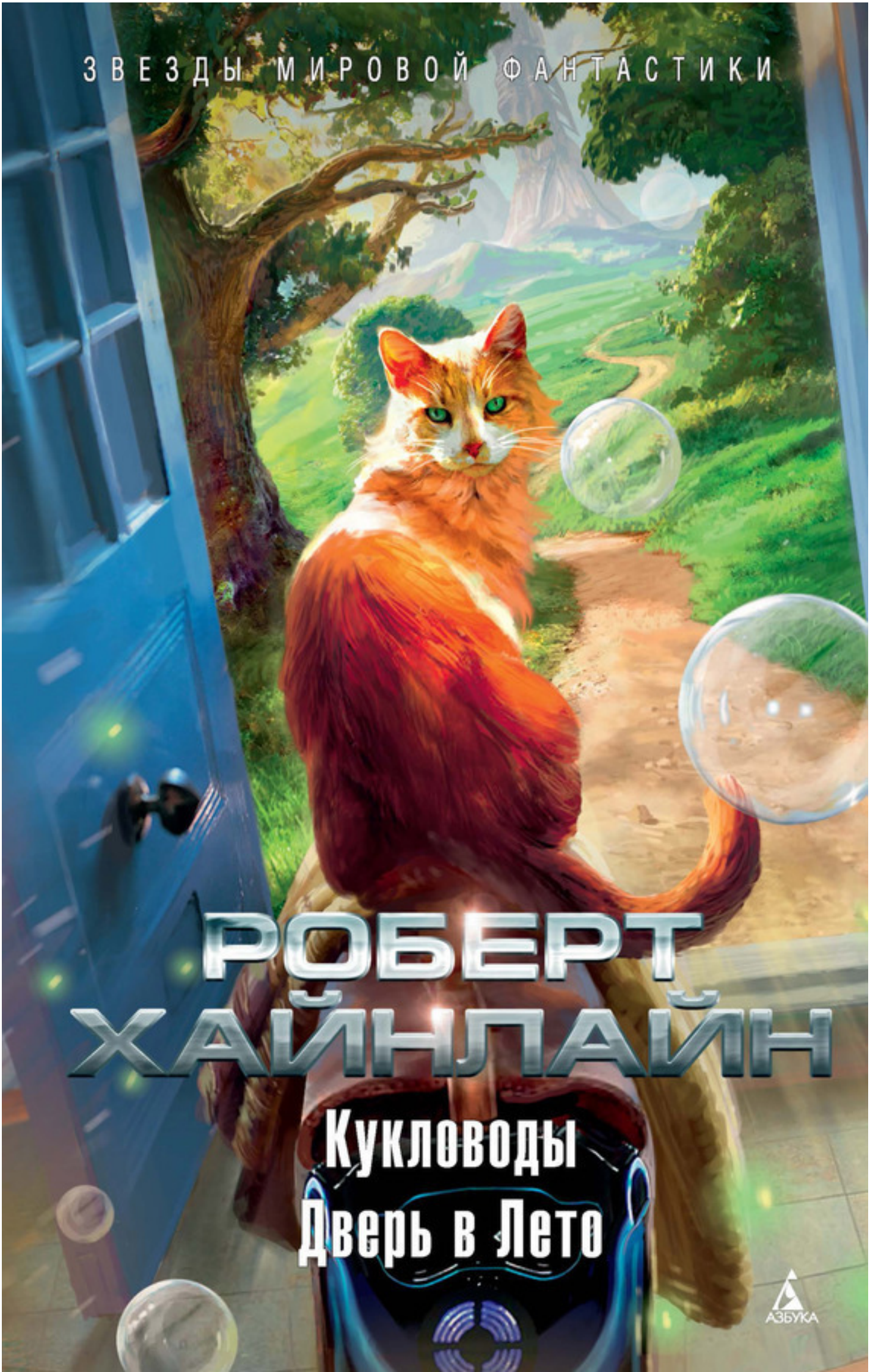
ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ
РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН
Кукловоды
Дверь в Лето
АЗБУКА

Звезды мировой фантастики (Азбука)

Роберт Хайнлайн

Кукловоды. Дверь в Лето (сборник)

«Азбука-Аттикус»
1951, 1957

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

Хайнлайн Р. Э.

Кукловоды. Дверь в Лето (сборник) / Р. Э. Хайнлайн — «Азбука-Аттикус», 1951, 1957 — (Звезды мировой фантастики (Азбука))

ISBN 978-5-389-14332-6

Впервые на русском – полная авторская версия классического романа «Кукловоды», опубликованная в несокращенном виде уже только после смерти Хайнлайна. Итак, в секретную службу, подчиняющуюся непосредственно президенту США и известную лишь как «Отдел», поступает сообщение о том, что в штате Айова приземлилась летающая тарелка. Это начало вторжения – вторжения инопланетных паразитов, подчиняющих себе волю человека и быстро захватывающих огромные территории. Удастся ли остановить их иначе чем ядерными бомбами и не уничтожить при этом половину собственного населения?Также в книгу входит другой классический роман Хайнлайна – «Дверь в Лето». Это история талантливого изобретателя Д. Б. Дэвиса, который пытается вернуть свой бизнес, предательски отнятый бывшим компаньоном и бывшей невестой, и помочь своему коту по имени Петроний Арбитр (для друзей – Пит) отыскать Дверь в Лето. Ведь каждое живое существо на Земле стремится найти Дверь в Лето – где тепло, нет холода, нет войны, ненависти, обиды, где тебя не предаст друг, не обманет невеста. Для этого Дэвису придется преодолеть само время – и, возможно, не единожды…

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

ISBN 978-5-389-14332-6

© Хайнлайн Р. Э., 1951, 1957
© Азбука-Аттикус, 1951, 1957

Содержание

Сослагательное наклонение как фактор истории 8
Кукловоды[3] 10
1 10
2 15
3 25
4 29
5 34
6 40
7 46
8 49
9 54
10 58
11 71
12 78
13 85
14 88
15 92
Конец ознакомительного фрагмента. 93

Роберт Хайнлайн
Кукловоды. Дверь в Лето (сборник)

Robert A. Heinlein
THE PUPPET MASTERS
Copyright © 1951 by Robert A. Heinlein
THE DOOR INTO SUMMER
Copyright © 1957 by Robert A. Heinlein

© А. Корженевский, перевод, 2017
© С. В. Голд, перевод, предисловие, послесловие, 2017
© А. Бранский (наследник), перевод, 2017
© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство АЗБУКА®

РОБЕРТ ЭНСОН ХАЙНЛАЙН (1907–1988)

Наряду с Айзеком Азимовым и Артуром Кларком входит в большую тройку писателей-фантастов и носит титул гранд-мастера. Автор знаменитых романов «Двойная звезда», «Звездный десант», «Кукловоды», «Чужак в стране чужой» и многих других, писатель – рекордсмен по числу литературных наград, включая такие престижные, как премия «Хьюго», «Небьюла» и т. д. По опросам, проводимым журналом «Локус» среди читателей, Роберт Хайнлайн признан лучшим писателем-фантастом всех времен и народов.

Полвека не покладая рук он работал в фантастике, выпустил в свет 54 книги – романы, сборники рассказов и т. д. – общим тиражом 40 миллионов экземпляров. За три первых года работы он, на взлете таланта, создал несколько книг, которые живы и сегодня не просто как любопытные опыты довоенной фантастики, а как совершенно современные произведения. И когда я говорю о том, что Хайнлайн – создатель современной американской фантастики, я имею в виду именно свежесть, актуальность его работы – каждая из его повестей могла быть опубликована сегодня, и мы бы восприняли ее как сегодня написанную.

Кир Булычев

Один из многочисленных парадоксов Хайнлайна в том, что мы имеем дело с автором абсолютно цельным от начала до конца. И самое интересное в творчестве Хайнлайна – его адресат. Формально писатель работал на довольно узкую и весьма специфическую аудиторию – «массового читателя фантастики», – пробиваясь к ней через фильтр в лице издателей, хорошо изучивших своего потребителя и имевших четкое мнение о его текущих запросах. На практике Хайнлайн не делал на это никаких скидок. Он всегда обращался к читателю так, будто апеллирует к нации в целом. Строго говоря, это единственно верная писательская стратегия, занимайся ты хоть фантастикой, хоть дамским романом. В конечном счете она ведет прямиком к зачислению в Классики. Но чтобы такую стратегию успешно реализовать, мало быть самоуверенным и упрямым. Еще нужно быть искренним. Проблему, над которой задумалось общество, надо отрефлексировать так, будто она для тебя – вопрос жизни и смерти. У Хайнлайна это получалось легко.

Олег Дивов

Уже после первого опубликованного рассказа Хайнлайна признали лучшим среди писателей-фантастов, и он сохранил этот титул до конца жизни.

Айзек Азимов

Что бы ни говорили плохого об идеологии этого автора, его нельзя обвинить в фарисействе, разве только в простодушной наивности.

Станислав Лем

Хайнлайн верил, что фантастический рассказ имеет смысл только в том случае, если его корни уходят в самую настоящую действительность, в то же время проникая в мир воображения. Он был убежден, что выдуманная действительность не может быть опрокинута на читателя в первых же абзацах произведения, а должна проявляться постепенно, прорастая сквозь реальность.

Роберт Сильверберг

Сослагательное наклонение как фактор истории

Путешественники во времени отнимают хлеб у историков. И дело не только в том, что путешественник может в течение пяти минут выполнить работу, на которую профессора тратят половину жизни. Путешественник во времени, как никто другой, демонстрирует, что история – эфемерная наука и за каждым историческим «фактом» в действительности скрывается сослагательное наклонение.

Когда Корпус времени[1] только начинал свою деятельность, его агенты с удивлением обнаружили, что история Вселенной по всем шести временны́м осям расщеплена на десятки независимых ветвей, каждая из которых порождена вмешательством в изначальную последовательность событий. Неизменность истории, на которой основывалась историческая наука, перестала быть аксиомой. Кто первым высадился на Луне? Армстронг, Лекруа или О'Мэйли? Теперь это зависело не от фундаментальных экономических или политических предпосылок, а от исхода сражений, развернувшихся во времени. Конкурирующие организации, пытающиеся повернуть историю в нужное им русло, уничтожили всякое понятие об исторических закономерностях.

И все же в хаосе Мультивселенной существовала и до сих пор существует одна очень специфическая временна́я линия. Битвы, потрясающие остальную реальность, ее не затрагивают. Потому что эта линия отделилась от основной последовательности в столь раннюю эпоху, что противоборствующие стороны просто не подозревают о ее существовании. Она во многом подобна одной из побочных тупиковых ветвей, в которой первым на Луну слетал Лекруа, Неемия Скаддер так и не родился, а Третья мировая война разразилась почти на тридцать лет раньше обычных сроков, в 1960-е годы. Вот только в этой версии земной истории кобальтовые бомбы не уничтожили все живое на планете и человечество уцелело. С точки зрения гипериистории Мультивселенной это был уникальный результат: вспыхни Третья мировая на десятилетие раньше, она бы полностью уничтожила человеческую цивилизацию, а через два десятилетия, когда средства ПВО достигли бы качественно нового уровня, обмен ядерными ударами вылился бы в широко распространенный вариант «бесполезной войны», или «войны отсыревшими патронами», как ее называли в других временных последовательностях.

Ядерное оружие сохранило свою эффективность, и поэтому война не привела к серьезной перекройке геополитической карты: Советский Союз оставил за собой Сибирь, а Китай ограничился поглощением своих ближайших южных соседей. Австралия не подверглась оккупации, но это же свело на нет все перспективы будущего австрало-американского аншлюса. А сама Америка избежала установления коммунистической диктатуры и вследствие этого не сумела выработать иммунитет от тирании, что неизбежно должно было сказаться позднее.

Как бы то ни было, тысячи людей погибли и прежние столицы были превращены в радиоактивные кратеры. Столь ощутимые последствия конфликта не оставили шанса на быстрое примирение и сближение сверхдержав. Договор о ядерном вооружении не был заключен, договор о создании международных миротворческих сил также отодвинулся в неопределенное будущее. К началу эпохи космической экспансии Космический патруль так и не был создан.

Вместе с тем первое послевоенное десятилетие оказалось не таким тяжелым, как, например, 1950-е годы, когда многолетняя война истощила национальные бюджеты, а значительная часть европейских инфраструктур лежала в развалинах. На этот раз война длилась чуть больше месяца, а большинство масштабных сухопутных сражений произошло вдали от европейских промышленных центров, в Юго-Восточной Азии. Куда хуже пришлось Северной Америке: помимо людских потерь, США на этот раз лишились многих крупных военно-промышленных

[1] См. роман «Кот, проходящий сквозь стены».

центров. Уцелевшие города задыхались от беженцев, зараженные океаны плодили мутантов, но люди засучив рукава восстанавливали разрушенное, снова обустраивали свою жизнь, смотрели на звезды, мечтали и верили, что в будущем все будет гораздо лучше, чем сейчас.

И у них были для этого основания. Конверсия семидесятых выпустила на рынок множество военных технологий, что привело к буму в легкой промышленности, а переход от военного положения к гражданскому управлению привел к небывалой либерализации общественных отношений. Разумеется, затем Америка снова начала скатываться к полицейскому государству и диктатуре, но пока еще гайки дружно крутились в обратную сторону. В результате чего, например, некий инженер Дэвис не стал политическим диссидентом и не отправился отбывать заключение в Луна-Сити, а сумел вместо этого реализовать свой талант изобретателя.

Послевоенные десятилетия нельзя назвать золотым веком, но они были неплохой заявкой на будущее. К сожалению, история, построенная на сослагательном наклонении, не оставляет нам шансов безмятежно плыть по течению. Она непременно преподносит нам какие-нибудь сюрпризы, прерывая спокойное течение водопадами и водоворотами. На этот раз мирный период длился довольно долго – до начала нулевых годов XXI века. Он позволил человечеству решить ряд насущных проблем на Земле и даже отправиться в космос, чтобы получить новые проблемы на свою голову.

Разумеется, они не заставили себя долго ждать.[2]

С. В. Голд

[2] «Хайнлайн в картинках».

Кукловоды[3]

Лертону Блассингейму

1

Действительно ли они разумны? Я имею в виду, сами по себе. Не знаю – и не думаю, что мы когда-нибудь узнаем. Правда, я не ученый, я тут по другой части.

Если взять, к примеру, Советы, то там они ничего нового не изобрели – просто взяли коммунистический принцип «власть ради власти» и распространили его на все сферы жизни без всяких там «гнилых либеральных сантиментов», как выражаются комиссары. С другой стороны, в связке с животными они были чем-то намного большим, чем просто животные.

(Я все еще не привык к тому, что больше нигде не увидишь собак. Когда мы с ними наконец-то схлестнемся, они ответят нам за несколько миллионов собак. И кошек. За одного конкретного кота я спрошу с них сам, лично.)

А если то, что у них есть, – всего лишь инстинкт, я очень надеюсь не дожить до того дня, когда мы столкнемся с кем-нибудь вроде них, только разумными. Потому что я знаю, кто тогда проиграет. Я, вы. Так называемый человеческий род.

* * *

Для меня все началось очень ранним утром двенадцатого июля 2007 года: телефон зазвонил так пронзительно, что и мертвый бы, наверно, проснулся. Я пошарил вокруг себя, пытаясь найти штуку, которая его отключает, а потом вспомнил, что оставил ее в пиджаке на другом конце комнаты.

– Ладно, – проворчал я. – Слышу. Выключи этот чертов зуммер.

– Чрезвычайная ситуация, – произнес голос у меня в ухе. – Доложиться лично.

Я коротко посоветовал, как им поступить с их чрезвычайной ситуацией.

– У меня трехдневный отпуск, – добавил я.

– Явиться к Старику, – не унимался голос. – Немедленно!

Это был совсем другой разговор.

– Иду, – ответил я, рывком уселся на постели – аж в глазах потемнело – и нос к носу столкнулся с блондинкой.

Она тоже села и уставилась на меня круглыми от удивления глазами. Я вытаращился на нее, мучительно пытаясь вспомнить, кто она такая и откуда тут взялась.

– С кем это ты разговариваешь? – спросила она.

– Я? Разговариваю?

Я замолчал, пытаясь придумать подходящую ложь, но тут в голове у меня окончательно прояснилось, и я сообразил, что нет надобности сочинять слишком уж хорошую ложь, поскольку блондинка не могла слышать моего собеседника, – наш Отдел не пользуется стандартными телефонами. Аудиореле имплантировано под кожу за левым ухом и работает за счет костной звукопроводимости.

– Прости, детка, – сказал я. – Кошмар приснился. Я часто разговариваю во сне.

– А-а… Но сейчас-то ты в порядке?

[3] Перевод Александра Корженевского, С. В. Голда

– Да, все хорошо, я уже проснулся, – заверил я и встал, чуть покачнувшись. – Спи дальше.

– Ладно, ладно… – И она тут же уснула.

Я пошел в ванную и вколол себе в руку четверть грана «Гиро». Потом три минуты вытрясал из себя душу вибромассажером, а стимулятор собирал ее по кускам воедино. Из ванной я вышел новым человеком – ну почти новым, так скажем. Осталось только прихватить пиджак. Блондинка тихо посапывала в постели.

Я пустил свое подсознание по ее следу и понял – с некоторым сожалением, – что ничего ей не должен. Поэтому ушел не прощаясь. В квартире не оставалось ничего, что могло бы меня выдать или хотя бы намекнуть ей, кто я такой.

* * *

На базу я попал через кабинку в туалете на станции метро «Макартур». Разумеется, вы не найдете наше заведение в телефонной книге. Строго говоря, его вообще нет. Может, и меня тоже нет. Выдумка, иллюзия. Еще туда можно попасть через крохотный магазинчик под вывеской «Редкие марки и монеты». Даже не пытайтесь здесь пройти – вам постараются всучить «Черный двухпенсовик».[4]

Короче, искать нашу контору бесполезно. Как я и говорил, нас просто не существует.

Есть вещи, которые ни один руководитель государства знать не может, – например, насколько хороша его разведывательная служба. Понятно это становится, только когда она его подводит. Чтобы этого не произошло, есть мы. Так сказать, подтяжки для дяди Сэма. Подтяжки в дополнение к ремню. В ООН о нас никогда не слышали, да и в ЦРУ тоже, надеюсь. Кто-то сказал однажды, что наши расходы закрывает Департамент продовольственных ресурсов, но так ли это, я не знаю; мне платят наличными.

А все, что о нашей организации знаю я, – это полученная мной подготовка и задания, на которые меня посылает Старик. Интересные, в общем-то, задания, если вам все равно, где вы спите, что едите и как долго проживете на свете. Я три года провел за железным занавесом, научился пить водку не морщась и шипеть по-русски, как кот, – то же на кантонском, курдском и некоторых других скверных на вкус языках. Могу вас заверить, что там, за железным занавесом, нет ничего такого, чего не найдется в Падуке, штат Кентукки. Только здесь оно больше и лучшего качества. Тем не менее они там как-то живут.

Будь я поумней, давно бы уволился и нашел себе нормальную работу.

Вот только со Стариком тогда поработать больше не доведется. А для меня это много значит. Нет, он вовсе не добрый начальник. Он вполне способен сказать: «Парни, нам нужно удобрить вот это дерево. Прыгайте в яму, и я вас засыплю».

И мы прыгнем. Все как один.

И если у него будет хотя бы пятидесятитрехпроцентная уверенность, что это – Дерево Свободы, он похоронит нас заживо.

* * *

Когда я вошел, Старик поднялся из-за стола и, прихрамывая, двинулся мне навстречу. Я снова задался вопросом, почему он не привел свою ногу в порядок. Подозреваю, что он гордится обстоятельствами, при которых заработал свою хромоту, но так ли это, я никогда не

[4] Первые современные почтовые марки, выпущенные в Англии в 1840 г., были черными (по одному пенни) и синими (по два). И «Черный пенни», и особенно более редкие «Синие двухпенсовики» высоко ценятся коллекционерами, а вот «Черный двухпенсовик» может быть только подделкой.

узнаю. Человек в положении Старика гордится своими достижениями втайне, его профессия не допускает публичных почестей.

На его лице расцвела зловещая ухмылка. Большой голый череп и крупный римский нос делали его похожим то ли на Сатану, то ли на Панча.

– Привет, Сэм, – сказал он. – Мне, право, жаль, что пришлось вытащить тебя из постели.

Черта с два ему жаль, конечно.

– У меня отпуск, – коротко ответил я.

Конечно, Старик есть Старик, но ведь отпуск есть отпуск, и он, черт возьми, выпадает нечасто!

– Верно, и ты все еще в отпуске. Мы отправляемся отдыхать.

У Старика весьма своеобразные представления об отдыхе, поэтому я, разумеется, не поверил.

– Ладно. Теперь меня зовут Сэм, – сказал я. – А фамилия?

– Кавано. А я твой дядюшка Чарли. Чарльз М. Кавано, пенсионер. И познакомься – это твоя сестра Мэри.

Входя, я сразу заметил, что он в комнате не один, но отложил осмотр на потом. Старик, когда хочет, умеет приковывать к себе внимание целиком и удерживать его сколько нужно. Теперь же я взглянул на свою «сестру» внимательно и невольно задержал взгляд. Оно того стоило.

Стало понятно, почему для работы вместе Старик назначил нас братом и сестрой: это разом избавляло его от некоторых проблем. Как профессиональный актер не может намеренно испортить диалог, так и обученный агент не может выйти из заданного образа. И теперь я должен был относиться к ней как к родной сестре – довольно злая шутка, если разобраться!

Высокая, стройная, и спереди все как положено. Хорошие ноги. Широкие – для женщины – плечи. Огненно-рыжие волнистые волосы и, как бывает только у рыжих от рождения, что-то от ящерицы в форме черепа. Лицо скорее правильное, чем красивое, белые острые зубы. И она смотрела на меня оценивающим взглядом, как на кусок мяса.

Я еще не вошел в роль. Мне сразу захотелось опустить одно крыло, задрать другое и пуститься в брачный танец. Наверно, по мне это было заметно, потому что Старик мягко напомнил:

– Спокойно, Сэмми, спокойно, в семье Кавано инцеста не будет. Моя любимая невестка как следует вас обоих воспитала. Сестра, конечно, в тебе души не чает, и ты ее тоже любишь, но чисто по-родственному. Ты заботлив и галантен до тошноты. Как говорится, старая добрая Америка.

– Боже, неужели все так плохо? – спросил я, не сводя глаз с «сестры».

– Хуже.

– А, черт, ладно. Привет, сестренка. Рад познакомиться.

Она протянула мне руку – твердую и ничуть не слабее, чем у меня.

– Привет, братец.

Глубокое контральто! Моя слабость. Черт бы побрал Старика!

– Могу добавить, – продолжил он все тем же ласковым голосом, – что сестра тебе дороже собственной жизни. Чтобы защитить ее от опасности, ты готов даже умереть. Мне не очень приятно сообщать тебе это, Сэмми, но, по крайней мере в настоящий момент, сестра для Отдела важнее, чем ты.

– Понятно, – ответил я. – Спасибо за деликатность.

– Сэмми…

– Ладно, она – моя обожаемая сестра. Я защищаю ее от собак и посторонних мужчин. Спокойный, как слон. Когда начинаем?

– Сначала зайди в «Косметику». Они сделают тебе новое лицо.

– Пусть лучше сделают новую голову. Ладно, увидимся. Пока, сестренка.

Голову мне, конечно, новую не сделали, зато примостили мой персональный телефон у основания черепа и заклеили сверху волосами. Шевелюру выкрасили в тот же цвет, что и у новообретенной сестры, осветлили кожу и сделали что-то такое со скулами и подбородком. Из зеркала на меня уставился самый настоящий рыжий – такой же, как сестренка. Я смотрел на свои волосы и пытался вспомнить, какого же цвета они были изначально, много-много лет назад. Затем задумался: а как на самом деле выглядит моя сестренка, так же как сейчас? Хотелось бы надеяться. А эти ее белые зубки… Стоп! Брось, Сэмми! Она – твоя сестра. Точка.

Я надел приготовленный мне костюм, и кто-то сунул мне в руку заранее уложенную дорожную сумку. Старик и сам, очевидно, побывал в «Косметике»: на голове у него вился бледно-розовый пух. С его лицом тоже что-то сделали. Не скажу точно что, но теперь мы, без сомнения, выглядели родственниками – троица законных представителей этой странной расы рыжеволосых.

– Пошли, Сэмми, – сказал Старик. – У нас мало времени. Я все расскажу в машине.

Мы выбрались в город новым маршрутом, о котором я еще не знал, и оказались на стартовой платформе Нортсайд, высоко над Нью-Бруклином, откуда открывался вид на Манхэттенский кратер.

Я вел машину, а Старик говорил. Когда мы вышли из зоны действия городской службы управления движением, он велел мне задать автопилоту направление на Де-Мойн, штат Айова, после чего я присоединился к Мэри и «дядюшке Чарли» в салоне. Первым делом Старик поведал нам наши легенды, сначала кратко, а потом дополнил деталями, чтобы ввести нас в курс дела.

– Короче, мы – беззаботная счастливая семейка, туристы, – закончил он. – И если нам придется столкнуться с чем-то непредвиденным, то мы себя так и поведем – как любопытные бестолковые туристы.

– А что за проблема? – спросил я. – Или будем разбираться на ходу?

– Мм… Посмотрим.

– Хорошо. Хотя на том свете чувствуешь себя гораздо лучше, если знаешь, за что туда попал, правда, Мэри?

«Мэри» промолчала. Редкое для женщины качество – умение молчать, когда нечего говорить. Старик бросил на меня оценивающий взгляд, машина, расположенная у него в голове, переварила полученную информацию, и он спросил:

– Сэм, ты слышал о летающих тарелках.

– Э-э-э… Не уверен.

– Ты же учил историю! Ну соберись!

– А, эти… Повальное помешательство на тарелках, еще до Беспорядков? Я думал, ты имеешь в виду что-то недавнее и настоящее. Тогда были просто массовые галлюцинации…

– Ой ли?

– Я, в общем-то, не изучал статистическую аномальную психологию специально, но уравнения, кажется, помню. Тогда само время было ненормальное; человека, у которого все шарики на месте, могли запросто запереть в психушку.

– А сейчас, по-твоему, наступило царство разума, да?

– О, я еще не сошел с ума, чтобы утверждать такое… – Я порылся у себя в памяти и нашел нужный ответ. – Вспомнил: интеграл Дигби для данных второго и более высокого порядка. Вероятность того, что летающие тарелки – за вычетом объясненных случаев – лишь галлюцинация, равна, по Дигби, девяноста трем и семи десятым процента. Я запомнил, потому что это был первый раз, когда сообщения об инопланетянах собрали, систематизировали и оценили. Одному Богу известно, зачем правительство затеяло этот проект.

Старик выслушал меня и с совершенно невинным видом сказал:

– Держись за сиденье, Сэмми: сейчас мы едем осматривать летающую тарелку. И может быть, как настоящие туристы, даже отпилим себе кусочек на память.

2

– Следил за новостями в последнее время? – продолжал Старик.

Я мотнул головой. Глупо спрашивать, я же был в отпуске.

– Полюбопытствуй при случае, – посоветовал он, – узнаешь много интересного. Ладно, проехали. Семнадцать часов… – Старик сверился с часами на пальце, – и двадцать три минуты назад неопознанный космический корабль приземлился в окрестностях Гриннелла, штат Айова. Тип неизвестен. Форма дискообразная, около ста пятидесяти футов диаметром. Откуда – неизвестно, но…

– Они что, не отследили траекторию? – перебил я.

– Они. Не. Отследили, – отчеканил он. – Вот фото, сделанное после посадки с космической станции «Бета».

Я взглянул на снимок и передал Мэри. Обычная, не очень четкая фотография с высоты пять тысяч миль. Деревья как мох, тень облака, испортившая самую хорошую часть снимка, и серый круг – возможно, и в самом деле космический аппарат, но с таким же успехом это могла быть нефтяная цистерна или резервуар для воды. Я внезапно задался вопросом: сколько же гидропонных ферм в Сибири мы разбомбили, принимая их за атомные установки?

Мэри вернула фото, и я сказал:

– Похоже на тент для общих собраний в летнем лагере. Что еще нам известно?

– Ничего.

– Как «ничего»? Спустя семнадцать часов? Там должно быть полно наших агентов!

– Посылали. Двое были в окрестностях, четверо отправились к объекту. Ни один не вернулся. Я очень не люблю терять агентов, Сэмми, особенно когда это не дает никаких результатов.

До сих пор я не задавался вопросом, чего ради Старик лично рискует на задании, – оно не выглядело рискованным. И тут я вдруг сообразил, насколько серьезная сложилась ситуация, коли Старик поставил на карту всю организацию, – ибо он и есть Отдел. Смелости ему не занимать, но и здравого смысла тоже. Он не рискнул бы собой, если бы не знал наверняка, что другие с заданием не справятся и что выполнить это задание надо любой ценой.

Мне стало немного не по себе. Обычно агент обязан спасать свою шкуру – чтобы выполнить задание и доложить о результатах. В данном случае получалось, что вернуться с результатами должен Старик, вторая по значимости – Мэри, а сам я – не дороже скрепки. Радоваться тут, понятно, нечему.

– Один агент успел-таки кое-что сообщить, – продолжил Старик. – Он отправился к месту посадки, изображая обычного зеваку, и передал по личному телефону, что это, по-видимому, космический корабль, хотя он не смог определить тип двигателя. Но это мы уже знали из новостей. Затем сообщил, что корабль открылся и он пытается подобраться ближе, за полицейский кордон. Последнее, что он сказал, было: «Вот они. Маленькие существа, примерно…» – и больше ни слова.

– Маленькие человечки?

– Он сказал «существа».

– Что в местных новостях?

– Полно всего. Студия стереовещания из Де-Мойна сообщила о посадке и направила туда съемочную группу. Все снимки, что они передали, были сделаны с воздуха и издалека. На всех – только дискообразный объект. Затем в течение двух часов – ни снимков, ни новостей, а после этого крупные планы и новое объяснение.

Старик замолчал.

– И что? – спросил я.

– Розыгрыш. «Космический корабль» поддельный, из жести и пластика. Собран двумя подростками в лесу, неподалеку от фермы, где они живут. Фальшивку запустил один комментатор, у которого чувства юмора больше, чем здравого смысла. Он сам и подбил ребят на это дело, чтобы слепить сенсацию. Его, мол, уже уволили, а сообщение о пришельцах из космоса – не более чем очередная утка.

Я поежился:

– Утка, значит. И тем не менее мы потеряли шестерых сотрудников. Наша задача – отыскать их?

– Нет. Думаю, мы их уже не найдем. Нам нужно узнать, почему триангуляция объекта с этого снимка, – он помахал фотографией, полученной с космической станции, – не совсем точно совпадает с тем, что сообщили в новостях, и почему стереостанция Де-Мойна прерывала свою передачу.

Мэри впервые нарушила молчание:

– Я бы хотела поговорить с этими мальчиками с фермы, – сказала она.

* * *

Я опустил машину на дорогу в пяти милях от Гриннелла, и мы принялись искать ферму Маклейнов; в новостях виновниками переполоха были названы Винсент и Джордж Маклейны. Найти ее оказалось несложно. На первой же развилке стоял большой, профессионально сделанный щит с надписью: «ПРОЕЗД К КОСМИЧЕСКОМУ КОРАБЛЮ», а чуть дальше уже теснились припаркованные по обеим сторонам дороги машины – наземные, летающие и даже трифибии. На повороте к ферме стояло несколько наспех построенных ларьков, в которых торговали прохладительными напитками и сувенирами. И еще там был полицейский-регулировщик.

– Остановись, – сказал Старик. – Нам тоже посмотреть не помешает, а?

– Точно, дядюшка Чарли, – согласился я.

Старик выпрыгнул из машины и двинулся вперед, помахивая тростью. От его хромоты и следа не осталось. Я помог Мэри выбраться, и она на мгновение прильнула ко мне, опершись на мою руку. При этом она посмотрела мне в глаза, напустив на себя вид наивной скромницы.

– Мм… Какой ты сильный, братишка, – сказала она.

Мне захотелось ее отшлепать, но вместо этого я только смущенно ухмыльнулся. Агент Старика – в роли этакой сентиментальной простушки. Ну прямо как улыбка у тигра.

«Дядя Чарли» вовсю изображал богатого старика на отдыхе – приставал к людям с расспросами, суетился, цеплялся к полицейскому. Затем купил в ларьке сигары и, когда мы подошли, небрежно махнул рукой с дымящейся сигарой в сторону сержанта.

– Инспектор говорит, это надувательство, мои дорогие. Местные мальчишки подшутили. Едем дальше?

Мэри сделала разочарованное лицо:

– Что, никакого космического корабля нет?

– Почему же? Есть – если, конечно, это можно назвать космическим кораблем, – ответил полицейский. – Идите за толпой, там его найдете. И я пока еще сержант, а не инспектор.

«Дядюшка Чарли» угостил его сигарой, и мы двинулись через пастбище в сторону редкого леса. Пройти за ворота фермы стоило доллар, и многие сразу поворачивали обратно, поэтому люди на тропе встречались редко. Я держался настороже и страстно желал, чтобы вместо радиотелефона у меня на затылке были глаза. Согласно вводной, шесть агентов прошли этой дорогой – и ни один не вернулся. Мне не хотелось становиться седьмым.

Дядя Чарли и сестренка шли впереди, Мэри без умолку несла какие-то глупости. Она каким-то образом умудрялась выглядеть меньше ростом и моложе, чем была в начале поездки. Наконец мы добрались до поляны и увидели «космический корабль».

Больше ста футов диаметром, но сделан – явно на скорую руку – из тонкой жести и листового пластика, выкрашенного серебрянкой. Формой – как две суповые тарелки одна на другой. Кроме этого, и смотреть не на что. Тем не менее Мэри пискнула:

– Ой, как здорово!

Из люка на вершине этой чудовищной конструкции высунул голову парнишка лет восемнадцати-девятнадцати с глубоким устойчивым загаром на прыщавом лице.

– Хотите посмотреть внутри? – спросил он и добавил, что это будет стоить еще по пятьдесят центов с каждого.

Дядя Чарли раскошелился.

У самого люка Мэри в нерешительности остановилась. Оттуда вынырнула еще одна прыщавая физиономия – точная копия первой. Парни хотели помочь Мэри спуститься, но она вдруг отпрянула, и я тут же оказался рядом, решив, что лучше помогу ей сам. Однако в данном случае я на девяносто девять процентов руководствовался профессиональными соображениями, потому что нутром чуял здесь какую-то опасность.

– Там темно, – дрожащим голосом произнесла Мэри.

– Не бойтесь, – сказал второй парень. – Мы сегодня весь день тут людей водим. Меня, кстати, зовут Винс Маклейн. Ну идите же, девушка.

Дядя Чарли опасливо заглянул в люк, словно заботливая курица, сопровождающая выводок на прогулке.

– Там могут быть змеи, – решил он. – Мэри, тебе лучше туда не ходить.

– Да что вы! Какие змеи?! – принялся уговаривать нас первый Маклейн.

– Ладно, джентльмены, деньги оставьте себе. – Дядя Чарли взглянул на палец с часами. – Мы уже опаздываем, дорогие мои. Пошли.

По тропе я опять шел позади них – постоянно настороже, аж волосы на затылке дыбом встали.

Мы вернулись к машине, и я вырулил на дорогу. Едва мы тронулись с места, Старик резко спросил:

– Ну? Что ты увидел?

Я парировал вопросом на вопрос:

– Насчет первого сообщения никаких сомнений? Того, что оборвалось?

– Абсолютно.

– Этой штукой в лесу агента не обманешь даже в темноте. Он видел другой корабль.

– Разумеется. Что еще?

– Сколько, по-вашему, может стоить этот муляж? Новая жесть, краска и, судя по тому, что я разглядел через люк, примерно тысяча футов бруса для крепежа…

– Продолжай.

– Ну, свой дом Маклейны годами не красили, да и сарай тоже. На этой ферме только что вывески не хватает – «Заложено». Ясное дело, они не сами оплачивали эту шуточку.

– Безусловно. Ты, Мэри?

– Вы заметили, дядюшка, как они со мной обращались?

– Кто? – резко спросил я.

– Полицейский и эти двое парней. Когда я включаю режим сексапильной милашки, с мужчинами обязательно должно что-то происходить. Здесь же – никакой реакции.

– По-моему, они обратили на тебя внимание, – возразил я.

– Ты не понимаешь. Я просто чувствую реакцию. Всегда чувствую. Что-то с ними не так. Они словно мертвецы. Или евнухи – если ты понимаешь, о чем я.

– Гипноз? – предположил Старик.

– Возможно. Или действие наркотиков, – сказала она, нахмурив брови, но на лице ее осталось сомнение.

– Хм… – Старик задумался, потом сказал: – Сэмми, на следующем разъезде сверни налево. Нам нужно осмотреть место в двух милях к югу отсюда.

– Место посадки, вычисленное по фотоснимку?

– А что же еще?

Однако добраться нам туда не удалось. Мост впереди рухнул, а разогнаться, чтобы перескочить реку по воздуху, было негде, да и правила дорожного движения для летающих машин этого не разрешали. Мы заехали с юга, по единственной оставшейся дороге, но там нас остановил полицейский. Сказал, что проезда нет из-за пожара. Кустарник, мол, горит, и, если мы поедем дальше, нам придется участвовать в тушении. И вообще, ему положено бы отправить меня туда сразу.

Мэри захлопала ресницами и наврала, что ни она, ни дядюшка Чарли не умеют водить машину. Полицейский смилостивился и оставил нас в покое.

После того как мы отъехали на приличное расстояние, я спросил:

– Что насчет него?

– В смысле?

– Евнух?

– Ни в коем случае! Очень симпатичный мужчина.

Меня это задело.

Взлететь и сделать заход на триангулированную точку Старик запретил. Сказал, это будет бесполезно. Мы отправились в Де-Мойн и, вместо того чтобы припарковаться у въезда в платную зону, заплатили за въезд в город и вскоре остановились перед студией местного стереовещания. «Дядюшка Чарли» принялся скандалить и прорвался-таки в кабинет генерального директора, ведя нас за собой на буксире. Старик врал на ходу, хотя, может быть, «Чарльз М. Кавано» и в самом деле был какой-нибудь шишкой в Федеральном управлении связи – как знать?

Очутившись в кабинете и закрыв за собой дверь, Старик продолжал строить из себя Высокое Начальство.

– Что это за глупый розыгрыш с летающей тарелкой, сэр? Я требую четкого ответа и предупреждаю, что от этого может зависеть судьба вашей лицензии.

Директор, однако, не испугался; подобные угрозы, видимо, лишь действовали ему на нервы.

– Мы передали опровержение по всем каналам, – сказал он. – Нас просто подставили. Но виновный уже уволен.

– Этого явно недостаточно, сэр.

Человечек – фамилия его была Барнс – пожал плечами:

– А чего еще вы от нас ожидаете? Мы что, должны были на дыбу его вздернуть?

Дядя Чарли ткнул в его сторону сигарой:

– Предупреждаю, сэр, со мной шутки плохи. Я совсем не убежден, что два молодых олуха и младший репортер могли самостоятельно провернуть этот возмутительный розыгрыш. Тут пахнет деньгами, сэр. Да-да, деньгами. И где их искать, как не здесь, на самом верху… А теперь скажите-ка мне, сэр, что именно вы сде…

Мэри сидела рядом со столом Барнса. Она что-то сделала со своей одеждой, выставив напоказ значительную часть тела, и уселась в такой позе, что мне сразу вспомнилась картина Гойи «Маха обнаженная». Спустя несколько секунд она подала Старику сигнал – большой палец вниз.

Барнс вроде бы не должен был этого заметить: мне казалось, что он смотрит только на Старика. Однако заметил. Он повернулся к Мэри, лицо его словно помертвело, а рука потянулась к ящику стола.

– Сэм! Убей его! – коротко приказал Старик.

Я выстрелил. Луч отжег ему ноги, и туловище Барнса грохнулось на пол. Не самый удачный мой выстрел: я думал прожечь дыру в животе.

Пальцы Барнса все еще тянулись к упавшему пистолету, и я отпихнул оружие носком ботинка. Человек с отстреленными ногами уже не жилец, однако умирает не сразу, и я хотел избавить его от мучений, но тут Старик рявкнул:

– Не трогать! Мэри, назад!

Мы подчинились.

Старик осторожно, словно кошка, обследующая незнакомый предмет, подобрался ближе. Барнс издал долгий булькающий вздох и затих – смерть от болевого шока. Старик осмотрел его и осторожно потыкал тростью.

– Босс, пора сваливать, а? – сказал я.

Не оборачиваясь, он ответил:

– Здесь ничуть не опасней, чем где-то еще. Возможно, их в этом здании полно.

– Кого «их»?

– Откуда я знаю? Их, таких вот, как этот. – Он указал на тело Барнса. – Нам как раз и нужно узнать, кто они такие.

Мэри судорожно всхлипнула – первая непритворная женская реакция с момента нашего знакомства – и выдохнула:

– Он еще дышит. Смотрите!

Тело лежало лицом вниз. Пиджак на спине медленно поднимался и опадал, словно легкие Барнса продолжали работать. Старик присмотрелся и ткнул в спину тростью.

– Сэм. Иди-ка сюда.

Я подошел.

– Раздень его, – приказал он. – Только в перчатках. И осторожно.

– Взрывное устройство?

– Заткнись. И поаккуратнее.

Я не знаю, что Старик ожидал там найти, но, должно быть, он догадывался, в чем дело. Я всегда думал, что у него в голове компьютер, который делает верные логические заключения, даже когда фактов всего ничего, – как те музейные умники, что восстанавливают облик доисторических животных по одной-единственной косточке.

И я поверил ему на слово. Натянул на руки перчатки – специальные перчатки агентов: в них можно размешивать пальцем кипящую кислоту, нашарить монетку в полной темноте и на ощупь отличить орел от решки, – а затем принялся переворачивать Барнса, чтобы расстегнуть пиджак.

Спина у него по-прежнему шевелилась. Мне это совсем не понравилось – в этом было что-то неестественное, – и я приложил ладонь между его лопаток.

У нормального человека там позвоночник и мышцы. Здесь же было какое-то желе, мягкое и податливое. Я резко отдернул руку.

Мэри молча подала мне стильные ножницы со стола Барнса, и я разрезал ими пиджак. Затем распахнул разрез, и мы стали смотреть. Под пиджаком оказалась тонкая, почти прозрачная рубашка, а между рубашкой и кожей, от шеи и до середины спины, было что-то еще – толщиной около двух дюймов, отчего и казалось, что человек сутулится или на спине у него небольшой горб.

И эта штука пульсировала, как медуза.

На наших глазах «горб» медленно пополз со спины, прочь от нас. Я протянул руку, чтобы задрать рубашку, но Старик стукнул тростью мне по пальцам.

– Ты все-таки реши, что тебе нужно, – сказал я, потирая костяшки пальцев.

Он молча засунул трость под рубашку и задрал ее к плечам. Тварь оказалась вся на виду.

Серая, чуть просвечивающая, пронизанная какими-то более темными структурами, бесформенная, она походила на гигантский ком лягушачьей икры. Это было определенно живое существо, потому что оно пульсировало, вздрагивало и перетекало с одного места на другое. Пока мы смотрели, оно стекло вниз, заполнило пространство между рукой и грудной клеткой Барнса и застыло там, неспособное двинуться дальше.

– Бедняга, – тихо произнес Старик.

– А? Это?

– Нет. Барнс. Когда все это закончится, напомните мне, что ему полагается «Пурпурное сердце».[5] Надо будет проследить. Если закончится. – Старик выпрямился и принялся расхаживать по кабинету, словно напрочь забыл про серый ужас, угнездившийся под рукой мертвого Барнса.

Я попятился, не спуская с твари взгляда и держа ее под прицелом. Быстро передвигаться она, похоже, не могла, летать, видимо, тоже, но кто ее знает, на что она способна. Мэри подошла, прижалась ко мне плечом, словно ища утешения, и я обнял ее свободной рукой.

На столике у стены громоздилась неаккуратная стопка круглых коробок со стереопленкой. Старик взял одну, вытряхнул кассету на пол и вернулся к нам.

– Это, я думаю, подойдет.

Он поставил коробку на пол рядом с серой тварью и принялся загонять ее внутрь, подпихивая тростью. Вместо этого тварь перетекла еще глубже под руку Барнса и спряталась под его телом почти целиком. Я взял труп за другую руку и оттащил в сторону. Тварь сначала цеплялась, но потом шлепнулась на пол. Мы с Мэри настроили оружие на минимальную мощность и под руководством Старика все-таки загнали тварь в коробку, поджигая пол то с одной стороны, то с другой. Тварь заполнила коробку почти до краев, и я тут же закрыл ее крышкой.

Старик сунул коробку под мышку.

– Что ж, вперед, мои дорогие.

На пороге кабинета он задержался, чтобы через полуприкрытую дверь «попрощаться» с Барнсом, затем закрыл дверь, остановился у стола секретарши и сказал:

– Я зайду к мистеру Барнсу завтра… Нет, еще не знаю во сколько. Предварительно позвоню.

И мы неторопливо двинулись к выходу: Старик прижимал к себе левой рукой коробку с тварью, я настороженно вслушивался, не поднял ли кто тревогу. Мэри без умолку болтала, изображая маленькую дурочку. Старик даже остановился в фойе купить сигару и расспросил клерка, как доехать до нужного нам места, – этакий добродушный старикан, немного бестолковый, но с чрезвычайно высоким самомнением.

Сев в машину, он сказал, куда ехать, и предупредил, чтобы я не превышал скорость. Спустя некоторое время мы остановились у авторемонтной мастерской и заехали в гараж. Старик велел позвать управляющего, а когда тот явился, сказал:

– Машина срочно нужна мистеру Мэлоуну.

Это была кодовая фраза, я и сам такой пользовался, только в тот раз куда-то торопился «мистер Шеффилд». И я знал, что через двадцать минут от машины останутся только безликие запчасти в ящиках на полках.

---

[5] *«Пурпурное сердце»* – военная медаль США, учрежденная во время Войны за независимость Джорджем Вашингтоном. Ею награждают солдат, погибших или получивших ранения в результате боевых действий противника.

Управляющий окинул нас взглядом, отослал двоих механиков из кабинета и коротко ответил:

– Сюда, пожалуйста, через эту дверь.

* * *

Мы очутились в квартире престарелой супружеской пары, там я и Мэри стали брюнетами, а Старик вернул свою лысину. У меня появились усы, которые ничего не добавили к моей внешности. Мэри, надо заметить, выглядела с темными волосами ничуть не хуже, чем с рыжими. Вариант «Кавано» отбросили: Мэри превратилась в медсестру, я – в шофера на службе у богатого старика-инвалида – как положено, с пледом и вечными капризами.

На улице нас ждала новая машина. Назад добрались спокойно. Возможно, нам даже незачем было менять морковного цвета шевелюры. Я держал экран настроенным на студию Де-Мойна, но если полиция и обнаружила труп мистера Барнса, репортеры об этом еще не знали.

Мы двинулись прямиком в кабинет Старика – настолько прямо, насколько это было возможно в наших лабиринтах, разумеется, – и там открыли коробку. Перед этим Старик послал за доктором Грейвсом, руководителем биологической лаборатории Отдела, и все делалось при помощи механических манипуляторов.

Оказалось, нам больше нужны не манипуляторы, а противогазы: кабинет заполнила вонь разлагающейся органики, как от гангренозной раны. Пришлось захлопнуть коробку и включить вентиляцию на полную.

– Что это за чертовщина? – спросил Грейвс, брезгливо наморщив нос. – Похоже на мертвого младенца.

Старик вполголоса выругался.

– Это ты мне расскажешь. Работать манипуляторами, в скафандрах, в стерильном боксе, и я запрещаю думать, что эта тварь уже мертва.

– Если она жива, то я – королева Анна.

– Кто тебя знает? Поэтому не рискуй. Вот все, что я могу сказать: это – паразит, способный присасываться к хозяину, например к человеку, и управлять им. Происхождение и метаболизм почти наверняка инопланетные.

Грейвс фыркнул.

– Инопланетный паразит на человеке? Невозможно. Биохимия была бы несовместимой.

Старик только крякнул.

– Черт бы тебя побрал, с твоими теориями! Когда мы захватили его, он прекрасно чувствовал себя на человеке. Если по-твоему это означает, что организм земной, тогда я хочу знать, откуда он взялся и где искать остальных. Хватит предположений. Мне нужны факты.

– Будут тебе и факты! – раздраженно ответил биолог.

– Шевелись. Стоп! Не используй материала больше, чем нужно для твоих исследований. Основная часть мне нужна в качестве доказательства. И выкинь из головы дурацкую мысль, что тварь мертва. Может быть, этот аромат – просто защитная реакция. Живая она чрезвычайно опасна. Если тварь переберется на кого-то из твоих сотрудников, мне, скорее всего, придется его убить.

Последняя фраза несколько поубавила Грейвсу гонора, и он молча вышел.

Старик откинулся на спинку кресла, тяжело вздохнул и закрыл глаза. Казалось, он уснул. Мы с Мэри молчали. Минут через пять он открыл глаза, посмотрел на меня и спросил:

– Сколько «горчичников» размером с тварь, что унес Док, могло прибыть на космическом корабле размером с тот муляж, что мы видели?

– А был ли корабль? – спросил я. – Фактов пока немного.

– Немного, но они неопровержимы. Корабль был. И он все еще где-то там.

– Нам нужно было обследовать место посадки.

– Там бы нас и похоронили. Те шестеро парней тоже не дураки были. Отвечай на мой вопрос.

– Не могу. Размеры корабля все равно ничего не говорят о его грузоподъемности, когда не знаешь тип двигателя, дальность перелета и какие условия нужны пассажирам… Это как спрашивать, сколько веревки в мотке. Если хочешь ответ с потолка, я бы сказал, этих тварей там бы поместилось несколько сотен, может, несколько тысяч.

– Мм… да, пожалуй. А это значит, что в Айове сейчас бродят несколько сотен или несколько тысяч зомби. Или евнухов, как назвала их Мэри. – Старик на секунду задумался. – Но как пробраться мимо них в гарем? Нельзя же, в самом деле, перестрелять всех сутулых в Айове. – Он едва заметно улыбнулся. – Разговоры пойдут.

– Могу подбросить другой занятный вопросец, – сказал я. – Если вчера в Айове приземлился один корабль, то сколько таких приземлится завтра в Северной Дакоте? Или в Бразилии?

– Да уж… – Старик погрустнел. – Я, так и быть, отвечу на твой вопрос. Знаешь, сколько веревки в твоем мотке?

– Сколько?

– Как раз хватит, чтобы удавиться. Идите пока, ребятки, отмойтесь и повеселитесь. Может, это последняя ваша возможность. С базы не уходить.

Я отправился в «Косметику», вернул себе прежний цвет кожи, восстановил свой обычный внешний вид, отмок в ванной и побывал у массажиста, затем – прямиком в наш бар. Решил выпить и разыскать Мэри. Я, правда, не представлял себе, как она будет выглядеть – блондинка, брюнетка или рыжеволосая, – но ни секунды не сомневался, что узнаю ножки.

Оказалось, волосы у нее рыжие. Мэри сидела за отгороженным столиком и потягивала напиток. Выглядела она практически так же, как в тот момент, когда я увидел ее впервые.

– Привет, сестренка, – сказал я, втискиваясь рядом.

– Привет, братец. Залезай сюда, – ответила она и подвинулась.

Я заказал бурбон с водой, которые мне были нужны в медицинских целях, а потом спросил:

– Ты и в самом деле так выглядишь?

Она покачала головой:

– Бог с тобой. В действительности у меня две головы и полоски как у зебры. А ты?

– Меня мамаша придушила подушкой, едва увидела, так что я до сих пор не знаю.

Она снова окинула меня оценивающим взглядом, а потом сказала:

– Ее нетрудно понять. Но у меня нервы покрепче, так что все в порядке, братишка.

– Спасибо на добром слове, – ответил я. – И знаешь, давай оставим эти глупости насчет братишек и сестренок. А то я как-то скованно себя чувствую.

– Хм… По-моему, тебе это только на пользу.

– Мне? Нисколько. Я вообще тихий. И очень даже ласковый. – Я мог бы еще добавить, что с такими девушками лучше волю рукам не давать: если ей не понравится, глядишь, и без рук можно остаться. У Старика другие не работают.

Она улыбнулась:

– Да ну? Зато я не ласкова. Во всяком случае, сегодня. – Мэри поставила бокал на стол. – Допивай лучше и повторим.

Что мы и сделали. Мы продолжали сидеть рядом, просто наслаждаясь теплом и – до поры до времени – покоем. При нашей профессии такие минуты выпадают нечасто, и от этого их еще больше ценишь.

Одним из достоинств Мэри было то, что она никогда не врубала свою сексапильность на полную мощность, разве что в профессиональных целях. Наверное, она сознавала… нет, я абсолютно уверен, что она сознавала, какой ударной силой в этом плане обладает. Но она

была слишком джентльменом, чтобы испытывать эту силу на живых людях. И она держала свой регулятор на минимуме, как раз чтобы нам обоим было тепло и уютно.

И пока мы так сидели, лениво переговариваясь, мне ни с того ни с сего подумалось, как хорошо Мэри выглядела бы во втором кресле у камина. Работа у меня такова, что раньше я никогда всерьез не думал о супружестве, и вообще, девочки – это только девочки, и незачем раздувать вокруг них ажиотаж. Но Мэри сама была агентом; с ней и поговорить можно по-человечески. Я вдруг понял, что чертовски одинок и тянется это уже очень давно.

– Мэри…

– Да?

– Ты замужем?

– Э-э-э… А почему ты спрашиваешь? Вообще-то, сейчас – нет. Но какое тебе… Я хотела сказать, какое это имеет значение?

– Может, и имеет, – упрямо продолжал я.

Она покачала головой.

– Я серьезно, – продолжал я. – Вот взгляни на меня: руки-ноги на месте, совсем не стар еще и всегда вытираю ноги в прихожей. Чем не пара?

Она рассмеялась, впрочем вполне добродушно:

– Мог бы подготовить текст и получше. Думаю, сейчас ты импровизировал.

– Точно.

– Ладно, за это прощаю. Фактически я уже забыла. Но знаешь, волчара, тебе следует поработать над техникой. Совсем ни к чему терять голову и предлагать женщине брачный контракт только из-за того, что сегодня она отказалась с тобой переспать. Однажды какая-нибудь из них поймает тебя на слове.

– Я не шутил, – сказал я.

– Да? И какое содержание ты предлагаешь?

– Черт возьми, женщина! Если ты настаиваешь на таком контракте, то я и на это согласен. Можешь оставить себе свою зарплату, я готов переводить тебе половину своей… если не захочешь уходить в отставку.

Она покачала головой:

– Мне это не нужно. Я не стала бы требовать контракта, во всяком случае от мужчины, за которого сама захочу выйти замуж…

– И видимо, ты не хочешь.

– Просто я пыталась доказать, что это у тебя не всерьез. – Мэри внимательно на меня посмотрела. – Хотя, возможно, я ошибалась, – добавила она мягко.

– Да, – сказал я. – Ты ошибалась.

Она снова покачала головой:

– Агентам не следует жениться. Ты и сам это знаешь.

– Агентам не следует жениться ни на ком, кроме агентов.

Она начала отвечать, но запнулась. Мой собственный телефон за ухом заговорил голосом Старика, и я понял, что она слышит то же самое.

– Срочно ко мне в кабинет! – приказал Старик.

Мы молча встали. В дверях Мэри положила руку мне на плечо и посмотрела в глаза:

– Вот поэтому говорить о браке сейчас просто глупо. У нас работа не закончена. Пока мы разговаривали, ты постоянно думал о деле, и я тоже.

– Я не думал.

– Не играй со мной! Сэм… Представь себе, что ты женат и, проснувшись, вдруг видишь одну из тех тварей на плечах у своей жены. Представь, что она управляет твоей женой. – В ее глазах царил ужас, но она продолжала: – А теперь представь, что я проснулась и увидела одну из них у тебя на плечах.

– Готов рискнуть. И я не позволю им подобраться к тебе.
Она прикоснулась к моей щеке:
– Верю.
Когда мы вошли к Старику, он поднял голову только для того, чтобы коротко бросить:
– Отлично. Поехали.
– Куда? – спросил я. – Или мне не следовало задавать этот вопрос?
– В Белый дом. К президенту. А теперь заткнись.
Я заткнулся.

3

В начале лесного пожара или эпидемии есть короткий промежуток, когда их можно остановить минимальными усилиями, если действовать четко и своевременно. Разные умники могут описать это экспоненциальными уравнениями, но не нужна математика, чтобы понять: результат зависит от ранней диагностики и оперативных действий, предпринятых до того, как процесс выйдет из-под контроля. И Старик уже решил, что нужно сделать президенту: объявить на всей территории страны чрезвычайное положение, оцепить Де-Мойн и окрестности и стрелять в любого, кто попытается оттуда выскользнуть, будь то спаниель или бабушка с печеньем в корзинке. А затем начать выпускать жителей по одному, раздевая и обыскивая на наличие паразитов. Одновременно задействовать радарные службы, ракетчиков и космические станции для обнаружения и уничтожения других кораблей.

Предупредить все страны, включая те, что за железным занавесом, попросить их о помощи, но не очень-то церемониться с международными законами, потому что речь идет о выживании человечества в борьбе против инопланетных захватчиков. И не важно, откуда они пришли – с Марса, с Венеры, со спутников Юпитера или вообще из другой звездной системы. Главное – отразить вторжение.

Старик расколол это дело, проанализировав его, и выработал правильное решение всего за сутки с небольшим. У него была уникальный дар: факты удивительные и невероятные он подчинял логике с такой же легкостью, как и самые обыденные. Вы скажете, не бог весть какой дар? Я лично не встречал никого, кто мог бы вот так запросто это проделать. Большинство людей, столкнувшись с фактами, которые противоречат их убеждениям, вообще перестают соображать. Интеллектуалы и недоумки в такой ситуации говорят одно: «Я просто не могу в это поверить».

Только не наш Старик. А к его мнению прислушивается сам президент.

* * *

Охрана из секретной службы работает серьезно. Рентгеноскоп сделал «бип», и мне пришлось сдать лучемет. Мэри оказалась просто ходячим арсеналом: машина подала сигнал четыре раза, потом еще коротко булькнула, хотя я готов был поклясться, что ей даже корешок от налоговой квитанции негде спрятать. Старик отдал свою трость сразу, не дожидаясь вопросов. Видимо, не хотел, чтобы ее просвечивали рентгеном.

Наши аудиокапсулы выявил и рентгеноскоп, и металлоискатель, но у охранников не было оборудования для хирургических операций. Торопливо посовещавшись с секретарем президента, начальник охраны решил, что предметы, имплантированные под кожей, оружием можно не считать. У нас взяли отпечатки пальцев, сфотографировали сетчатку и тогда только провели в приемную. Старик тут же вошел в кабинет, чтобы встретиться с президентом наедине.

– Интересно, зачем он нас сюда притащил? – спросил я у Мэри. – Старик сам знает все, что знаем мы.

Она не ответила, так что я стал убивать время, мысленно перебирая лазейки в системе президентской безопасности. За железным занавесом это дело налажено куда лучше а тут любой мало-мальски толковый убийца легко вырубил бы всех наших охранников. Меня это даже немного возмутило.

Спустя какое-то время нас пригласили войти. Внезапно на меня накатил такой страх перед сценой, что я шел, не чувствуя ног. Старик нас представил, я что-то, запинаясь, ответил, а Мэри молча поклонилась.

Президент сказал, что рад с нами познакомиться, и «включил» свою знаменитую улыбку – ту самую, что вы часто видели на экране телевизора, – отчего мне сразу поверилось, что он действительно рад встрече. У меня внутри потеплело, и я перестал смущаться. И уже ни о чем больше не беспокоился. Сейчас президент с помощью Старика начнет действовать и вычистит весь тот грязный ужас, который мы видели.

Первым делом Старик приказал мне доложить обо всем, что я делал, видел и слышал, выполняя последнее задание. Я доложил – максимально коротко, но ничего не опуская. Добравшись до того места в рассказе, где мне пришлось убить Барнса, я попытался поймать взгляд Старика, но он смотрел куда-то в пространство, и я не стал упоминать о его приказе стрелять. Сказал просто, что выстрелил, защищая второго агента, Мэри, когда Барнс выхватил пистолет. Старик тут же меня прервал:

– Полный отчет!

Пришлось добавить про его приказ стрелять. Президент бросил на Старика один короткий взгляд и больше никак не отреагировал. Я рассказал о паразите и, поскольку никто меня не останавливал, обо всем, что случилось после, до настоящего момента.

Затем настала очередь Мэри. Она довольно сбивчиво попыталась объяснить президенту, почему рассчитывает на какую-то реакцию со стороны нормальных мужчин – реакцию, которой не было у молодых Маклейнов, полицейского и Барнса, – но тут он сам пришел ей на помощь. Президент улыбнулся и сказал:

– Милая девушка, я вам охотно верю.

Мэри покраснела, президент дослушал ее до конца уже с серьезным выражением лица. Он задал несколько вопросов и на несколько минут задумался. Затем обратился к Старику:

– Эндрю, твой Отдел всегда оказывал мне неоценимую помощь. Как минимум дважды ваши отчеты влияли на решения в переломные исторические моменты.

Старик фыркнул.

– Значит, «нет», так?

– Я этого не говорил.

– Но собирался.

Президент пожал плечами:

– Я хотел предложить, чтобы твои молодые люди нас на время оставили, но сейчас это не важно. Ты, конечно, гений, Эндрю, но и гении ошибаются. Они переутомляются и теряют ясность суждений. Я не гений, но лет сорок назад я научился периодически отдыхать. Как давно ты не был в отпуске?

– К черту твой отпуск! Послушай, Том, я предвидел подобную реакцию. И поэтому привел с собой свидетелей. Они не под наркотиками и не получили никаких инструкций. Можешь вызвать своих психологов – пусть попробуют поймать их на лжи.

Президент замотал головой:

– Ты бы не привел свидетелей, которых можно было расколоть. Я не сомневаюсь, что в подобных вещах ты разбираешься лучше любого специалиста, которого я могу пригласить. Взять, например, вот этого молодого человека, – чтобы выгородить тебя, он готов пойти на риск быть обвиненным в убийстве. Ты буквально вдохновляешь на преданность, Эндрю. А что касается молодой леди – право же, Эндрю, я не могу начать военные действия, опираясь только на женскую интуицию.

Мэри шагнула вперед.

– Господин президент, – сказала она очень серьезно, – я абсолютно уверена в том, что говорю. Я всегда это чувствую. Не могу объяснить, как именно, но те люди не имели ничего общего с нормальными мужчинами.

Он поколебался, потом ответил:

– Да, но вы упускаете из виду вполне очевидное объяснение, – возможно, это и в самом деле, извиняюсь, «евнухи». Такие несчастные, увы, встречаются. И по законам вероятности вам запросто могли встретиться четверо за один день.

Мэри умолкла. Зато заговорил Старик:

– Черт побери, Том! – (Я даже вздрогнул: ну разве можно так разговаривать с президентом?) – Я ведь знал тебя еще в те дни, когда ты работал в сенатской комиссии, а сам я был у тебя главной ищейкой. И ты прекрасно понимаешь, что я не пришел бы к тебе с подобной сказкой, если бы мог найти какое-то другое объяснение. Как насчет космического корабля? Что там внутри? Почему я не мог попасть на место посадки? – Старик вытащил снимок, сделанный с космической станции «Бета», и сунул его под нос президенту.

Это, однако, не произвело на того никакого впечатления.

– Ах да, факты. Эндрю, мы оба с тобой неравнодушны к фактам. Но, кроме твоего Отдела, у меня есть и другие источники информации. Вот этот снимок, например. Ты, когда звонил, особо подчеркивал важность фотоснимка. Я проверил эти факты. И местоположение фермы Маклейнов, указанное в земельных книгах округа, полностью совпадает с координатами объекта на этой фотографии. – Президент поднял взгляд и посмотрел на Старика в упор. – Однажды я по рассеянности свернул не в тот квартал и заблудился в своем родном районе. А ведь там, Эндрю, был даже не твой район.

– Том…

– Что, Эндрю?

– Ты, случайно, не сам ездил проверять карты округа?

– Нет, разумеется.

– Слава богу, а то бы сейчас у тебя на плечах уже висело фунта три пульсирующего желе – и тогда храни Господь Соединенные Штаты! Можешь не сомневаться: и клерк в столице округа, и агент, которого ты послал, уже таскают на плечах таких паразитов. – Старик задумчиво посмотрел на потолок. – Да, и шеф полиции Де-Мойна, и редакторы местных газет, и авиадиспетчеры, и полицейские – короче, все люди на всех ключевых постах. Том, я не знаю, с чем мы столкнулись, но они-то наверняка понимают, что собой представляем мы, и планомерно отсекают нервные клетки социального организма, прежде чем эти клетки смогут послать сигналы. Или же взамен истинной выдают ложную информацию, как в случае с Барнсом. Так что, господин президент, вы должны немедленно отдать приказ о жесточайших карантинных мерах в этом регионе. Другого пути нет!

– Да, Барнс… – тихо проговорил президент. – Эндрю, я надеялся, что мне не придется прибегать к этому… – Он щелкнул тумблером на селекторе. – Дайте мне станцию стереовещания в Де-Мойне, кабинет директора.

Экран на его столе засветился почти сразу. Президент нажал еще одну кнопку, и включился большой настенный экран. Мы увидели кабинет, в котором побывали всего несколько часов назад.

Почти весь экран заслоняла фигура человека – и это был Барнс.

Или его двойник. Если мне случается кого-то убить, эти люди никогда не восстают из мертвых. Увиденное меня потрясло, но все же я верю в себя. И в свой лучемет.

– Вы меня вызывали, господин президент? – спросил человек на экране. Судя по голосу, он был несколько ошарашен оказанной ему честью.

– Да, благодарю вас. Мистер Барнс, вы узнаете кого-нибудь из этих людей?

На лице Барнса появилось удивленное выражение.

– Боюсь, что нет. А должен?

Тут вмешался Старик:

– Скажите ему, чтобы пригласил в кабинет своих сотрудников.

Президент удивился, но просьбу выполнил. «Барнс» выглядел озадаченным, но подчинился. В кабинете появилось еще несколько человек, в основном девушки, я узнал секретаршу, что сидела в приемной Барнса. «Ой, да это же президент»! – пискнула вдруг одна из девушек, и они все разом загалдели.

Никто из них нас не узнал. В отношении меня и Старика это неудивительно, но Мэри выглядела так же, как и тогда, а я готов спорить, что у любой женщины, которая ее видела, образ Мэри врезался в память навсегда.

И еще я заметил: все они сутулились.

* * *

После этого президент нас просто выпроводил. Прощаясь, он положил руку Старику на плечо и сказал:

– Серьезно, Эндрю, возьми отпуск. – Он опять сверкнул своей знаменитой улыбкой. – Страна без тебя не рухнет в одночасье – я подопру ее своим плечом, пока ты не вернешься.

Спустя десять минут мы уже стояли на холодном ветру на платформе Рок-Крик. Старик словно стал меньше ростом, он впервые показался мне настоящим стариком.

– Что теперь, босс?

– А? Для вас – ничего. Вы оба в отпуске до дальнейших распоряжений.

– Я бы хотел еще раз заглянуть к Барнсу.

– В Айову не суйся. Это приказ.

– Мм… А что ты собираешься делать, если не секрет?

– Ты же слышал президента? Собираюсь махнуть во Флориду. Лягу на горячий песок и буду ждать, пока весь мир не полетит к чертям. Если у тебя хватит ума, ты поступишь так же. Времени осталось совсем немного.

Он расправил плечи и двинулся прочь. Я обернулся, чтобы переговорить с Мэри, но она уже ушла. Его совет прозвучал чертовски хорошо, и мне внезапно пришло в голову, что дожидаться конца света в ее компании будет не так уж плохо. Я быстро огляделся по сторонам, но на платформе ее не было. Тогда я побежал и догнал Старика.

– Прошу прощения, босс, – спросил я, – а куда ушла Мэри?

– А? Конечно отдыхать, куда же еще? Все. Меня не беспокоить.

Я хотел разыскать Мэри по собственной системе связи Отдела, но вспомнил, что не знаю ни ее настоящего имени, ни позывного, ни идентификационного номера. Я подумал было искать ее по описанию, но решил, что это будет просто глупо. Только в «Косметике» знают, как на самом деле выглядит агент, а они ничего не скажут. Я знал только, что она дважды ходила на задание рыжеволосой, по крайней мере один раз – по собственному выбору, и что выглядела она – на мой вкус – как объяснение, «почему мужчины дерутся». Попробуйте-ка пробейте это по телефону!

Короче, я просто снял номер в гостинице. А когда снял, задумался, почему не уехал из столицы и не вернулся в свою квартиру. Потом я задумался – а там ли еще моя блондинка. Потом задумался, кто она вообще такая, эта блондинка. Потом я уснул.

4

Проснулся я уже в сумерках. В номере имелось настоящее окно – в Отделе хорошо платят, и я могу себе позволить немного роскоши. И теперь я смотрел в окно, наблюдая, как оживает с приходом ночи столица. Огибая мемориальный комплекс, уходила вдаль река. Было лето, и выше по течению, за границей округа, в воду добавляли флуоресцин, отчего река светилась в ночи переливами розового, янтарного и алого цвета. По ярким полосам сновали туда-сюда маленькие прогулочные катера с парочками, у которых, без сомнения, «одно на уме».

На суше, то здесь, то там, посреди старых зданий зажигались прозрачные купола, превращая город в какую-то сияющую сказочную страну. К востоку, где в свое время упала бомба, старых домов не было вообще, и весь район казался огромной корзиной с подсвеченными изнутри пасхальными яйцами.

Из-за своей работы мне приходилось видеть столицу ночью чаще, чем большинству людей, и мне здесь нравилось, хотя я никогда раньше об этом не задумывался. А сегодня у меня возникло такое чувство, будто это в последний раз. Город был так красив! Но не от красоты сдавливало горло – от понимания, что там, внизу, под покровом мягкого света, – люди, живые люди, личности, и все заняты обычными своими делами, любят, ссорятся, как кому нравится, – короче, каждый делает, черт побери, что ему хочется, «под своей виноградною лозою и под своей смоковницей», и, как там сказано, «никто их не устрашает».[6]

Я думал обо всех этих милых добрых людях (за исключением парочки случайных подонков) и представил себе, что на каждом сидит присосавшийся за плечами серый слизняк, который двигает их ногами и руками, заставляет говорить, что ему нужно, и идти, куда ему хочется.

Черт бы все побрал, даже под комиссарами жизнь не настолько скверная! Я знаю, о чем говорю, – я был за железным занавесом. Подумав об этом, я дал себе клятву: если победят паразиты, я лучше погибну, но не позволю такой твари ездить у меня на спине, как одна из них каталась на Барнсе. Агенту Отдела это несложно, достаточно откусить ноготь, а если руки связаны или еще что, есть множество других способов. Старик планирует на все случаи жизни.

Но он планировал подобные штуки совсем для иных целей, и я это знал. Наше с ним дело – охранять безопасность тех людей внизу, а вовсе не сбегать, когда приходится слишком туго.

Но сделать сейчас я все равно ни черта не мог. Я отвернулся от окна и подумал, что мне, пожалуй, не хватает компании. В комнате оказался стандартный каталог «эскорт-бюро» и «модельных агентств», какой можно найти почти в каждом большом отеле, за исключением, быть может, «Марты Вашингтон»;[7] я полистал его, поглазел на девочек и захлопнул. Мне не нужны были бедовые девчонки, мне нужна была одна, конкретная, острая на язык девчонка, которая стреляет так же легко, как пожимает руку. Но я не знал, где ее искать.

У меня всегда при себе пузырек с пилюлями «темпус фугит»,[8] большинство агентов носит их в кармане, потому что никто не знает, когда потребуется встряхнуть рефлексы, чтобы справиться с трудными ситуациями. И что бы там ни писали всякие паникеры, «темпус» вовсе не вызывает зависимости, как его ближайший аналог гашиш.

Хотя, конечно, какой-нибудь пурист мог бы сказать, что я на него подсел, потому что у меня вошло в привычку принимать «темпус» – время от времени, чтобы свободные сутки показались неделей отпуска. Признаю, что мне нравится легкая эйфория, которую вызывает

---

[6] «Но каждый будет сидеть под своей виноградной лозой и под своей смоковницей, и никто не будет устрашать их» (Мих. 4: 4).

[7] *«Марта Вашингтон»* – первоначально чисто женский отель на Манхэттене, предназначенный для белых женщин среднего класса.

[8] Латинское выражение «tempus fugit», означающее «время бежит» и почерпнутое из Вергилия: «Между тем бежит, бежит безвозвратное время» («Георгики», III, 284).

таблетка в виде побочного эффекта. Но главное – это свойство растягивать субъективное время в десять и более раз, дробить его на мельчайшие отрезки, за счет чего в те же календарные сроки можно прожить гораздо дольше.

Что в этом плохого? Да, разумеется, я знаю ту жуткую историю о человеке, который состарился и умер за месяц, потому что принимал пилюли одну за другой, но я пользуюсь ими лишь изредка.

А может быть, этот человек знал, что делал. Он прожил долгую счастливую жизнь – не сомневайтесь, счастливую – и в конце концов умер тоже счастливым. Какая разница, что солнце вставало для него только тридцать раз? Кто ведет счет счастью и устанавливает правила?

Я сидел, глядя на пузырек с таблетками, и думал, что там достаточно – по моему личному времени – года на два. Если захочу, я могу забраться в норку и закрыть вход…

Я вытряхнул на ладонь две штуки, налил стакан воды. Потом сунул их обратно в пузырек, нацепил пистолет и аппарат связи, вышел из отеля и направился в Библиотеку конгресса.

По дороге остановился в баре, по-быстрому пропустил рюмочку и посмотрел выпуск новостей. Из Айовы ничего не было, но, с другой стороны, когда в Айове вообще что-нибудь случается?

В библиотеке я сразу прошел в общий каталог, уткнулся глазами в бленду и начал просматривать ссылки: от «летающих тарелок» к «летающим дискам», потом к «проекту „Блюдце“»,[9] затем пошли «огни в небе», «болиды», «диффузионная теория космического происхождения жизни», а также две дюжины тупиковых маршрутов и всякая околонаучная мура для чокнутых. Где руда, а где пустая порода? Только со счетчиком Гейгера и определишь. Тем более что самая нужная информация прячется, возможно, где-нибудь между баснями Эзопа и мифами об Атлантиде.

Тем не менее через час у меня уже скопилось две горсточки селекторных карточек. Я вручил их весталке за стойкой, и та принялась скармливать их машине. Наконец она закончила и произнесла:

– Большинство пленок, что вы заказали, уже выданы. Остальные документы доставят в зал девять-а. Воспользуйтесь южным эскалатором, пожалуйста.

В зале 9-а работал только один человек. Когда я вошел, этот человек поднял голову и сказал:

– Ну и ну! Волчара собственной персоной. Как ты меня вычислил? Я была уверена, что ушла чисто.

– Привет, Мэри, – сказал я.

– Привет, – ответила она, – и давай до свидания. Я все еще не стала ласковой, и мне нужно работать.

Я разозлился:

– Знаешь что, грубиянка, тебе это может показаться странным, но я пришел сюда отнюдь не ради твоих, без сомнения, прекрасных глаз. Время от времени я тоже, случается, работаю. Но можешь успокоиться: как только мои пленки прибудут, я смоюсь отсюда к чертовой матери и найду себе другой зал. Только для мальчиков.

Она тут же смягчилась и, вместо того чтобы открыть ответный огонь, сказала:

– Извини, Сэм. Когда женщине приходится выслушивать одно и то же по тысяче раз на дню, ей начинает казаться, что никаких других тем и не бывает. Садись.

– Да нет, спасибо, – ответил я. – Лучше поищу свободную комнату. Мне на самом деле нужно поработать.

---

[9] *«Блюдце»* – официальный проект изучения НЛО, осуществленный ВВС США в 1948 г. и рассекреченный в 1956 г.

– Останься, – попросила она. – Видишь, что там написано? Если ты вынесешь пленки из того зала, куда они были доставлены, у сортировочной машин все лампы перегорят от натуги, а у главного библиотекаря будет нервный срыв.

– Я их верну обратно, когда закончу.

Она взяла меня за руку, и я почувствовал, как у меня по коже побежали приятные теплые мурашки.

– Ну пожалуйста, Сэм. Извини меня.

Я сел и ухмыльнулся:

– Теперь меня никто не заставит уйти. Я не ожидал тебя здесь встретить, но теперь, когда мы оба здесь, я не выпущу тебя из виду, пока не узнаю твой номер телефона, адрес и настоящий цвет волос.

– Волчара, – тихо сказала Мэри, наморщив носик. – Ты никогда не узнаешь ни того, ни другого, ни третьего.

Она демонстративно уткнулась в визор проекционной машины, словно меня рядом и не было. Но я видел, что она не сердится.

Труба пневмодоставки глухо икнула, и мои пленки повалились в приемный лоток. Я сложил их стопкой рядом с соседним проектором, но одна покатилась, ударилась о стопку кассет, что просматривала Мэри, и они рассыпались по столу. Я взял, как мне показалось, свою пленку, взглянул сначала на одну сторону, где стоял серийный номер и точечный код для селекторной машины, перевернул, прочел название и положил в свою стопку.

– Эй! – сказала Мэри. – Это моя!

– Черта с два! – вежливо возразил я.

– Нет, моя! Я заметила этикетку, когда ты ее переворачивал. Я собиралась смотреть ее следующей.

Рано или поздно, но до меня всегда доходит очевидное. Мэри пришла сюда не для того, чтобы изучать историю обуви начиная со Средневековья. Я взял несколько ее пленок и прочел названия на этикетках.

– Так вот почему нужные мне пленки оказались на руках, – сказал я. – Но ты не довела работу до конца. Я нашел кое-что, что ты пропустила. – И я придвинул ей свою стопку.

Мэри просмотрела названия и сгребла все пленки в одну кучу.

– Разделим на двоих или каждый просмотрит все?

– Давай пополам, чтобы отсеять мусор, а потом вместе пробежимся по оставшимся, – решил я. – Поехали.

Даже после того, как я своими глазами увидел паразита на спине бедняги Барнса, после заверений Старика о том, что тарелка действительно приземлилась, я оказался не готовым к тем горам фактов, что можно обнаружить в информационных завалах обычной публичной библиотеки. Черт бы побрал Дигби с его оценочной формулой! Этот Дигби был в душе просто флоксиносинигилипилификатор,[10] который не верил ничему, что нельзя пощупать руками и попробовать на зуб.

Факты неопровержимо свидетельствовали, что Землю посещали инопланетные корабли, причем неоднократно.

Множество сообщений было зарегистрировано еще до выхода человечества в космос – начиная с семнадцатого века и даже раньше, хотя вряд ли можно считать достоверными сообщения тех времен, когда «наука» означала ссылки на Аристотеля. Первые систематизированные данные появились в США в 40-е и 50-е годы двадцатого века. Следующий всплеск при-

[10] *Флоксиносинигилипилификатор* – шуточное слово, составленное студентами Итона из нескольких латинских слов (floccus + naucum + nihilum + pilus) с общим значением «ничто», «пустяк» и означающее человека, который все считает ненужным и бесполезным.

шелся на 80-е, в основном из Русской Сибири. Достоверность этих сообщений трудно было оценивать, поскольку не было никаких прямых подтверждений от наших разведчиков, а ко всему, что появляется из-за железного занавеса, по определению следовало относиться как к фальшивке.

Я заметил некую закономерность и начал выписывать даты. Выходило, что странные объекты в небе появлялись в большом количестве примерно с тридцатилетней периодичностью. Я сделал себе пометку: пусть с этим поработает аналитик, разбирающийся в статистической обработке данных, или, еще лучше, можно скормить эти данные Старику, и он сразу увидит правильный ответ в хрустальном шаре, который служит ему мозгом.

Тема летающих тарелок была напрямую связана с «таинственными исчезновениями», и не только потому, что они обе проходили по одной категории, вместе с морскими змеями, кровавыми дождями и прочими необъяснимыми явлениями, но и потому, что по крайней мере в трех хорошо задокументированных случаях пилоты, преследовавшие тарелки, не возвращались на базу и не садились где-либо еще. Официальные инстанции в таких случаях сообщали: «Разбился и не найден» – самая простая отмазка в подобных ситуациях.

Мне в голову пришла новая мысль, и я решил проверить, подчиняются ли таинственные исчезновения тридцатилетнему циклу, и если да, не соответствует ли он циклу движения какого-нибудь из объектов звездного неба. Это походило на правду, но я не был уверен: слишком много было данных и очень малы отклонения от среднего. Ведь каждый год множество людей исчезает по иным причинам – от потери памяти до невыносимой тещи.

Но записи актов гражданского состояния велись в течение длительного времени, и не все они были утрачены во время бомбежек. Я пометил это себе, чтобы потом отдать в работу профессиональным аналитикам.

Тот факт, что сообщения вроде бы группировались компактно географически или даже политически, я даже не особо пытался трактовать. Интуитивная гипотеза у меня была только одна. Поставьте себя на место захватчиков; если вы изучаете чужую планету, станете ли вы равномерно обследовать ее всю целиком или выделите области, которые вам показались интересными (какими бы критериями отбора вы ни пользовались), а затем сосредоточитесь на них?

Это было всего лишь предположение, и я готов был отказаться от него ради завтрака, если что.

За ночь работы мы с Мэри не обменялись и тремя словами. Затем, потягиваясь, встали. Я одолжил ей мелочь, чтобы опустить в машину и сделать микрокопии тех записей, которые она отметила (и почему женщины никогда не носят с собой мелочь?), и выкупил свои кассеты.

– Ну и каков приговор? – спросил я.

– Я чувствую себя как воробей, который построил симпатичное гнездышко в водосточном желобе.

Я процитировал стишок[11] и сказал:

– Видимо, с нами будет то же самое: ничему не научившись, мы опять построим гнездо в желобе.

– О нет! Сэм, надо срочно что-то делать! Нужно убедить президента. Тут прослеживается четкая закономерность: на этот раз они пришли, чтобы остаться.

– Может быть. Думаю, все так и есть.

– Но что же нам делать?

– Лапушка, пришло время тебе понять, что в стране слепых даже одноглазому приходится несладко.

---

[11] В стишке («He was a bloody sparrow. Lived up a bloody spout») воробья смывает ливень, потом воробей обсыхает и возвращается в желоб. Более известен детский вариант этого стишка (без сквернословия), где вместо воробья фигурирует паучок.

– Не будь циником. Времени нет.

– Верно, нет. Пошли.

Когда мы уходили, рассвет уже занимался и библиотека был почти пуста.

– Вот что, – сказал я. – Давай возьмем бочонок пива, отвезем ко мне в гостиницу и все это хорошенько обговорим.

Она покачала головой:

– Только не к тебе в гостиницу.

– Черт! Это же по делу!

– Поехали ко мне домой. Всего две сотни миль. Я приготовлю завтрак.

Я вовремя вспомнил основную цель своей жизни, так что не забыл плотоядно ухмыльнуться:

– Это самое лучшее предложение за сегодняшнюю ночь. Но если серьезно: почему не ко мне? Мы бы позавтракали там и сэкономили полтора часа на дороге.

– Не хочешь ко мне домой? Я не кусаюсь.

– Жаль, я на это рассчитывал. Я бы тогда ответил… Нет, мне просто интересно: с чего вдруг такая перемена?

– Ну, может быть, я хотела показать тебе медвежьи капканы, которые красиво расставила вокруг своей кровати. А может, доказать, что я умею готовить. – На ее щеках появились маленькие ямочки.

Я тормознул такси, и мы отправились к ней домой.

* * *

Когда мы вошли внутрь, она оставила меня в прихожей, а сама тщательно обследовала квартиру. Вернувшись, она сказала:

– Повернись. Хочу пощупать твою спину.

– Какого…

– Повернись!

Я заткнулся и сделал то, что она просила. Мэри хорошенько простучала костяшками пальцев мою спину, а потом сказала:

– Теперь можешь проверить меня.

– С удовольствием! – Однако я уже понял, к чему она клонит, и отнесся к делу серьезно. Под платьем не оказалось ничего, кроме девушки и нескольких смертоносных игрушек.

Она повернулась ко мне лицом и облегченно вздохнула.

– Вот поэтому я и не хотела ехать к тебе в гостиницу. Тут мы в безопасности. Первый раз чувствую себя в безопасности, с тех пор как увидела эту тварь на спине директора станции. Квартира полностью герметична. Уходя, я всегда отключаю воздух и оставляю ее запечатанной, как банковское хранилище.

– А что насчет кондиционеров? Может эта тварь пробраться через воздуховод?

– Наверное. Но я не включала кондиционер. Вместо этого открыла резервный баллон, что стоит на случай налета. Так что не бери в голову. Что тебе приготовить?

Я бы предпочел саму Мэри, сервированную на тостике с листиком салата, но вместо этого спросил:

– Нет ли надежды на двухфунтовый стейк, лишь самую малость подогретый?

Мы поделили на двоих пятифунтовый стейк, и я клянусь, что съел меньшую половину. За едой мы смотрели программу новостей, но из Айовы по-прежнему ничего не было.

5

Медвежьих капканов я так и не увидел: Мэри просто заперла дверь в спальню. Я обнаружил это, когда попытался ее открыть. Спустя три часа Мэри меня разбудила, и мы позавтракали во второй раз. Потом мы закурили, и я включил выпуск новостей. Он был посвящен в основном показу претенденток от разных штатов на звание Мисс Америка. Раньше я с удовольствием смотрел эти шоу, но не сейчас. И поскольку никто из претенденток не сутулился, а их конкурсные костюмы не скрыли бы даже следа от комариного укуса, я быстро потерял интерес к передаче.

– Итак, – спросил я, – что будем делать?

– Надо систематизировать факты, которые мы откопали, и ткнуть президента в них носом. Нужна по-настоящему глобальная операция национального масштаба.

– И как это сделать?

– Нужно снова с ним встретиться.

– Как? – повторил я.

Ответа у нее не было.

– У нас есть только один маршрут – по официальным каналам, – сказал я, – через Старика.

Я попытался связаться с ним, используя оба наших кода, чтобы Мэри тоже участвовала в разговоре, но в ответ услышал:

– Первый заместитель Олдфилд. Я за Старика – он сейчас недоступен. Выкладывайте.

– Мне нужен сам Старик.

Последовала пауза, после чего он сказал:

– Ни одного из вас в моем списке людей на заданиях нет. Это служебное или личное дело?

– Пожалуй, личное.

– По личным вопросам я вас соединять не стану, а все служебные можете решать со мной.

Я поблагодарил Олдфилда и отключился, чтобы не наговорить ему лишнего. Потом набрал еще один номер. У Старика есть специальный канал связи, в дополнение к обычным, этим сигналом его из могилы поднять можно, но не дай бог кому-то из агентов воспользоваться кодом без важного повода. Я сам им пять лет не пользовался.

Старик ответил букетом ругательств.

– Босс, – перебил я его, – это насчет Айовы…

Он сразу утихомирился:

– Да?

– Мы с Мэри за ночь кое-что накопали в архивах и хотели бы все это с вами обсудить.

Вновь ругательства. Он распорядился передать данные в аналитический отдел и добавил, что при следующей встрече оторвет мне уши.

– Босс! – рявкнул я.

– А?..

– Если вы хотите все бросить, мы готовы сделать то же самое. Мы с Мэри уходим из Отдела прямо сейчас, считайте это официальным заявлением.

Мэри вскинула брови, но промолчала. Старик тоже замолчал надолго. Я уж думал, что он отключился, – как вдруг он выдавил усталым голосом:

– Отель «Палмглейд», на севере Майами-Бич. Я на пляже, третий с края.

– Вылетаем.

Я заказал такси, и мы поднялись на крышу. Я посоветовал таксисту сделать крюк над океаном, чтобы не нарваться на полицейские радары над Каролиной, и мы очень быстро добрались.

* * *

Старик прекрасно загорел. Он выслушал наш доклад, с мрачным видом просеивая между пальцами песок. Я даже прихватил с собой маленький проектор, чтобы он мог сам просмотреть записи.

Когда мы дошли до тридцатилетнего цикла, Старик резко вскинул голову, но позволил продолжать, до тех пор пока мы не дошли до вопроса о возможности такой же цикличности в исчезновениях. Тут он нас прервал и связался с Отделом:

– Дайте мне аналитиков. Алло, Питер? Это босс. Мне нужен график необъяснимых исчезновений начиная с тысяча восьмисотого года. Чьих? Людей, конечно же, а не ключей от машины. Сгладишь известные факторы и отбросишь стабильный уровень. Мне нужны скачки и спады. Когда? Два часа назад. Ну чего ты еще ждешь?

Отключившись, он с трудом поднялся на ноги, позволил мне вручить ему трость и сказал:

– Ладно, пора возвращаться к станку. Тут мы ничего не сделаем.

– В Белый дом? – с надеждой спросила Мэри.

– Что? Когда ты повзрослеешь? У вас нет ничего такого, что могло бы убедить президента.

– А что же тогда?

– Еще не знаю. И если ничего в голову не приходит, лучше пока помолчи.

Естественно, Старик держал под рукой машину, и мне пришлось ее вести. Передав управление автопилоту, я сказал:

– Босс, кажется, я придумал один фокус, который поможет убедить президента, но вы должны заставить его посидеть тихо пару минуток.

Старик фыркнул.

– План такой: послать двух агентов в Айову – скажем, меня и еще кого-то. Второй агент будет постоянно снимать меня телекамерой. Ваша задача – заставить президента смотреть.

– А предположим, ничего не случится?

– Ну уж я позабочусь, чтобы случилось. Отправлюсь прямо к месту посадки, прорвусь. У вас будут снимки настоящего корабля, с близкого расстояния, и их увидят прямо в Белом доме. А затем я отправлюсь в контору к Барнсу и займусь этой сутулой компанией. Буду сдирать рубашки прямо перед камерой. Просто вскрою этот гадюшник, без всякой деликатности.

– Ты понимаешь, что шансов у тебя не больше, чем у мыши на кошачьем съезде?

– Я в этом не уверен. Насколько я видел, у этих тварей нет никаких сверхчеловеческих способностей. Готов поспорить, что они жестко ограничены возможностями человеческого тела, которым управляют, или и того меньше. Я вовсе не собираюсь записываться в мученики. И в любом случае вы получите хорошую картинку.

– Хм…

– Это может сработать, – вставила Мэри. – Вторым агентом буду я. Я умею…

– Нет! – сказали мы со Стариком одновременно.

Я тут же покраснел: говорить это – не моя прерогатива. Мэри продолжила:

– Я хотела сказать, что это вполне логичный выбор, поскольку я обладаю… э-э-э… даром выявлять мужчин, которых оседлали паразиты.

– Нет, – повторил Старик. – В этом не будет необходимости. Там, куда он собрался, они все с паразитами. Будем так считать, пока не получим доказательств обратного. Кроме того, я приготовил для тебя кое-что другое.

Мэри следовало бы помолчать, но она спросила:

– Какое? Что может быть важнее?

Вместо того чтобы огрызнуться, Старик спокойно сказал:

– Это задание также важно. Я планирую сделать тебя телохранителем президента, как только смогу убедить его, что дело серьезное.

– О! – Она на секунду задумалась. – Однако, босс…

– Что еще?

– Я не уверена, что сумею выявить женщину с паразитом. Я для этого, э-э-э… не оборудована.

– Что ж, значит, мы уберем от него всех секретарш. И, Мэри… тебе придется следить за самим президентом тоже. Он, видишь ли, тоже мужчина.

Она задумалась.

– Предположим, я решу, что один из них, несмотря ни на что, до него добрался?

– Тогда ты сделаешь то, что нужно, кресло займет вице-президент, а тебя расстреляют за измену. Вот и все. Однако вернемся к первому плану. Мы пошлем Джарвиса с камерой, и, пожалуй, я добавлю Дэвидсона в качестве дополнительного прикрытия. Пока Джарвис будет снимать тебя, Дэвидсон будет следить за ним, а ты при случае будешь вполглаза приглядывать за Дэвидсоном. Такой веселый хоровод.

– Значит, думаете, нам это удастся?

– Вообще-то, нет, но любой план лучше, чем никакого. И может быть, это их немного расшевелит.

* * *

Мы – Джарвис, Дэвидсон и я – отправились в Айову, а Старик вернулся в Вашингтон. И увез с собой Мэри. Перед самым отъездом она приперла меня к стенке, схватила за уши, крепко поцеловала и сказала:

– Постарайся вернуться, Сэм.

Во мне все зазвенело и заиграло, и я почувствовал себя пятнадцатилетним мальчишкой. Должно быть, впал в детство.

Дэвидсон приземлил машину сразу за рухнувшим мостом, что мы обнаружили в первую поездку. Я указывал, куда ехать, пользуясь крупномасштабной топографической картой, где было отмечено настоящее место посадки космического корабля. В качестве отправной точки мост подходил идеально. За две десятых мили к востоку от места мы свернули с дороги и двинулись к цели напрямик, через кустарник. Никто не попытался нас остановить.

Мы были почти у цели, когда наткнулись на след пожара и решили пройтись пешком. Место, указанное на снимке с орбиты, располагалось как раз в центре пожарища, но никакой летающей тарелки там не было. А чтобы доказать, что она тут когда-то садилась, понадобился бы детектив получше меня. Огонь уничтожил все следы, если они когда-то и были.

Джарвис старательно заснял все, но я уже понял, что этот раунд слизняки у нас опять выиграли. По дороге к машине нам встретился престарелый фермер. Согласно инструкции, мы сохраняли безопасную дистанцию, хотя он выглядел безобидно.

– Ничего себе пожарчик, – заметил я, заходя сбоку.

– Да уж, – сокрушенно ответил он. – Две мои лучшие дойные коровы сгорели, беда прямо. А вы репортеры?

– Ага, – согласился я, – но, похоже, зря мы сюда ехали.

Мне сейчас очень не хватало Мэри. Возможно, этот тип сутулился от природы. Но если Старик прав насчет корабля – а он должен быть прав, – то этот с виду деревенский простофиля знает о нем и, следовательно, покрывает пришельцев. А значит, у него на спине – паразит.

Я решил, что должен попытаться. Поймать живого паразита и заснять его для Белого дома было гораздо проще в лесу, чем где-нибудь в людном месте. Я бросил взгляд на своих товарищей: они ждали моего сигнала; Джарвис снимал непрерывно.

Когда фермер повернулся, я сбил его с ног, упал сверху и вцепился в рубашку. Джарвис подскочил ближе и приготовился снимать крупным планом. Дэвидсон сместился в сторону, чтобы прикрывать нас. Фермер и охнуть не успел, а я уже оголил ему спину.

И там было чисто. Так же чисто, как у меня, – ни паразита, ни каких-либо его следов. И на всех других местах, которые я проверил, прежде чем отпустил фермера.

Я помог ему подняться и отряхнуть одежду – он весь перепачкался в пепле, да и я вместе с ним.

– Виноват, – сказал я, – произошла ужасная ошибка.

Фермер трясся от злости:

– Чтоб тебе пусто было, ты… ты!.. – Видимо, он даже не мог с ходу подобрать для меня достаточно сильных выражений, только губы дрожали. – Я на вас в полицию пожалуюсь! А будь мне лет на двадцать поменьше, так я бы и сам всех троих отделал!

– Извини, отец, ошибка вышла.

– Ошибка! – Его лицо скривилось, и я подумал, что он вот-вот заплачет. – Возвращаюсь из Омахи, а у меня тут пожарище, половина запасов пропала, и зятя нигде нет. Выхожу посмотреть, кто тут шастает по моей земле, а меня чуть на куски не порвали. Ничего себе ошибка! Куда катится этот мир?!

Наверно, я мог бы ему объяснить куда, но не стал. Хотел предложить ему денег, чтобы как-то загладить вину, но он ударил меня по руке, и деньги полетели на землю. Поджав хвосты, мы убрались.

Уже в машине Дэвидсон спросил:

– Ты уверен, что все идет как надо?

– Положим, я могу ошибиться, – сердито ответил я, – но ты когда-нибудь слышал, чтобы ошибался Старик?

– Мм… нет. Я о таком не слышал. Куда теперь?

– Прямо на студию стереовещания. Там-то уж точно ошибки не будет.

– Как бы то ни было, – подал голос Джарвис, – а картинку я записал отличную.

Я не ответил.

* * *

На въезде в платную зону Де-Мойна контролер долго мешкал и не принимал плату. Он заглянул в свой блокнот, потом на наши номерные знаки и сказал:

– Шериф сообщил, что эта машина в розыске. Давайте направо, – и опустил шлагбаум.

– Направо так направо, – не стал спорить я, сдал футов тридцать назад и выжал газ на полную. Машины у нас в Отделе укрепленные, с форсированными движками, что оказалось весьма кстати: барьер тоже сделали на совесть. Миновав заставу, я даже не притормозил.

– Это было занятно, – мечтательно произнес Дэвидсон. – Ты по-прежнему уверен, что все идет как надо?

– Прекрати болтовню! – прикрикнул я. – Может, я и сумасшедший, но я все еще твой начальник. И запомните, вы оба: скорее всего, мы оттуда не выберемся. Но мы обязаны получить эти кадры.

– Как скажешь, шеф.

Если и была погоня, то я от них оторвался. Я резко затормозил перед входом в студию, мы высыпались из машины и ринулись вперед. Тут уже не до мягких методов дядюшки Чарли. Мы просто влетели в лифт, я нажал кнопку этажа, где размещался кабинет Барнса, мы поднялись и оставили лифт открытым. Секретарша в приемной попыталась нас остановить, но мы, не обращая на нее внимания, двинулись дальше. Девушки за другими столами оторвались от

работы и уставились на нас. Я подошел к двери Барнса и дернул за ручку. Заперто. Я повернулся к его секретарше:

– Где Барнс?

– Простите, как мне доложить? – Бесстрашно и вежливо.

Я увидел, что кофточка бугрится над ее плечами. Горбатая. Боже, подумал я, ну уж теперь-то наверняка. Она была здесь, когда я убил Барнса. И, перегнувшись через стол, я задрал ее кофточку.

Точно! Я не мог ошибиться. Уже во второй раз я смотрел на живого паразита.

Меня резко затошнило, но некогда было отвлекаться. Она сопротивлялась, царапалась и даже пыталась меня укусить. Я врезал ей по шее ударом дзюдо, едва не вмазавшись в слизняка, и она обмякла. Потом на всякий случай ткнул ее тремя пальцами под дых, развернул и заорал:

– Джарвис! Крупный план!

Этот идиот копался с камерой, повернувшись ко мне своим толстым задом, затем выпрямился и сказал:

– Абзац. Лампа сдохла.

– Замени ее – живо!

В дальнем конце приемной поднялась из-за стола стенографистка и выстрелила, но не в меня и не в Джарвиса, а в камеру. Попала, но мы с Дэвидсоном тут же уложили ее. Словно по сигналу, сразу шестеро бросились на Дэвидсона. Оружия у них, похоже, не было, и они просто навалились на него все вместе.

Я все еще держал секретаршу и стрелял из-за стола. Уловив краем глаза какое-то движение, повернулся и обнаружил в дверях кабинета Барнса – Барнса номер два. Я выстрелил ему в грудь, чтобы наверняка зацепить паразита, который, без сомнения, сидел у него на спине. Потом повернулся к бойне.

Дэвидсон уже стоял на ногах, а к нему ползла одна из девушек, похоже раненая. Он выстрелил ей в лицо, и она замерла. Следующий разряд едва не задел мое ухо. Я обернулся и сказал:

– Спасибо! А теперь сваливаем отсюда. Джарвис, быстрее!

Я тащил на руках секретаршу Барнса. Дверь захлопнулась, и мы поехали вниз. Дэвидсон дрожал, Джарвис стоял весь бледный.

– Спокойно, – сказал я, – вы стреляли не в людей. Вы стреляли в тварей вроде этой, – сказал я, приподнял секретаршу и взглянул ей на спину.

Тут мне чуть плохо не стало. Экземпляр, который я захватил вместе с хозяином, чтобы доставить живьем, исчез. Соскользнул на пол, видимо, и в суматохе куда-то утек.

– Джарвис, ты хоть что-нибудь снял?

Он покачал головой. Я молчал. Молчал и Дэвидсон.

Там, где раньше сидел паразит, вся спина у девушки была покрыта красной сыпью – словно множество крошечных булавочных уколов. Я опустил ее кофточку и усадил на пол, прислонив к стенке лифта. Она еще не пришла в себя, и, вероятно, еще долго не придет. Когда лифт опустился, мы оставили ее в кабине. Видимо, никто ничего не заподозрил, потому что в вестибюле все было спокойно и по пути на улицу никто не пытался нас остановить.

У машины стоял полицейский и, поставив ногу на бампер, выписывал штрафную квитанцию. Когда мы подошли, он вручил ее мне, укоризненно заметив:

– Ты же знаешь, что здесь стоянка запрещена, приятель.

– Извините, – ответил я и расписался в получении, поскольку это казалось самым быстрым и самым безопасным способом выйти из ситуации.

Потом я отвел машину подальше от тротуара, дождался более или менее свободного окна в потоке транспорта и взлетел прямо с городской улицы, гадая, выпишет он мне за это еще

один штраф или нет. Набрав высоту, я поменял номерные знаки и идентификационный код. Старик обо всем позаботился заранее.

Однако, когда мы вернулись, оказалось, его заботит все, что угодно, только не мое задание. Я попытался доложить о результатах еще во время пути, но он прервал меня и приказал по возвращении явиться к нему в офис. Когда мы явились, с ним была Мэри. Одно ее присутствие сказало мне все, что я хотел узнать: если бы, несмотря на мой провал, Старик убедил президента, она бы осталась там.

Старик выслушал отчет, лишь изредка прерывая его недовольным ворчанием.

– Сколько вы видели? – спросил я под конец.

– Передача оборвалась, когда вы таранили барьер, – сообщил он. – Не сказал бы, что президента как-то впечатлило то, что он увидел.

– Видимо, да.

– На самом деле он велел мне тебя уволить.

Я весь напрягся. Я готов был подать в отставку, но сейчас это застало меня врасплох.

– Я и сам прекрасно могу… – начал я.

– Помолчи! – рявкнул Старик. – Я ему сказал, что он может уволить меня, а со своими подчиненными я буду разбираться сам. Ты, конечно, балбес, но пока ты мне нужен.

– Спасибо.

Мэри во время разговора беспокойно расхаживала по кабинету. Я пытался поймать ее взгляд, но ничего не получалось. Затем она остановилась за спиной Джарвиса и подала Старику такой же знак, как в кабинете у Барнса.

Я двинул Джарвиса рукояткой лучемета по голове, и он обмяк в кресле.

– Назад, Дэвидсон! – рявкнул Старик, направив ему в грудь пистолет. – Как насчет него, Мэри?

– С ним все в порядке.

– А он?

– Сэм чист.

Взгляд Старика бегал от одного из нас к другому, и я, признаться, никогда еще не чувствовал себя так близко к смерти.

– Обоим снять рубашки! – приказал он самым неприятным голосом.

Мы подчинились, и Мэри оказалась права по обоим пунктам. Я вдруг задумался, буду ли я осознавать, что происходит, если паразит вдруг окажется у меня на спине.

– Теперь он! – приказал Старик. – Надеть перчатки, оба!

Мы растянули Джарвиса на животе и очень аккуратно срезали с него одежду. Все-таки нам удалось заполучить живой образец.

6

Меня чуть не стошнило. От одной только мысли, что эта тварь ехала со мной в закрытой машине от самой Айовы, мой желудок готов был взбунтоваться. Я, вообще-то, не брезглив, однажды я четыре дня прятался в канализации Москвы, но тот, кто видел паразита и знает, что это такое, меня поймет.

Справившись с тошнотой, я сказал:

– Давайте сгоним его. Может быть, мы еще спасем Джарвиса.

Хотя на самом деле я так не думал. В глубине души мне казалось, что человек, на котором прокатилась такая тварь, уже потерян для нас навсегда. Наверное, мне суеверно представлялось, что они «пожирают душу» человека, что бы это ни значило.

Старик жестом отогнал нас в сторону:

– Забудьте о Джарвисе.

– Но…

– Хватит! Если его вообще можно спасти, то несколько минут погоды не сделают. В любом случае… – Он умолк.

Я тоже промолчал, поскольку и так знал, что́ Старик имеет в виду: принцип, который гласил, что каждая жизнь ценна сама по себе, теперь требовал исключить Джарвиса из рассмотрения. Когда речь идет о всем народе Соединенных Штатов, жизнь сотрудника Отдела ничего не стоит.

Простите мой пафос. Просто мне нравился Джарвис.

С пистолетом на изготовку Старик ждал, наблюдая за тварью на спине Джарвиса. Затем сказал Мэри:

– Свяжись с президентом. Специальный номер – три ноля семь.

Мэри прошла к его столу и набрала номер. Я слышал, как она говорит что-то в глушитель, но не очень прислушивался: все мое внимание было приковано к паразиту. Он не делал никаких попыток оставить своего хозяина, его тело медленно пульсировало, по нему прокатывалась переливающаяся рябь.

Наконец Мэри оторвалась от аппарата и доложила:

– Я не могу связаться с ним, сэр. На линии один из его помощников.

– Который?

– Мистер Макдоно.

Старик поморщился, и я вместе с ним. Макдоно был весьма неглуп и приятен в общении, но ни разу не изменил своего мнения о чем-либо с тех пор, как окончил школу. Президент использовал его в качестве буфера.

Старик взял трубку и начал в нее орать, даже не подумав воспользоваться глушителем.

Нет, в настоящее время с президентом связаться нельзя. Нет, и передать сообщение тоже. Нет, мистер Макдоно не превышает своих полномочий. Указание президента было однозначным, и Старик не входит в список исключений, если такой список вообще существует. Да, мистер Макдоно, безусловно, готов организовать встречу. Он постарается как-нибудь втиснуть Старика в график президента, он это обещает. Как насчет следующей пятницы? Что? Сегодня? Исключено. Завтра? Невозможно.

Старик отключил аппарат. Вид у него был такой, словно его вот-вот хватит удар. Затем он дважды глубоко вздохнул, чуть посветлел лицом и сказал:

– Дейв, пригласи сюда доктора Грейвса. Остальным держать дистанцию и не спускать глаз с объекта.

Вскоре появился глава нашей биолаборатории.

– Док, – сказал Старик, – у нас есть еще один – живой.

Грейвс перестал вытирать руки, внимательно посмотрел на Джарвиса, потом подошел и поглядел на его спину.

– Интересно, – пробормотал он. – Должно быть, единственный? – И опустился рядом на одно колено.

– Назад!

Грейвс поднял глаза на Старика.

– Но должен же я… – начал он рассудительным тоном.

– Молчать и слушать! Да, ты должен его изучить. Но это второстепенная задача. Во-первых, его нужно сохранить живым. Во-вторых, ты не дашь ему сбежать. И в-третьих, ты должен обезопасить себя.

– Я его не боюсь. Я…

– Бойся! Это приказ.

– Я хотел сказать, что мне нужно будет соорудить что-то вроде инкубатора для ухода за ним, когда мы снимем его с носителя. Тот мертвый экземпляр, который вы мне дали, мало чем помог в плане изучения их химии, но для нас очевидно, что этим созданиям нужен кислород. Вы же его просто удушили. Понимаете, несвободный атмосферный кислород – он потребляет кислород через своего носителя. Возможно, подойдет большая собака.

– Нет! – резко возразил Старик. – Оставьте все как есть.

– Что? – удивился Грейвс. – А этот человек точно доброволец?

Старик промолчал, а Грейвс продолжил:

– Лабораторные испытания проводятся только на добровольцах. Профессиональная этика, знаете ли.

Похоже, ученых парней просто невозможно приучить к порядку.

Старик взял себя в руки и спокойно сказал:

– Доктор Грейвс, каждый агент в нашей организации добровольно делает все, что я сочту необходимым. Это то, на что они подписываются. Так что будьте любезны выполнять мои приказы. Принесите носилки и заберите Джарвиса. И действуйте предельно осторожно.

Когда Джарвиса унесли, Старик нас отпустил. И мы с Дэвидсоном и Мэри отправились в бар пропустить рюмку-другую. Нам это было сейчас необходимо. Дэвидсона буквально трясло, и, когда первая рюмка не помогла, я попытался успокоить его сам.

– Послушай, Дэйв, мне тоже паршиво из-за тех девушек, но другого выхода у нас не было. Пойми же наконец: не было другого выхода.

– Все было так плохо? – спросила Мэри.

– Ужасно. Я не знаю, скольких мы убили, – может быть, шесть, может быть, дюжину. Не было времени осторожничать. Но мы стреляли не в людей, то есть не в самих людей, – мы стреляли в паразитов. – Я повернулся к Дэвидсону. – Хоть это ты понимаешь?

Вроде мои слова на него подействовали.

– В том-то и дело. Они и в самом деле были уже не люди. Если бы дело требовало, я бы, наверно, смог… наверно, смог бы даже своего брата застрелить. А эти твари – не люди. Ты стреляешь, а они к тебе ползут и ползут. Они не… – Он замолчал.

Меня переполняла жалость. Вскоре он поднялся и ушел в медпункт разбираться: его что-то там беспокоило. Мы с Мэри продолжали говорить, пытаясь придумать, что делать дальше, но все безуспешно. Потом она сказала, что хочет спать, и отправилась в женскую спальню. В тот вечер Старик приказал всем сотрудникам ночевать на базе, так что я принял на посошок и прошел на мужскую половину, где залез в свой спальник.

Я не уснул сразу. Я слушал гул города над нами и продолжал вспоминать, как это было в Де-Мойне.

* * *

Разбудил меня сигнал тревоги. Сирена еще не смолкла, а я уже оделся, и тут интерком взревел голосом Старика: «Радиационная и химическая тревога! Закрыть все входы и выходы! Всему персоналу собраться в конференц-зале! Немедленно!»

Поскольку я выполнял оперативную работу, никаких обязанностей на базе у меня не было, и я направился прямиком в штаб. Старик, мрачный как тень, собирал всех в зале. Я хотел спросить, что случилось, но полтора десятка других агентов, клерков, стенографисток и прочих оказались там раньше меня, и я решил воздержаться от вопросов. Спустя какое-то время Старик отправил меня к дежурному охраннику узнать, сколько людей находится на базе. Затем он лично провел перекличку, и стало ясно, что в зале собрались все отмеченные в списке прибытия, начиная со старой мисс Хайнс, секретарши Старика, и заканчивая официантом из бара. Все, кроме дежурного охранника и Джарвиса. Тут ошибок быть не должно: за теми, кто входит и выходит, у нас следят более тщательно, чем в банке за деньгами.

После переклички меня снова отправили за дежурным охранником. Но чтобы убедить его оставить пост, пришлось связаться оттуда по телефону с самим Стариком. Лишь после этого он заблокировал дверь и последовал за мной. Когда мы вернулись, Джарвиса уже доставили в зал. Его сопровождали Грейвс и один из его лаборантов. Джарвис, в больничном халате, был на ногах и явно в сознании, но сильно заторможенный.

Увидев его, я начал догадываться, в чем дело. Старик не долго томил нас неведением. Он повернулся к собравшимся и, держась на расстоянии, извлек пистолет.

– Один из паразитов-захватчиков находится среди нас, – начал он. – Для некоторых из вас этим все сказано. Остальным же мне придется объяснить, что в сей момент наша безопасность – и безопасность всей нашей расы – зависит от четкого выполнения приказов и беспрекословного повиновения каждого из вас.

Он кратко, но ужасающе точно описал паразита и обрисовал сложившуюся ситуацию.

– Другими словами, – заключил он, – паразит почти наверняка здесь, в этой комнате. Один из нас выглядит как человек, но на самом деле он – автомат, которым управляет наш самый смертельный и самый опасный враг.

Персонал начал роптать. Люди украдкой поглядывали друг на друга, некоторые пытались встать подальше от других. Секунду назад мы были одной сплоченной командой, теперь превратились в толпу, где каждый подозревал каждого. Я и сам вдруг обнаружил, что невольно отодвигаюсь от стоящего рядом человека, хотя знал бармена Рональда не один год.

Грейвс прочистил горло.

– Шеф, – начал он, – я хочу, чтобы вы поняли: я принял все мыслимые меры…

– Помолчи! Мне не нужны оправдания. Выведи Джарвиса вперед. Сними с него халат.

Грейвс умолк, и они с помощником выполнили приказ. Джарвис не сопротивлялся. Похоже, он едва осознавал, что происходит. От виска через всю левую скулу у него тянулся отвратительный лиловый рубец. Но заторможенный он едва ли был после удара – я не настолько сильно его саданул. Видимо, Грейвс накачал его транквилизаторами.

– Поверните его, – распорядился Старик.

Джарвис не сопротивлялся. На его плечах и на шее слизняк оставил след – мелкую красную сыпь.

– Теперь вы видите, где он сидел.

Когда Джарвиса раздели, люди зашептались, и кто-то из девушек смущенно захихикал. Теперь же в зале воцарилось гробовое молчание.

– А теперь, – сказал Старик, – мы будем ловить этого слизняка! Более того, он нам нужен живьем. Это предупреждение для нетерпеливых ребят, у которых пальцы чешутся спустить

курок. Вы все видели, где паразит седлает человека. Предупреждаю: если кто-то его спалит, я сам пристрелю виновного. Если придется стрелять в носителя, чтобы его поймать, цельтесь ниже… Подойди сюда! – С этими словами он направил свой пистолет на меня.

Но на полпути он меня остановил.

– Грейвс! Уберите Джарвиса с дороги. Усадите его у меня за спиной. Нет! Халат оставь на полу.

Грейвс со своим ассистентом провели Джарвиса через зал и вернулись на место. Старик снова обратил на меня внимание:

– Оружие на пол!

Ствол его лучемета смотрел прямо мне в живот. Я медленно достал свой и отпихнул его ногой метра на два в сторону.

– Теперь снимай одежду – полностью.

Нет, я не стеснительный школьник, но все же мне было неловко выполнять такой приказ. Лучемет Старика помог мне преодолеть смущение. Но он не помешал нескольким юным особам захихикать, когда я дошел до главного. Одна из них довольно громко заметила: «Неплохо!», другая ответила: «Шишечка, я бы сказала».

Я покраснел, как невеста.

Оглядев меня с ног до головы, Старик велел поднять с пола пистолет.

– Прикроешь меня, – приказал он. – И следи за дверью. Теперь ты! Дотти-или-как-там тебя – твоя очередь.

Дотти работала в канцелярии. Оружия у нее, разумеется, не было, и сигнал тревоги, очевидно, выдернул ее из постели, судя по тому, что она куталась в длинный пеньюар. Дотти сделала шаг вперед, остановилась и замерла.

Старик повел лучеметом:

– Давай раздевайся!

– Вы что, всерьез? – недоуменно спросила она.

– Быстро!

Дотти чуть не подпрыгнула на месте.

– Хорошо! – сказала она. – Незачем на меня орать. – Она закусила нижнюю губу, медленно расстегнула застежку на талии и вызывающим тоном добавила: – Думаю, за это мне полагаются премиальные! – и одним движением сбросила с себя одежду.

И тут она испортила весь спектакль, приняв соответствующую позу, – это длилось недолго, всего мгновение, но пропустить такое было невозможно. Должен признаться, что ей было что показать, но я был не в том настроении, чтобы оценить это по достоинству.

– К стене! – прорычал Старик. – Теперь Ренфрю!

Я не знаю, нарочно он чередовал мужчин и женщин или это вышло случайно, но идея была хорошая, поскольку свела протесты к минимуму. Ой, ладно, что я несу? Я же знаю: Старик ничего не делает случайно. После выпавшего на мою долю испытания мужчины действовали быстро и деловито, хотя некоторые все же стеснялись. Что касается женщин, то кто-то хихикал, кто-то краснел, но никто особенно не возражал. В других обстоятельствах я нашел бы ситуацию небезынтересной – ведь мы всегда готовы узнать друг о друге то, чего раньше не знали. Например, одна девочка, которую мы привыкли называть Грудастая… э-э-э… ладно, замнем это. Спустя двадцать минут почти все в зале разделись. Я в жизни не видел столько квадратных ярдов «гусиной кожи», а разложенного на полу оружия хватило бы на целый арсенал.

Когда очередь дошла до Мэри, она подала хороший пример, разделась по-деловому быстро, без ужимок – Старику нужно было вызвать первой ее, а не эту шалаву Дотти. Даже в чем мать родила Мэри держалась спокойно и с достоинством. А то, что я увидел, никак не поколебало чувства, которое я к ней испытывал.

Мэри внесла заметный вклад в «арсенал». Я решил, что она просто любит оружие. Мне-то самому одной пушки за глаза хватает.

В конце концов разделись все, кроме самого Старика и его секретарши мисс Хайнс, но паразита ни на ком не было. Я думаю, Старик немного побаивался мисс Хайнс. Она была старше его и демонстрировала склонность им командовать. До меня дошло, на ком эта тварь может сидеть, если Старик не ошибается. А он мог и ошибаться: паразит вполне мог сидеть сейчас на потолочной балке, дожидаясь момента, чтобы прыгнуть кому-нибудь на спину.

С недовольным видом Старик потыкал тростью гору одежды. Он знал, что там ничего нет, – должно быть, просто хотел лишний раз в этом удостовериться. Потом он поднял глаза на свою секретаршу:

– Мисс Хайнс, пожалуйста. Вы следующая.

Ну что, братишка, мысленно сказал себя я, сейчас надо будет применить силу.

Она не шелохнулась. Осадив его одним взглядом, она стояла там как памятник оскорбленной невинности.

Я увидел, что он собирается принять меры, поэтому я придвинулся поближе и произнес уголком рта:

– А как насчет вас, босс? Раздевайтесь.

Он дернул головой и бросил на меня удивленный взгляд.

– Я серьезно, – добавил я. – Теперь вас только двое. Паразит у кого-то из вас. Скидывайте шмотки.

Когда надо, Старик способен подчиниться неизбежному.

– Разденьте ее, – буркнул он. – Я следующий.

И он с мрачным видом принялся расстегивать молнию на брюках.

Я сказал Мэри, чтобы взяла двух женщин и раздела мисс Хайнс. Когда я повернулся обратно, Старик уже спустил брюки до колен, и тут мисс Хайнс рванула к выходу.

Между нами стоял Старик, и я не мог стрелять из опасения попасть в него, а все остальные агенты в зале оказались без оружия! Видимо, и это вышло не случайно: Старик опасался, что кто-нибудь, увидев паразита, не сдержится и выстрелит, а слизняк нужен был ему живым.

Пока я мешкал, она уже выскочила за дверь и понеслась по коридору. В коридоре я мог бы ее срезать, но кое-что удержало меня от выстрела. Во-первых, эмоции так быстро не переключишь: ведь для меня это по-прежнему была старушка Хайнс, секретарша моего босса, та самая старая дева, что отчитывала меня за грамматические ошибки в рапортах. А во-вторых, если у нее на спине сидел паразит, то, как было приказано, он нужен был нам живым – и я не хотел рисковать. Я, вообще-то, не лучший стрелок в мире.

Она нырнула в какую-то дверь, я подбежал к ней и снова промедлил – просто в силу привычки: это был женский туалет.

Впрочем, это задержало меня лишь на мгновение. Я пинком распахнул дверь и заскочил внутрь, держа пистолет наготове. И тут меня что-то ударило над правым ухом, и я отправился в долгое неспешное падение на пол.

* * *

О следующих нескольких секундах у меня нет ясных воспоминаний. Видимо, я на какое-то время потерял сознание. Помню борьбу и крики: «Осторожней!», «Черт! Она меня укусила!», «Руки, руки не суй!». Затем кто-то сказал уже спокойно: «Свяжите ей руки и ноги, только осторожно». Кто-то еще спросил: «А с ним что?» – и в ответ послышалось: «Позже. Он не ранен, просто без сознания».

Потом они ушли, но я все еще был где-то далеко, хотя уже чувствовал, как в меня снова вливается поток жизни. Потом я сел, осознавая, что нужно срочно сделать что-то важное. Под-

нялся и, пошатываясь, направился к двери. Чуть помедлив, я осторожно выглянул в коридор – там никого не было. Тогда я выскочил из туалета и рванул прочь от конференц-зала.

У наружной двери я притормозил и вдруг с ужасом понял, что не одет. Тогда я метнулся по коридору в мужское крыло. Там схватил первую попавшуюся одежду и напялил на себя. Ботинки оказались малы, но это не имело значения.

Я снова бросился к выходу, нашел тумблер, и дверь распахнулась.

Мне уже казалось, что я ушел чисто, но, когда я был в дверях, кто-то крикнул мне вслед: «Сэм!» Я не стал дожидаться и выскочил за порог. Там я оказался перед шестью дверьми, бросился в одну из них, за ней были еще три. К этой кроличьей норе, которую мы называем «Штабом», ведет целая сеть туннелей, похожих на переплетенные спагетти. Они расположены так, чтобы сколько угодно людей могли приходить и уходить незаметно. В конце концов я вынырнул на одной из станций метро, в киоске, где торговали фруктами и дешевыми книжками, кивнул продавцу, который, похоже, нисколько не удивился, проскочил турникет и смешался с толпой. Раньше я этим маршрутом не ходил.

Потом я сел на реактивный экспресс, идущий на север, но сошел на первой же станции. Перебрался на платформу, откуда отправлялся экспресс в обратном направлении, и встал возле кассы, выбирая, у кого из этих раззяв будет бумажник потолще. Выбрал какого-то типа, сел на его поезд, потом сошел на одной с ним остановке и в первом же темном переулке двинул ему по затылку. Теперь у меня появились деньги, и я был готов действовать. Я не понимал, для чего мне деньги, но знал, что для следующего этапа они нужны.

7

Говорят, язык развивается, чтобы описывать жизненный опыт народа, который на нем говорит. Опыт первичен, язык вторичен. Как мне описать свой опыт, то, что я чувствовал?

Окружающие предметы странным образом двоились, словно я смотрел на мир сквозь подернутую рябью воду, но при этом я не испытывал ни удивления, ни любопытства. Я двигался как сомнамбула, не зная, куда иду и что собираюсь делать, хотя на самом деле не спал и отчетливо понимал, кто я, где нахожусь и чем занимался в Отделе. Не было никакой амнезии, все мои воспоминания были мне доступны. И хотя я не знал, что именно я собираюсь делать, я всегда осознавал, что делаю, и нисколько не сомневался, что эти действия необходимы и целенаправленны.

Говорят, что примерно таким образом работает пост-гипнотическое внушение. Не мне судить – я гипнозу не поддаюсь.

Бóльшую часть времени я не испытывал никаких эмоций, кроме легкого удовлетворения от выполненной работы. Но так было только на сознательном уровне – повторюсь, я был в полном сознании. Где-то глубоко-глубоко в душе я мучительно переживал свое несчастье, мне было страшно, меня терзало чувство вины, однако все это глубоко, далеко, где-то в заваленном, запертом уголке души. Я едва осознавал, что во мне сохранились эти чувства, и никакого влияния они на меня не оказывали.

Я знал, что меня видели, когда я уходил с базы. «Сэм!» – это кричали мне. Под таким именем меня знали только двое, но Старик воспользовался бы настоящим. Значит, меня видела Мэри. Хорошо, думал я, что она показала мне, где живет. К ее следующему появлению нужно будет подготовить там ловушку. А до того я должен делать свое дело и следить, чтобы меня не поймали.

Используя все свое умение скрываться от преследования, я двигался через район складов. Вскоре я обнаружил подходящее здание. На табличке у входа значилось: «Сдается верхний этаж. Обращаться к агенту по аренде на первом этаже». Я тщательно его осмотрел, запомнил адрес и быстро вернулся на два квартала назад, к почтовому отделению «Вестерн Юнион», а оттуда с первого же свободного аппарата отправил сообщение: «Высылайте два ящика говорящих книжек-малышек. Скидка та же. Грузополучатель Джоел Фриман». Добавил адрес пустого верхнего этажа, и сообщение ушло в агентство «Роско и Диллард», Де-Мойн, штат Айова.

Когда я вышел из кабинки, светящаяся вывеска круглосуточного сетевого ресторана быстрого питания напомнила мне, что я голоден, но я тут же подавил позыв и больше об этом не вспоминал. Вернувшись на склад, я выбрал в дальнем конце первого этажа угол потемнее и устроился там, ожидая, когда откроется контора.

Должно быть, я уснул. У меня осталось смутное воспоминание о череде клаустрофобных кошмаров.

С рассвета до девяти утра я ошивался возле местной биржи труда, изучая объявления; это было единственное место в районе, где на бездельника не обратили бы внимания. В девять появился агент по аренде, и, когда он открыл свой офис, я снял верхний этаж, приплатив за то, чтобы он предоставил мне помещение немедленно, пока документы проходят регистрацию. Затем поднялся на верхний этаж, отпер дверь и стал ждать.

Примерно в десять тридцать прибыли мои контейнеры. Я позволил водителям уйти. Трое – это для меня многовато, да и не готов я был действовать в любом случае. Когда они ушли, я вскрыл контейнер, достал одну ячейку, прогрел ее и подготовил. После этого я спустился на первый этаж, разыскал агента и сказал:

– Мистер Гринберг, не могли бы вы подняться на минутку? Мне нужно кое-что поменять в освещении.

Он поворчал, но согласился. Когда мы вошли, я закрыл дверь и подвел его к открытому контейнеру:

– Вот здесь, внизу. Наклонитесь – и сразу увидите, что я имею в виду. Мне бы нужно…

Едва он наклонился, я сжал его крепким захватом, задрал пиджак и рубашку, свободной рукой перенес хозяина из ячейки ему на спину и подержал еще немного, пока он не успокоился. Тогда я его отпустил, заправил ему рубашку и отряхнул пыль с пиджака. Когда он пришел в себя, я спросил:

– Какие новости из Де-Мойна?

– Что тебя интересует? Как долго ты отсутствовал?

Я начал объяснять, но он меня перебил:

– Не будем тратить время и переговорим напрямую.

Гринберг задрал рубашку, я сделал то же самое, и мы уселись на закрытом контейнере спиной к спине, чтобы наши хозяева могли соприкоснуться. В мыслях у меня осталась пустота, и я даже не знаю, как долго продолжался их разговор. Помню только, я неотрывно смотрел на муху, вьющуюся у облепленной пылью паутины.

Следующим мы обратили управляющего зданием. Это был здоровенный швед, и нам пришлось удерживать его вдвоем. После этого мистер Гринберг позвонил владельцу склада и настоял, чтобы тот приехал и сам посмотрел на последствия какой-то кошмарный катастрофы, случившейся в здании, – не знаю, что именно он ему говорил, потому что в это время мы с управляющим открывали и прогревали новые ячейки.

Владелец здания оказался очень важным приобретением, поэтому все мы, и он сам в том числе, почувствовали удовлетворение. Он принадлежал к престижному Конституционному клубу, а список его членов читался как «Кто есть кто в финансах, правительстве и промышленности». А что еще важнее, у них работал знаменитый шеф-повар; поэтому любой член клуба, если он был в городе, предпочитал завтракать в клубе.

Близился полдень, время было дорого. Управляющий отправился купить для меня подходящую одежду и саквояж, а заодно прислал шофера владельца здания к нам наверх, чтобы мы взяли его в оборот. В двенадцать тридцать мы с владельцем отбыли на его машине в город. В моем саквояже находились двенадцать хозяев, еще в ячейках, но уже подготовленные.

В книге посетителей владелец склада записал: «Дж. Хардвик Поттер с гостем». Один из лакеев хотел забрать у меня саквояж, но я сказал ему, что мне необходимо поменять перед ланчем сорочку. Мы копошились перед зеркалом в туалетной комнате, пока там не осталось никого, кроме служителя, а затем «завербовали» его и отправили сообщить администратору клуба, что одному из гостей стало плохо.

После того как мы о нем позаботились, администратор принес еще один белый халат, и я превратился в нового служителя туалетной комнаты. У меня оставалось только десять хозяев, но контейнеры должны были вскорости доставить со склада прямо в клуб. Вместе с первым служителем мы использовали все оставшиеся ячейки еще до того, как обеденный наплыв посетителей закончился. Один из гостей застал нас за делом, и мне пришлось его убить, так как не было времени с ним возиться. Труп мы запихали в шкаф для швабр.

После этого наступило затишье, поскольку контейнеры все еще не привезли. Меня едва не скрутило голодными спазмами, но они быстро ослабли, хотя и не прекратились совсем. Я сообщил об этом администратору, он велел принести для меня ланч в свой кабинет. Это был один из самых вкусных ланчей в моей жизни. Контейнеры прибыли как раз, когда я доедал.

В период затишья, который во всех мужских клубах наступает во второй половине дня, мы полностью захватили территорию. К четырем часам дня все присутствовавшие – члены клуба, их гости и обслуживающий персонал – были с нами. После чего мы начали обрабатывать вновь прибывших прямо в фойе, куда их впускал швейцар. Ближе к концу дня администратор позвонил в Де-Мойн, чтобы прислали еще четыре контейнера.

И в тот же вечер мы заполучили крупную добычу, можно сказать, приз – заместителя министра финансов. Настоящая победа, ибо Министерство финансов США, помимо всего прочего, отвечает и за безопасность президента.

8

Захват одной из ключевых фигур администрации я воспринял с каким-то рассеянным удовлетворением и больше об этом не думал. Мы – я имею в виду людей-рекрутов – почти совсем не думали, мы знали, что надлежит делать в данный момент, но узнавали об этом, уже действуя, как вышколенная лошадь, которая, получив команду, немедленно ее выполняет и уже готова к следующему сигналу наездника.

Вышколенная лошадь и ее наездник – неплохое сравнение, но все же не полное. Всадник распоряжается умственными способностями лошади лишь отчасти, наши же хозяева получали в свое распоряжение не только разум, но и память, и жизненный опыт каждого из нас. Мы же и общались за них друг с другом, иногда понимая, о чем идет речь, иногда нет. Разговорное общение шло через нас, слуг, но мы никак не участвовали в более важных, прямых переговорах непосредственно между хозяевами. Во время таких совещаний мы просто сидели и тихо ждали, пока наши повелители не наговорятся, затем заправляли одежду, чтобы спрятать их, и делали, что приказано. Одна такая конференция большого масштаба состоялась после того, как был завербован заместитель министра финансов; я знаю о ее содержании не больше, чем вы, хотя я на ней присутствовал.

К словам, что слетали с моих губ по воле хозяина, я имел отношения не больше, чем телефонная трубка к словам, что из нее доносятся. Кстати, все это время аудиореле, имплантированное у меня за ухом, молчало, а свой телефон я оставил на базе. Я, как и он, был всего лишь аппаратом связи, не более того. Как-то, через несколько дней после того, как меня «завербовали», мне случилось передавать администратору клуба новые инструкции о поставках ячеек с хозяевами. Во время разговора я сознавал, что прибыли еще три корабля, но не знал, где они приземлились, в моей голове был лишь адрес в Новом Орлеане, который я назвал.

Впрочем, я совершенно об этом не задумывался, а просто продолжал делать свою работу. После дня в клубе я стал новым «помощником мистера Поттера по особым поручениям» и проводил целые дни – а иногда и ночи – в его кабинете. Возможно, далее мы поменялись ролями: я нередко отдавал устные распоряжения и самому Поттеру. Хотя не исключено, что сейчас я понимаю социальную структуру паразитов гораздо хуже, чем тогда. Их взаимоотношения могли быть более гибкими, более анархическими и гораздо более тонкими, чем я могу себе представить, исходя из приобретенного опыта.

Я знал – и также знал мой хозяин, – что мне опасно показываться на улицах. Через меня мой хозяин немало узнал о структуре, которую мы называли Отделом. Ему было известно, что Старик знает о моей «вербовке» и не оставит поисков до тех пор, пока меня не поймают или не убьют.

Странно, что мой хозяин не подыскал себе нового носителя и попросту не убил меня: «рекрутов» у нас было куда больше, чем наездников. Причем они не испытывали ничего похожего на человеческую щепетильность. Хозяева, только-только извлеченные из транзитных ячеек, часто наносили своим носителям увечья; мы всегда уничтожали таких носителей и подбирали новых.

Напротив, мой хозяин к тому времени, когда он выбрал меня, управлял по меньшей мере тремя человеческими носителями – Джарвисом, мисс Хайнс и одной из девочек в офисе Барнса, вероятно секретаршей, – и в ходе этого, несомненно, приобрел изощренность и умение контролировать своих человеческих носителей. Он с легкостью мог «менять лошадей».

С другой стороны, станет ли опытный ковбой менять вышколенную рабочую лошадь на новую, еще не объезженную? Возможно, только поэтому меня прятали и я остался жив. А может быть, я сам не знаю, о чем говорю: что пчела может знать о Бетховене?

Через некоторое время город был «обработан», и мой хозяин начал выводить меня на улицу. Я не хочу сказать, что у каждого жителя города появился горб. Людей было слишком много, а хозяев слишком мало. Но все ключевые позиции в городе занимали теперь наши «рекруты» – от полисмена на углу до мэра и начальника полицейского управления, не говоря уже о мелких городских начальниках, священниках, членах советов директоров крупных компаний и значительной части руководства связи и средств массовой информации. Большинство населения продолжало жить обычной жизнью, не только не обеспокоенное этим «маскарадом», но и ничего о нем не подозревающее.

Разумеется, до тех пор, пока кто-то из них по той или иной причине не оказывался на пути у хозяина. В таких случаях их просто устраняли, чтобы заткнуть им рот. Это вело к убыли потенциальных носителей, но никакой нужды экономить их не было.

* * *

Наших хозяев заметно сдерживали трудности общения на большом расстоянии. Оно было ограничено тем, что́ они могли сказать на человеческом языке по обычным каналам связи. Дополнительные ограничения возникали, если не было уверенности в безопасности канала: тогда приходилось прибегать к кодированным сообщениям вроде того, что я послал, заказывая первые два контейнера. Без сомнения, у хозяев имелась связь между кораблями и, вероятно, между кораблями и базой, но поблизости не было ни одного корабля; этот город захватили случайно в результате моего рейда на Де-Мойн в прошлой жизни.

Очевидно, такого общения через слуг им было недостаточно. Видимо, для координации действий часто требовался прямой телесный контакт. Я не эксперт по экзотическим психологиям. Некоторые утверждают, что паразиты не отдельные индивидуумы, а клетки более крупного организма. В таком случае… но какая разница? Главное, им нужны были конференции с непосредственным телесным контактом.

На одну из таких конференций меня отправили в Новый Орлеан.

На самом деле я не знал, что туда собираюсь. Однажды утром я, как обычно, вышел на улицу, добрался до стартовой платформы, расположенной в нашем спальном районе, и вызвал такси. Машин было мало. Я подумал, что стоит перейти на другую сторону и поехать общественным транспортом, но мысль была немедленно подавлена хозяином. После долгого ожидания мое такси поднялось к платформе, и я начал в него забираться – я говорю «начал», потому что тут подскочил какой-то шустрый старикан и забрался в такси первым.

Я получил приказ избавиться от него, но приказ был немедленно отменен и тут же последовал второй: действовать осторожно и осмотрительно, поскольку даже хозяева не всегда полностью уверены в себе.

– Извините, сэр, – сказал я, – но эта машина занята.

– Точно, – ответил старик. – Я ее и занял.

Он был воплощенным самомнением, весь, от портфеля до диктаторских замашек. Он вполне мог быть членом Конституционного клуба, но не одним из наших: их всех мой хозяин знал.

– Вам придется найти себе другую, – сказал я, пытаясь его урезонить. – И покажите-ка чек с номером очереди.

Свой чек я взял со стойки, как только поднялся на платформу. Номер такси совпадал с номером на моем чеке. Деваться ему было некуда, однако старикан даже не пошевелился.

– Вам куда? – требовательно спросил он.

– В Новый Орлеан, – ответил я, впервые узнав, куда направляюсь.

– Тогда вы можете подбросить меня до Мемфиса.

Я покачал головой:

– Это мне не по пути.

– Да это всего пятнадцать минут! – Он, похоже, злился и с трудом держал себя в руках, как будто не привык, чтобы с ним спорили. – Вам, сэр, следовало бы знать правила пользования такси в наше время всеобщего дефицита. Вы не имеете права необоснованно забирать общественный транспорт в единоличное пользование! – Он повернулся к таксисту и потребовал: – Водитель! Объясните этому человеку правила!

Водитель вытащил изо рта зубочистку – лишь для того, чтобы заявить:

– А мне все равно. Взял, отвез, привез. Сами разбирайтесь между собой, или я попрошу у диспетчера, чтобы дал мне другого пассажира.

Секунду я стоял в нерешительности, не получая никаких инструкций, затем осознал, что забрасываю свой багаж внутрь и лезу в такси.

– В Новый Орлеан. С остановкой в Мемфисе.

Водитель пожал плечами и просигналил в диспетчерскую. Второй пассажир фыркнул и перестал обращать на меня внимание.

Когда мы поднялись в воздух, он открыл портфель и разложил на коленях бумаги. Я без всякого интереса наблюдал за ним, затем чуть изменил позу, чтобы легче было достать пистолет. И тут этот старикашка мгновенно протянул руку и схватил меня за запястье.

– Не так быстро, сынок, – сказал он, черты лица его изменились, и я вдруг узнал сатанинский оскал самого Старика.

У меня хорошая реакция, но я был в невыгодном положении, вся поступающая информация сначала шла от меня к хозяину, там она осмысливалась, и лишь затем ко мне поступала команда действовать. Насколько велика была задержка – миллисекунда? Две? Не знаю. Но, пытаясь вытащить оружие, я уже почувствовал, как в ребра мне ткнулся широкий ствол лучемета.

– Спокойно.

Другой рукой он прижал что-то к моему боку. Я почувствовал укол, и по всему телу разлилось знакомое теплое оцепенение – «морфей» действует быстро. Меня дважды вырубали этим препаратом, да и давали мне его много раз, так что я знал, как он работает.

Я сделал еще одну попытку достать пистолет и рухнул лицом вперед.

* * *

Очень смутно я осознал, что слышу голоса. Они звучали, кружились надо мной какое-то время, прежде чем я начал понимать, о чем они говорят. Меня грубо перевернули, потом кто-то сказал: «Эй, осторожней! А то эта обезьяна тебя цапнет!» Другой голос: «Не беспокойся. У нее перерезаны сухожилия». Снова первый: «Да, но зубы-то у нее остались».

Да, промелькнуло у меня в голове, если кто-то из вас окажется рядом, я непременно укушу. Насчет сухожилий тоже казалось все верно: ни руки, ни ноги меня не слушались. Хотя больше всего раздражало, что меня назвали обезьяной. Это просто непорядочно – обзывать человека, когда он не в состоянии за себя постоять.

Потом я почему-то вдруг всплакнул и снова впал в оцепенение.

* * *

– Ну как, сынок, тебе уже лучше?

Старик задумчиво разглядывал меня, облокотившись на спинку кровати. Он стоял по пояс голый, на груди его курчавились седые волосы, а снизу выпирало небольшое брюшко.

– Э-э-э… да, пожалуй. – Я попытался сесть и обнаружил, что не могу двигаться.

Старик зашел сбоку.

– Видимо, можно снять ремни, – сказал он, копаясь с застежками. – Очень не хотелось, чтобы ты поранился или еще что… Вот так.

Я сел, растирая затекшие мышцы.

– А теперь – что ты помнишь? Докладывай.

– Что я помню?..

– Ты был с ними – помнишь? Тебя поймали. Ты помнишь, что происходило после того, как на тебя попал паразит?

Мне вдруг стало страшно, безумно страшно, и я вцепился в постель.

– Босс! Они знают об этом месте! Я сам им сообщил.

– Нет, об этом не знают, – спокойно ответил он, – потому что это не та база, которую ты помнишь. Старую я эвакуировал, когда понял, что ты ушел в самоволку. А об этом местечке, я надеюсь, им ничего не известно. Значит, ты что-то помнишь?

– Конечно помню. Я выбрался отсюда – в смысле, со старой базы – через… – Мысли понеслись вперед, обгоняя слова, и неожиданно я отчетливо увидел, как держу в руке живого влажного хозяина, собираясь пересадить его на спину агенту по аренде.

Меня стошнило прямо на простыню. Старик взял ее уголок, вытер мне губы и мягко сказал:

– Продолжай.

Я с трудом сглотнул и выдохнул:

– Босс, они – повсюду! Город у них в руках.

– Знаю. То же, что в Де-Мойне. И еще в Миннеаполисе, Сент-Поле, Новом Орлеане и Канзас-Сити. Может быть, где-то еще. Я не знаю, я не могу быть везде сразу. – Он поморщился и добавил: – Это как бег в мешках. Мы проигрываем, и очень быстро. Даже в тех городах, о которых нам известно, мы ничего не можем сделать. Это очень…

– Боже! Почему нет?

– Сам сообрази. Потому что «более опытные и мудрые» по-прежнему не убеждены. Потому что, когда паразиты захватывают город, там все остается по-прежнему.

Я уставился на него в недоумении, и Старик поспешил меня успокоить:

– Не бери в голову. Ты – наша первая удача. Первый, кого нам удалось вернуть живым. И теперь выясняется, что ты помнишь, что с тобой происходило. Это очень важно. И твой паразит тоже первый, которого нам удалось поймать и сохранить в живых. У нас появился шанс уз…

Он осекся. Должно быть, у меня на лице читался неприкрытый ужас. Мысль, что мой хозяин жив и может снова мной завладеть, была просто невыносима.

Старик встряхнул меня за плечи.

– Успокойся, сынок, – мягко произнес он. – Ты еще слишком слаб.

– Где он?

– А? Паразит-то? Не беспокойся о нем. Можешь увидеть его, когда захочешь. Он на твоем дублере, орангутанге. Кличка – Наполеон. Под надежной охраной.

– Убейте его!

– Бог с тобой. Он нужен нам живым, для изучения.

Видимо, со мной приключилось что-то вроде истерики, потому что Старик пару раз ударил меня по щекам.

– Соберись! Чертовски неприятно беспокоить тебя, пока ты не выздоровел, но обстоятельства вынуждают. Нам нужно записать все, что ты помнишь, на пленку. Так что соберись и начинай.

Я взял себя в руки и начал диктовать тщательный, подробный отчет обо всем, что мог припомнить. Описал, как снял помещение на складе, как «завербовал» свою первую жертву, затем как мы перебрались оттуда в Конституционный клуб. Старик кивнул:

– Логично. Ты и для них оказался хорошим агентом.

– Ты не понимаешь, – возразил я. – Сам я вообще ни о чем не думал. Знал, что происходит в данный момент, но это все. Будто… ну, будто… – Я замолчал, мне не хватало слов.

– Не важно. Дальше.

– После «вербовки» администратора клуба все пошло гораздо легче. Мы брали их прямо у входа и…

– Имена?

– Да, конечно. Я сам, Гринберг – М. К. Гринберг, Тор Хансен, Дж. Хардвик Поттер, его шофер Джим Уэйкли, служитель в туалетной комнате, коротышка по имени Джейк, но от него пришлось избавиться: хозяин просто не отпускал ему времени позаботиться о самом необходимом. Потом был администратор – я так и не узнал его имени… – Я сделал паузу, перебирая в памяти события того напряженного дня и вечера в клубе, стараясь припомнить всех «рекрутов». – О боже!

– Что такое?

– Заместитель министра финансов!

– Хочешь сказать, вы взяли и его?

– Да. В первый же день. Когда это было? Сколько прошло времени? Боже, шеф, ведь Министерство финансов охраняет президента!

Но я разговаривал с пустотой. На том месте, где сидел Старик, уже никого не было.

Я без сил откинулся на спину. Заплакал, уткнувшись в подушку, и вскоре уснул.

9

Проснулся я с жутким привкусом во рту, с больной головой и смутным предчувствием надвигающейся катастрофы. Но по сравнению с тем, что было раньше, можно сказать, я чувствовал себя отлично.

– Как, уже лучше? – спросил чей-то веселый голос.

Надо мной склонилась миниатюрная брюнетка. Очень даже симпатичная, – видимо, я и в самом деле чувствовал себя лучше, поскольку сразу это отметил. Но одета она была довольно странно: белые шорты, клочок почти прозрачной ткани, чтобы поддерживать грудь, и металлический панцирь, закрывающий шею, плечи и позвоночник.

– Ага, лучше, – согласился я, скривившись.

– Неприятный вкус во рту?

– Как после встречи Балканского кабинета министров.

– Держи-ка. – Она вручила мне стакан с каким-то лекарством. Оно было пряным и слегка обжигало, но неприятный привкус сразу пропал. – Нет-нет, не глотай. Выплюнь бяку, а я дам тебе воды.

Я послушался.

– Меня зовут Дорис Марсден, – продолжала она. – Я твоя дневная сиделка.

– Рад познакомиться, Дорис, – ответил я и снова окинул ее взглядом. – Слушай, а что это за странный наряд? Нет, мне нравится, конечно, но ты выглядишь так, будто из комикса сбежала.

Она посмотрела на свои шорты и хихикнула:

– Я и сама чувствую себя словно девица из кордебалета. Но ты привыкнешь. Я, во всяком случае, привыкла.

– Я уже привык. Это здорово и все такое – но зачем?

– Приказ Старика.

Я вдруг понял, в чем дело, и мне сразу стало хуже.

– А теперь будем ужинать. – Дорис взяла поднос и присела ко мне на кровать.

– Я совсем не хочу ничего есть.

– Открывай рот, – твердо сказала она, – а то я вывалю все это тебе на голову. Вот хороший мальчик!

В перерыве между ложками – пришлось-таки есть в порядке самообороны – я успел выдохнуть;

– Я, вообще-то, ничего. Одна доза «Гиро» – и я встану на ноги.

– Никаких стимуляторов, – категорично ответила она, запихивая в меня следующую ложку. – Специальная диета и отдых, а под конец дня – снотворное. Распоряжение доктора.

– А что со мной?

– Крайнее истощение, длительное голодание и первый случай цинги на моей памяти. А, ну и еще чесотка и вши – но с ними мы уже справились. Теперь ты все знаешь, но если скажешь доктору, что это я проболталась, то я скажу, что ты врешь. А теперь перевернемся на животик.

Я перевернулся на живот, и она стала менять повязки. Похоже, у меня вся спина была в болячках. Мазь поначалу немного жгла, но потом ощущалась прохлада. Обдумав слова Дорис, я попытался вспомнить, как жил при хозяине.

– Не дрожи, – сказала она. – Тебе нездоровится?

– Нет, все в порядке, – ответил я.

Мне действительно удалось унять дрожь и начать все обдумывать спокойно. Насколько я помнил, есть за эти дни мне доводилось не чаще чем раз в два или три дня. Мыться? Попытаюсь

вспомнить… черт, за это время я вообще не мылся! Брился, правда, каждый день и надевал свежую сорочку: хозяин понимал, что это необходимое условие маскарада.

Но зато ботинки, насколько я помнил, я ни разу не снимал с тех самых пор, как украл их на старой базе, а они еще вдобавок и малы были.

– Что у меня с ногами? – спросил я.

– Много будешь знать, скоро состаришься, – ответила Дорис. – А теперь перевернись на спинку.

* * *

Мне нравятся медсестры: они всегда спокойные, практичные и очень терпеливые. Ночной сестре, мисс Бриггс, с ее вечно недовольной лошадиной физиономией, до малышки Дорис было, конечно, далеко. Впрочем, у нее была прекрасная для женщины ее возраста фигура, крепкая и хорошо ухоженная. Она носила такой же мюзик-холльный наряд, в каком щеголяла Дорис, но никаких шуточек по этому поводу себе не позволяла, и походка у нее была как у гренадера. У Дорис, слава богу, при ходьбе все очаровательно подпрыгивало.

Ночью я проснулся от какого-то кошмара. Мисс Бриггс отказалась дать мне вторую таблетку снотворного, но согласилась сыграть со мной в покер и обчистила меня на половину месячного жалованья. Я пытался вытянуть из нее что-нибудь о президенте, потому что полагал, что к этому времени Старик должен был либо выиграть, либо проиграть. Но это оказалось невозможно. Она делала вид, будто вообще ничего не знает о паразитах, летающих тарелках и тому подобном, и при этом сидела передо мной в наряде, который могла надеть только по одной причине!

Тогда я спросил, о чем говорят в новостях. Она ответила, что в последнее время ей некогда было следить за передачами. А когда я попросил поставить мне в палату стерео-ящик, чтобы я мог ловить последние известия, сказала, что это нужно спрашивать у доктора, который прописал мне «полный покой». Я поинтересовался: и когда же, черт возьми, я смогу увидеть этого самого доктора; а она сказала, что не знает: доктор в последнее время очень занят. Я спросил, как много других пациентов сейчас в лазарете, она ответила, что не помнит. Тут раздался сигнал вызова, и она ушла к другому пациенту.

Пока она ходила, я подтасовал колоду, положил ей на следующую сдачу хорошие карты, не требующие прикупа, – с тем чтобы мне не делать ставку при торге.

Я уснул поздно и проснулся, лишь когда мисс Бриггс хлопнула меня по лицу холодной мокрой мочалкой. Затем она помогла мне приготовиться к завтраку, который принесла сменившая ее Дорис. На этот раз я ел самостоятельно, а за едой попытался выведать у нее какие-нибудь новости, но так же, как и с мисс Бриггс, ничего не добился. Сиделки порой ведут себя так, будто работают не в больнице, а в яслях для умственно отсталых детей.

После завтрака заглянул Дэвидсон.

– Мне сказали, что ты здесь. – На нем были только шорты, и ничего больше, если не считать бинтов на левой руке.

– Это уже больше, чем сказали мне, – пожаловался я. – Что у тебя с рукой?

– Пчела ужалила.

Я не стал развивать тему, раз он не хотел говорить, при каких обстоятельствах его зацепило, – это его личное дело.

– Вчера здесь был Старик. Он выслушал мой отчет и вылетел отсюда пулей. Ты его после этого видел?

– Видел.

– И что? – спросил я.

– Да все нормально. Сам-то как? Психологи уже допустили тебя к секретным материалам?

– А что, кто-то во мне сомневается?

– Да, черт возьми, еще как! Бедняга Джарвис так и не оклемался.

– Серьезно? – Я и думать забыл о Джарвисе. – И как он сейчас?

– Никак. Никто в его голове не копался. Он впал в кому и умер на следующий день после того, как ты сбежал. В смысле – после того, как тебя захватили. Не было никаких видимых причин, просто взял и умер. – Дэвидсон смерил меня взглядом. – Должно быть, ты оказался покрепче.

Я не чувствовал себя «покрепче». Я чувствовал, что вот-вот опять разрыдаюсь, и заморгал глазами, отгоняя подступившие слезы. Дэвидсон сделал вид, будто ничего не заметил, и продолжал говорить:

– Видел бы ты, что тут поднялось, когда ты смылся! Старик рванул за тобой, если можно так выразиться, в одном пистолете и насупленных бровях. Он бы тебя поймал, но его загребла полиция, и пришлось его самого выручать. – Дэвидсон ухмыльнулся.

Я слабо улыбнулся в ответ. Было в этой сцене что-то одновременно возвышенное и комичное: Старик в чем мать родила несется спасать мир от смертельной опасности.

– Жаль, я это пропустил. А что еще случилось в последнее время?

Дэвидсон пристально посмотрел на меня и сказал:

– Подожди минуту.

Он вышел из палаты, но вскоре вернулся.

– Старик сказал, что можно рассказывать. Что тебя интересует?

– Все! Что вчера произошло?

– Вот вчера-то меня как раз и прижгли. – Он повел забинтованной рукой. – Повезло еще, потому что троих других агентов убили. В общем, шороху много было.

– Но как это случилось? А президент? У него…

Тут в палату ворвалась Дорис.

– Вот ты где! – накинулась она на Дэвидсона. – Я же сказала тебе оставаться в постели! Тебя должны оперировать в больнице Милосердия прямо сейчас! «Скорая» ждет тебя уже десять минут!

Дэвидсон встал, улыбнулся ей и ущипнул за щечку здоровой рукой.

– Без меня все равно не начнут.

– Ну же, скорее!

– Иду.

Они пошли к двери.

– Эй! – выкрикнул я. – А что с президентом?

Дэвидсон оглянулся через плечо:

– С ним-то? С ним все в порядке, ни единой царапины.

И он ушел.

Через несколько минут вернулась рассерженная Дорис.

– Пациенты! – произнесла она так, будто это бранное слово. – Я ему должна была двадцать минут назад укол сделать, чтоб подействовал еще до больницы. А сделала, когда он в машину садился.

– Что за укол?

– А он не сказал?

– Нет.

– Мм… В общем-то, никакого секрета тут нет. Ему левую кисть ампутируют и пересаживают новую.

– Ого!

Теперь он, подумал я, уже не расскажет, чем кончилось, потому что увидимся мы не скоро: когда руку пересаживают, это не шутка; его дней десять под наркозом продержат. Я вдруг вспомнил о Старике: а он-то выжил в этой передряге? Да конечно выжил, напомнил я себе, Дэвидсон переговорил с ним, прежде чем хоть что-то мне рассказать.

Но это вовсе не значит, что он, например, не ранен. Я снова решил попытать Дорис:

– А что со Стариком? Он тоже в больнице? Или раскрыть эту тайну будет против ваших священных правил?

– Слишком много разговариваем, – ответила она. – У вас по расписанию второй завтрак и сон.

С ловкостью профессионального фокусника она извлекла откуда-то стакан молочно-белой жижи.

– Рассказывай, девчонка, не то я выплюну эту гадость тебе в лицо.

– Старик? Ты имеешь в виду шефа Отдела?

– Кого же еще?

– Он не в больнице, по крайней мере не в этой. – Она передернула плечиками и поморщилась. – Не приведи господь такого пациента.

В этом я с ней не мог не согласиться.

10

Еще дня два или три меня держали в постели и обращались со мной как с ребенком. Впрочем, я не возражал: последние несколько лет мне просто не доводилось отдыхать по-настоящему. Вероятно, меня держали на транквилизаторах; я заметил, что каждый раз после еды меня клонило в сон. Болячки заживали, и вскоре Дорис мне позволила – точнее, приказала – выполнять легкие упражнения, не покидая палаты.

Потом как-то заглянул Старик.

– Ну-ну, симулируешь, значит?

Я вспыхнул:

– Какая неблагодарность, черт побери! Достань мне штаны, и я тебе покажу, кто симулирует.

– Остынь. – Старик посмотрел мою больничную карту, потом сказал Дорис: – Сестра, принесите этому человеку шорты. Я возвращаю его на действительную службу.

Дорис набросилась на него, как рассерженная наседка:

– А теперь слушайте меня! Вы, может, и большая шишка, но здесь ваши приказы не имеют силы. Если лечащий врач…

– Хватит! И выдайте ему какие-нибудь подштанники. Когда придет доктор, отправьте его ко мне.

– Но…

Старик подхватил ее на руки, поставил лицом к двери и, хлопнув по попке, сказал:

– Быстро!

Она вышла, шипя и фыркая, как рассерженная кошка, и вскоре вернулась – но не с моей одеждой, а с доктором. Старик оглядел их и мягко заметил:

– Док, я послал ее за штанами, а не за врачом.

Тот ответил довольно сухо:

– Я был бы вам признателен, если бы вы не беспокоили моих пациентов.

– Он уже не ваш пациент. Он мне нужен, и я возвращаю его на службу.

– Да? Сэр, если вам не нравится, как я справляюсь со своими обязанностями, я могу подать в отставку немедленно.

Старик упрям, но знает, когда нужно отступить. Он тут же сдал назад:

– Прошу прощения, сэр. Иногда я слишком занят своими проблемами и забываю следовать стандартным процедурам. Не будете ли вы так любезны обследовать этого пациента? Если его можно вернуть на службу, он нужен мне как можно скорей.

У доктора на щеках заиграли желваки, однако он лишь коротко ответил:

– Разумеется, сэр.

Он демонстративно изучил мою карту, затем заставил меня сесть на кровати и проверил мои рефлексы. Лично мне показалось, что они были довольно вялыми. Потом он задрал мне веко, посветил в глаз фонариком и заявил:

– Ему еще потребуется время, чтобы восстановить силы… Но можете его забирать. Сестра, принесите пациенту одежду.

«Одежда» состояла из шорт и ботинок. Я был одет куда основательней, когда носил больничный халат. Но окружающие были одеты точно так же, и, признаться, при виде людей с голыми плечами, без паразитов, у меня на душе становилось спокойнее. О чем я сразу сказал Старику.

– Лучшая защита, которая у нас есть, – проворчал он. – Хотя контора теперь смахивает на пляж, полный курортников. Если мы не справимся с этой нечистью до зимы, нам конец.

Старик остановился у двери со свежей надписью: «БИОЛОГИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ. НЕ ВХОДИТЬ!»

Он распахнул дверь.

Я попятился:

– Куда это мы идем?

– Взглянуть на твоего дублера, на обезьяну с твоим паразитом.

– Так я и думал. Мне это ни к чему, да и смысла никакого… Нет, спасибо! – Я почувствовал, что меня трясет.

Старик остановился на пороге.

– Послушай, сынок, – терпеливо сказал он, – тебе нужно преодолеть свой страх. И лучший способ – это встретиться с ним лицом к лицу. Знаю, тебе нелегко. Я сам тут провел несколько часов, просто глядя на эту тварь и пытаясь привыкнуть к ее виду.

– Ты ничего не знаешь, откуда тебе знать! – Меня колотило так, что пришлось опереться о дверной косяк.

Он посмотрел на меня:

– Да, видимо, когда поносишь на спине паразита, это все воспринимается по-другому. Джарвис… – Он вдруг оборвал себя.

– Ты чертовски прав, именно по-другому! И ты меня туда не затащишь.

– Нет, я не стану этого делать. Что ж, очевидно, врач был прав. Возвращайся, сынок, и ложись обратно.

Я понял, что Старик на меня не злится. Его голос звучал скорее печально. Он отвернулся и переступил порог лаборатории.

И сделал еще три или четыре шага, прежде чем я позвал:

– Босс!

Старик остановился и повернулся ко мне с непроницаемым лицом.

– Я иду, – добавил я.

– Может быть, не стоит?

– Справлюсь. Просто это трудно… вот так сразу… Нервы…

Старик участливо взял меня под локоть и повел, будто девушку на прогулке. Мы прошли еще одну запертую дверь и очутились в помещении с влажным теплым воздухом. Там в клетке сидела обезьяна.

Ее тело удерживал на месте металлический каркас. Руки и ноги безвольно висели, словно она не могла ими управлять, – так оно и было, как я узнал позднее.

Когда мы вошли, обезьяна вскинула голову и поглядела на нас. На мгновение в ее глазах вспыхнули ум и ненависть. Затем огонь угас, и они стали просто глазами бессловесного животного. Животному было больно.

– С другой стороны, – тихо сказал Старик.

Я бы не пошел, но он все еще держал меня под руку. Мы двинулись в обход клетки. Обезьяна следовала за нами взглядом, но ее тело надежно удерживал каркас. Зайдя сзади, я увидел…

Хозяин. Тварь, которая бог знает сколько времени ездила у меня на спине, говорила моим языком, думала моим мозгом. Мой хозяин.

– Спокойно, – тихо сказал Старик. – Спокойно. Ты привыкнешь к нему. – Он сжал мою руку. – Отвернись ненадолго, это помогает.

Я так и сделал, и это действительно помогло. Не так чтобы сильно, слегка. Я несколько раз глубоко вздохнул и задержал дыхание. Сердцебиение немного успокоилось, и я заставил себя повернуться и взглянуть на паразита.

Ужас, собственно, вызывает не сам его вид. Да, они мерзкие и уродливые, но не больше, чем слизь в пруду, и не такие отвратительные, как личинки, копошащиеся в мусоре.

И дело не в том, что ты знаешь о способностях паразитов: то же самое чувство я испытал и в первый раз, еще до того, как узнал, что это за твари. Я попытался объяснить свои мысли Старику, и он кивнул, не отрывая взгляда от паразита.

– Да, – сказал он, – у других то же самое. Безотчетный страх, как у птицы перед змеей. Возможно, это их основное оружие. – Он отвел взгляд в сторону, словно даже его железные нервы не выдерживали такого зрелища.

Я тоже не трогался с места, заставляя себя привыкать и пытаясь удержать завтрак внутри. Говорил себе, что теперь хозяин уже не страшен, что он ничего не может мне сделать. Затем отвел глаза и обнаружил, что Старик за мной наблюдает.

– Ну как? Уже легче?

Я посмотрел на хозяина.

– Немного, – сказал я и с ненавистью добавил: – Но больше всего на свете я хочу его убить. Хочу убить их всех! Я бы всю свою жизнь убивал и убивал этих тварей. – Меня опять затрясло.

Старик серьезно посмотрел на меня, затем протянул свой пистолет:

– Держи.

Я не сразу понял, в чем дело. Своего оружия у меня не было, поскольку мы пришли сюда прямо из больничной палаты. Я взял пистолет и бросил на Старика вопросительный взгляд.

– Э-э-э… зачем?

– Ты же хочешь ее убить. Если тебе это нужно, вперед. Убей. Прямо сейчас.

– Ха! Но ты же говорил, что тварь нужна для изучения.

– Нужна. Но если ты считаешь, что должен ее убить, убей. Это ведь твой хозяин. Если для того, чтобы вновь стать человеком, ты должен ее убить, не стесняйся.

Вновь стать человеком. Мысль звучала в мозгу как набат. Старик знал, какое мне нужно лекарство. Я уже не дрожал. Оружие, готовое извергать огонь и убивать, лежало в ладони как влитое. Мой хозяин…

Я убью его и вновь стану свободным человеком. Если хозяин останется в живых, этого никогда не произойдет. Мне хотелось уничтожить их всех, отыскать и выжечь всех до единого, но первым делом – этого.

Мой хозяин… останется моим хозяином, пока я его не убью. У меня было жуткое и кристально ясное ощущение, что, если нас оставят с ним наедине, я не смогу даже пошевелить пальцем, что я замру и буду покорно ждать, пока он заползает ко мне на спину, снова устраивается между лопатками, нащупывает мой позвоночник и овладевает моим мозгом и всем моим естеством – до самой последней капли.

Но теперь я мог его убить!

Уже без страха, с переполняющим меня ликованием я прицелился.

Старик по-прежнему смотрел на меня.

Я опустил оружие и неуверенно спросил:

– Босс, положим, я убью этого паразита. А другой есть?

– Нет.

– Но ведь он нужен.

– Да.

– Тогда… Черт, зачем ты дал мне пистолет?

– Ты сам знаешь. Если тебе нужно, убей. Если сумеешь обойтись, тогда им займется Отдел.

Я должен был выстрелить. Даже если мы убьем всех остальных, пока будет жив этот, я так и не перестану трястись в темноте от страха… А что касается других, то в одном только Конституционном клубе можно взять сразу дюжину. Убью этого – и мне уже ничего не страшно: я сам поведу туда группу захвата. Учащенно дыша, я снова поднял пистолет.

Затем отвернулся и кинул его Старику. Тот поймал оружие на лету и спросил:

– В чем дело?

– А? Не знаю. Когда я уже совсем собрался нажать на спуск, мне стало достаточно просто знать, что я могу это сделать.

– Я тоже так решил.

На душе у меня стало тепло и спокойно, словно я только что убил мужчину или переспал с женщиной – словно я действительно прикончил эту тварь. Я смог повернуться к ней спиной и даже не злился на Старика за то, что он тут устроил; вместо этого я чувствовал признательность.

– Я же понял, что ты все подстроил, черт бы тебя побрал! Ну и как тебе роль кукловода?

Но Старик не принял шутки. Вместо этого он очень серьезно сказал:

– Это не про меня. Самое большее, что я когда-либо делал, – это выводил человека на ту дорогу, по которой он сам хотел бы идти. А настоящий кукловод – вот он. – И Старик ткнул пальцем в паразита.

Я обернулся.

– Да… – согласился я, – это настоящий кукловод. И ты даже не представляешь, насколько точно угадал. И, босс… надеюсь, ты никогда об этом не узнаешь.

– Я тоже на это надеюсь, – ответил он серьезно.

Теперь я мог смотреть на хозяина без содрогания. Мне даже захотелось с независимым видом засунуть руки в карманы, вот только у шорт никаких карманов не было.

– Босс, – сказал я, по-прежнему не отводя взгляда от паразита, – если от него что-нибудь останется, когда вы с ним закончите, – я его убью.

– Заметано, – сказал он.

* * *

Нас прервал человек, который неожиданно влетел в лабораторию. В шортах и в белом лабораторном халате, он выглядел довольно по-дурацки. Это был не Грейвс, я этого парня не знал. Кстати, Грейвса я больше никогда не видел: наверно, Старик его просто съел.

– Прошу прощения, шеф, – выпалил он, подбегая, – я не знал, что вы здесь! Я…

– Да, я здесь, – перебил его Старик. – Почему в халате? – Его пистолет выскочил из кобуры и нацелился парню прямо в грудь.

Тот уставился на пистолет с таким выражением, будто происходящее показалось ему неудачной шуткой.

– Э-э-э… Так я же работал. Не ровен час, обольешься чем, а там у нас растворы бывают…

– Снять!

– Что?

Старик повел пистолетом и скомандовал мне:

– Приготовься.

Парень торопливо скинул халат и стиснул его в руках, нервно кусая губы. На плечах ничего не было, красной сыпи на спине тоже.

– Теперь ты возьмешь этот халат и к чертовой матери сожжешь, – приказал Старик. – А затем вернешься к работе.

Залившись краской, парень шмыгнул к двери, но у порога остановился, зыркнул на меня и спросил Старика:

– Шеф, вы уже готовы к этой… э-э-э… процедуре?

– Скоро буду. Я дам знать.

Парень открыл было рот, потом закрыл его и вышел. Старик, тяжело вздохнув, убрал пистолет и проворчал:

– Вот так всегда. Отдаешь приказ. Зачитываешь вслух. Заставляешь каждого под ним расписаться. И что толку? Можно даже вытатуировать приказ на их хиленьких цыплячьих грудках, и все равно найдется какой-нибудь умник, который считает, что его это не касается. Ученые!

Последнее слово он сказал с той же интонацией, с какой Дорис говорила свое «Пациенты!».

Я снова повернулся к своему бывшему хозяину. Вид его по-прежнему вызывал у меня отвращение, но теперь оно сопровождалось обостренным ощущением опасности. И не совсем, по правде говоря, неприятным – словно стоишь на краю пропасти.

– Босс, – спросил я, – что вы собираетесь с ним делать?

Он посмотрел на меня, а не на слизня:

– Я собираюсь его допросить.

– Допросить? Но как вы… То есть обезьяна же не…

– Да, обезьяна говорить не может. Нам придется найти добровольца. Человека.

Когда смысл его слов наконец дошел до меня и я представил себе эту картину, ужас охватил меня почти с прежней силой.

– Ты сошел с ума. Ты не имеешь права так поступать – даже с добровольцами!

– У меня есть это право, и я это сделаю. Мы сделаем все, что потребуется.

– Вы не найдете добровольцев!

– Одного уже нашли…

– Да ну! И кто же это?

– …но я не хотел бы использовать того человека. Мне нужен другой.

Сама мысль об этом казалась мне отвратительной, и я не стал скрывать своих чувств.

– Доброволец он или нет, это все равно грязное дело. Ладно, один у вас есть, но второго такого психа вы долго искать будете.

– Возможно, – согласился Старик. – Но я все же не хотел бы использовать первого добровольца. А допрос нам необходим, сынок: мы ведем войну при полном отсутствии разведданных. Мы в действительности ничего не знаем о нашем враге, не можем вести с ним переговоры, не знаем, откуда он и что им движет. Мы должны это выяснить, потому что на кону существование человечества. Говорить с паразитом можно только через человека. Значит, так мы и сделаем. Но мне по-прежнему нужен доброволец.

– Ладно, только меня от этого увольте!

– Я не могу тебя уволить.

Я сказал это наполовину шутя, но он ответил таким тоном, что я чуть заикаться не начал.

– Ты… да ты с ума сошел! Нужно было убить эту заразу, когда ты дал мне свой пистолет. Знал бы заранее, что ты задумал, так бы и сделал. Но чтобы я добровольно позволил снова посадить паразита себе на спину – нет уж, спасибо, натаскался!

Он продолжал гнуть свое, словно меня и не слышал:

– Кто угодно тут не подойдет. Нужен человек, который сможет это выдержать. Джарвис, как оказалось, был недостаточно крепок, сломался. А про тебя мы знаем, что ты на это способен.

– Я? Да вы ни черта не знаете! Все, что вы знаете, – это то, что один раз я после этого выжил. Я… Еще одного раза мне не выдержать.

– Возможно, это тебя убьет, – спокойно сказал Старик. – Но у тебя больше шансов остаться в живых, чем у кого-либо еще. Ты вошел в эту дверь и вышел из нее, теперь ты обязан уметь повторить этот фокус, стоя на голове. Если взять кого-то другого, я рискую потерять агента.

– С каких пор это начало тебя беспокоить? – усмехнулся я.

– Я даю тебе последнюю возможность решить: согласен ли ты на эксперимент, зная, что это необходимо, что у тебя больше всех шансов и что пользы от тебя будет больше, чем от других, потому что у тебя уже есть опыт? Или ты предпочитаешь, чтобы вместо тебя рисковал своей психикой и своей жизнью какой-то другой агент?

Я попытался объяснить ему, что у меня на душе. Что я не боюсь умереть – в смысле, боюсь не больше обычного. Но мысль о том, что я умру, находясь во власти паразита, была просто невыносима. Почему-то мне казалось, что такой смертью я заранее обрекаю себя на бесконечные муки в аду. Еще хуже была перспектива ощутить прикосновение слизняка – и не сдохнуть тут же на месте. Однако я не мог выразить это словами – не существовало слов, описывающих то, с чем человечество раньше не сталкивалось. И поэтому я просто пожал плечами:

– Можешь меня уволить, но есть какие-то пределы тому, что человек в силах вынести. Я не соглашусь.

Он повернулся к интеркому на стене.

– Лаборатория, – сказал он, – мы начинаем эксперимент прямо сейчас. Поторопитесь!

– А кто объект? – донеслось из динамика, и я узнал голос парня, который только что тут был. – От этого зависит размер сбруи.

– Первый доброволец.

– Это для которого станок поменьше? – с сомнением спросил голос.

– Да. Тащите сюда.

Я двинулся к двери.

– Куда это ты собрался? – резко спросил Старик.

– Куда подальше! – огрызнулся я. – Я в этом не участвую.

Он сграбастал меня и одним движением развернул обратно – словно был на голову выше и на пару лет моложе, чем я.

– Нет, ты никуда не идешь. Ты знаешь об этих тварях больше всех, и твои советы могут быть полезны.

– Отпусти меня.

– Ты останешься – либо по своей воле, либо я прикажу тебя связать, – раздраженно сказал Старик. – Я сделал скидку на болезнь, но твои фокусы мне надоели!

У меня уже не осталось сил спорить.

– Валяй, ты здесь главный.

* * *

Лаборанты вкатили в комнату кресло на колесиках, хотя, по правде сказать, этот предмет обстановки больше напоминал электрический стул: ремни для запястий, локтей, лодыжек и колен, крепления у пояса и груди, но спинка была срезана, чтобы плечи жертвы оставались открытыми.

Кресло установили рядом с клеткой обезьяны, затем убрали заднюю стенку клетки и ближнюю к нему боковую панель. Обезьяна наблюдала за приготовлениями внимательным, настороженным взглядом, но ее конечности по-прежнему безвольно свисали. Тем не менее, когда открыли клетку, мне снова стало не по себе, и я остался на месте только из опасения, что Старик действительно прикажет меня связать.

Лаборанты отошли в сторону и стали ждать, очевидно готовые начать работу. Открылась дверь, и в комнату вошли еще несколько человек, среди них Мэри.

Я растерялся. Мне очень хотелось ее увидеть, и я пытался отыскать ее через медсестер, но они или действительно не знали, кто она, или получили на этот счет какие-то распоряжения. Теперь мы наконец встретились, но при таких обстоятельствах… Черт бы побрал Старика! Ну

зачем приглашать на такое «представление» женщину, пусть даже женщину-агента? Должны же быть какие-то рамки!

Мэри бросила на меня удивленный взгляд, затем кивнула. Я ответил таким же кивком – время было не для светских бесед. Выглядела она отлично, как всегда, только очень серьезно. На ней был такой же наряд, как у сиделок, – шорты и полоска ткани на груди, но без этого нелепого шлема и без панциря на спине.

Остальные в этой компании были мужчины в таких же шортах, как на мне и Старике. Они принесли записывающую и стереоаппаратуру и еще какие-то приборы.

– Готовы? – спросил начальник лаборатории.

– Да, поехали, – ответил Старик.

Мэри подошла к металлическому креслу и села. Двое лаборантов опустились на колени и занялись зажимами на ногах. Мэри завела руки за спину и расстегнула крючки, позволив своей ленточке упасть, оставив ее спину голой. Я смотрел на происходящее в морозном оцепенении, словно угодил в кошмар. Потом схватил Старика за плечи, отшвырнул в сторону и, подскочив к креслу, раскидал лаборантов.

– Мэри! – крикнул я. – Вставай! Скорее!

Старик выхватил пистолет и навел на меня.

– Прочь от нее! – приказал он. – Вы трое, взять его и связать!

Я посмотрел на пистолет, потом на Мэри. Она ничего не говорила и не двигалась – ноги у нее уже были пристегнуты, – просто смотрела на меня полным сочувствия взглядом.

– Ладно, Мэри, вставай, – сказал я внезапно севшим голосом. – Мне захотелось посидеть.

* * *

Они убрали кресло, в котором сидела Мэри, и прикатили другое, побольше. Ее кресло мне не подходило: их сделали точно по фигуре. С застегнутыми ремнями ощущение было такое, будто меня залили в бетон. И сразу же начала нестерпимо чесаться спина, хотя к ней пока еще ничто не прикасалось.

К этому времени Мэри в комнате уже не было. Я не заметил, сама она ушла или ей приказал уйти Старик, да это, похоже, и не имело значения. Когда приготовления закончились, Старик подошел, положил руку мне на плечо и тихо сказал:

– Спасибо, сынок.

Я промолчал.

Я не видел, что они делали с паразитом, потому что это происходило у меня за спиной. Я видел, что они принесли с собой устройство, сделанное, похоже, из дистанционного манипулятора для работы с радиоактивными материалами. Не сомневаюсь, они задействовали именно эту штуку. Мне это было не настолько интересно, чтобы пытаться посмотреть, даже если бы я мог повернуть голову.

Обезьяна только один раз взревела, а потом завизжала, и кто-то крикнул: «Осторожней!»

Затем наступила мертвая тишина, словно все затаили дыхание…

Потом что-то влажное коснулось моей шеи – и я потерял сознание.

* * *

Очнулся я со знакомым ощущением звенящей во мне энергии. Я понимал, что здорово влип, но с осторожностью начал просчитывать варианты спасения. Страха не было. К существам, собравшимся вокруг меня, я испытывал презрение и не сомневался, что в конечном счете как-нибудь их перехитрю.

– Ты меня слышишь? – громко спросил Старик.

– Разумеется, – ответил я. – Незачем орать.

– Ты помнишь, зачем ты здесь?

– Разумеется, помню. Вы хотели задать какие-то вопросы. Чего же вы ждете?

– Что ты такое?

– Ну, это совсем глупый вопрос. Просто посмотри на меня: во мне шесть футов и один дюйм, мышц больше, чем мозга, вес…

– Это не ты. Ты знаешь, к кому я сейчас обращаюсь – к тебе!

– В угадайку играем?

Старик ответил не сразу.

– Ты ничего не выиграешь, притворяясь, будто я не знаю, кто ты такой…

– Увы, но ты и в самом деле не знаешь.

– …или, точнее, будто я не знаю, что ты – паразит и сейчас разговариваешь, используя тело человека. Я изучал тебя все то время, что ты жил на теле обезьяны. И то, что я узнал, дает мне преимущество перед тобой. Во-первых, – он принялся загибать пальцы, – тебя можно убить. Во-вторых, ты чувствуешь боль. Тебе не нравятся удары электрическим током, и ты не выносишь температур, которые способен вынести даже человек. В-третьих, ты беспомощен без своего носителя. Я могу снять тебя с этого человека, и ты умрешь. В-четвертых, ты ничего не можешь сделать без своего носителя, а он сейчас бесполезен. Проверь-ка ремни на прочность и не делай глупостей. Так что ты или будешь отвечать на наши вопросы, или умрешь.

Я слушал вполуха. Я уже проверил ремни, без особой надежды, но и без особого страха, и обнаружил, как я и ожидал, что порвать их действительно невозможно. Но это меня нисколько не тревожило, я не чувствовал ни беспокойства, ни страха, только какое-то отстраненное удовлетворение оттого, что вернулся к хозяину, что свободен от проблем и внутренних конфликтов. Мое дело было служить ему – и только, а дальше будь что будет. А пока я должен был следить за ситуацией, готовый в любой момент выполнить свою работу.

Один ремень на лодыжке вроде был затянут слабее остальных: возможно, мне удастся вытащить ногу… Затем я проверил еще раз ремни на руках. Может, если полностью расслабиться…

Сразу последовали указания – или я сам принял решение: в такой ситуации это одно и то же. Никаких разногласий между мной и хозяином не было: мы думали и действовали как одно целое. Короче, инструкции это были или собственное решение, но я знал, что побег сейчас не удастся. Обводя комнату взглядом, я пытался определить, кто из присутствующих вооружен. Возможно, только Старик: значит, уже легче.

Где-то в глубине души затаилось ноющее чувство вины и отчаяния, знакомое лишь слуге, действующему по воле инопланетного паразита, но я был слишком занят, чтобы переживать.

– Итак, – продолжал Старик, – ты будешь отвечать на мои вопросы или придется тебя заставить?

– Какие вопросы? – спросил я. – До сих пор я не слышал ни одного вразумительного вопроса.

Старик повернулся к лаборанту:

– Дай мне щекоталку.

Я не почувствовал тревоги, хотя и не понял, что именно он попросил. Я все еще был поглощен проверкой ремней. Если удастся как-то подманить его поближе, чтобы пистолет оказался в пределах досягаемости, и если при этом я сумею высвободить одну руку, тогда я смогу…

Он сунул прут куда-то мне за спину, и я почувствовал дикую боль. Свет в комнате погас, словно кто-то щелкнул выключателем, и на один бесконечный миг меня скрутила адская судорога. Боль расколола меня на кусочки, и на мгновение я потерял связь с хозяином.

Затем боль схлынула, оставив после себя только обжигающее воспоминание. Но не успел я собраться с мыслями, как связь между нами восстановилась, и я снова оказался в безопасности во власти моего хозяина. Но в первый и единственный раз за всю мою службу меня охватило беспокойство: его дикий страх и боль отчасти передались и мне.

Я посмотрел вниз и увидел алую струйку, бьющую из моего левого запястья. В пылу борьбы я порезался о зажим. Это не имело значения: я оторвал бы себе руки и ноги и убежал бы оттуда на истекающих кровью культях, если бы мог таким образом спасти своего хозяина.

– Ну как, понравилось? – спросил Старик.

Паника, овладевшая было мной, схлынула, я снова наполнился беззаботным ощущением благополучия, но по-прежнему не терял бдительности. Запястья и лодыжки тоже уже не болели.

– Зачем ты это сделал? – спросил я. – Разумеется, ты можешь причинить мне боль, но зачем?

– Отвечай на мои вопросы.

– Задай их.

– Что ты такое?

Ответ появился у меня не сразу. Старик уже потянулся за разрядником, когда я услышал свой собственный голос:

– Мы – народ.

– Народ? Какой народ?

– Единственный народ. Мы изучили вас и знаем вашу жизнь. Мы… – Внезапно я замолчал.

– Продолжай, – мрачно приказал Старик и повел в мою сторону разрядником.

– Мы пришли, – продолжил я, – чтобы принести вам…

– Принести что?

Я хотел говорить: стержень разрядника покачивался ужасающе близко. Но мне не хватало слов.

– Чтобы принести вам мир, – вырвалось у меня.

Старик фыркнул.

– Мир, – продолжал я, – и удовлетворение… и радость… радость подчинения… – Я снова запнулся: «подчинение» было неправильным словом, я мучился, словно пытался говорить на скверно выученном иностранном языке. – Радость, – повторил я, – радость… нирваны.

Это было правильное слово. Я почувствовал себя собакой, которую погладили по голове за то, что она принесла палку, – весь извивался от удовольствия.

– Давай уточним, – задумчиво сказал Старик. – Вы обещаете, что, если человечество капитулирует перед вашим видом, вы будете заботиться о нас и сделаете нас счастливыми. Правильно?

– В точку!

Старик смерил меня долгим взглядом, но смотрел не в лицо, а куда-то поверх моего плеча, а затем сплюнул на пол.

– Знаешь, – произнес он медленно, – нам, человечеству, уже не раз предлагали такую сделку, хотя, наверное, не в таком грандиозном масштабе. Из этого никогда ни черта не выходило.

Я наклонился вперед, насколько позволяла сбруя.

– Попробуй сам, – посоветовал я. – Это очень быстро, и тогда ты поймешь.

На этот раз он взглянул мне в глаза:

– Может, мне так и следовало поступить. Может, я обязан испытать это не на… испытать это на себе. Не исключено, что когда-нибудь испытаю. Позже. А сейчас, – Старик вновь заговорил быстро и деловито, – сейчас ты будешь отвечать на мои вопросы. Если будешь отвечать

сразу и правильно, ничего с тобой не случится. Будешь медлить, я увеличу ток. – И он помахал разрядником.

Я съежился, почувствовав поражение. На какое-то мгновение мне показалось, что он согласится, и я уже начал планировать побег.

– А теперь, – продолжал он, – откуда ты прибыл?

Ответа не было… Я не испытывал желания отвечать.

Разрядник придвинулся ближе.

– Издалека! – выпалил я.

– Это не новость. Говори откуда? Где ваша основная база, ваша родная планета?

У меня не было никакого ответа. Старик подождал немного, затем сказал:

– Видимо, придется подстегнуть твою память.

Я тупо следил за ним; в голове – ни единой мысли. Но тут к нему обратился один из помощников.

– Что? – переспросил Старик.

– Возможно, здесь какая-то семантическая проблема, – повторил тот. – Различия в астрономических понятиях.

– Откуда? Паразит знает столько же, сколько знает его носитель. Это мы уже доказали. – Однако он опустил разрядник и задал вопрос по-другому. – Ладно. Солнечная система-то уж тебе точно знакома. Ваша планета внутри или вне Солнечной системы?

Я помедлил, потом ответил:

– Все планеты – наши.

Старик выпятил губу и задумчиво произнес:

– Интересно, что ты имеешь в виду… Впрочем, ладно. Пусть хоть Вселенная целиком. Но где ваше гнездо? Откуда прилетели корабли?

Мне нечего было ему ответить, и я не отвечал. Сидел молча.

Тут Старик неожиданно сунул мне за спину электрод – и я ощутил короткий сокрушительный удар боли.

– А теперь говори, черт бы тебя побрал! С какой вы планеты? С Марса? Венеры? Юпитера? Сатурна? Урана? Нептуна? Плутона? Калки?[12]

Когда он называл очередную планету, я видел их воочию – а ведь я ни разу не бывал вне Земли дальше космических станций. И когда он назвал правильный ответ, я мгновенно это понял, но мысль будто выдернули из меня, едва она возникла.

– Говори! – продолжал он. – Или отведаешь кнута.

– Ни с одной из них, – услышал я свой собственный голос. – Наш дом находится гораздо дальше. Вам никогда его не найти.

Он посмотрел поверх моего плеча, потом заглянул мне в глаза:

– Ты лжешь. Немного электричества поможет тебе снова стать честным.

– Нет! Нет!

– Ну, попытка не пытка.

Он медленно завел руку с разрядником мне за спину. В голове у меня снова вспыхнул правильный ответ, и я уже собрался его выдать, но тут что-то сдавило мое горло, а затем началась боль.

И она длилась и длилась. Я разрывался на части, я пытался говорить, сказать хоть что-то, чтобы остановить боль, но невидимая рука по-прежнему сжимала мое горло, и я не мог.

Сквозь пелену боли я узнал склонившегося надо мной Старика. Лицо его дрожало и расплывалось.

– Достаточно? – спросил он. – Готов говорить?

---

[12] *Калки* – в индуистской мифологии десятая, будущая аватара Вишну.

Я начал говорить что-то, но поперхнулся, и сразу накатило удушье. Последнее, что я увидел, – это приближающийся хлыст разрядника.

Тут меня разорвало на куски, и я умер.

* * *

Надо мной склонились несколько человек, и кто-то из них сказал:

– Приходит в себя. Осторожнее, он может быть агрессивен.

В поле зрения вплыло взволнованное лицо Старика.

– Ты в порядке, сынок? – с тревогой спросил он.

Я отвернулся.

– Отойдите, пожалуйста, – произнес другой голос. – Мне надо сделать ему инъекцию.

– Его сердце выдержит?

– Разумеется – иначе я не стал бы этого делать.

Говоривший опустился рядом со мной на колени, взял меня за руку и сделал мне укол. Потом он встал, посмотрел на свои руки и вытер их о шорты. На шортах остались кровавые полосы.

Я почувствовал, что ко мне возвращаются силы. «Гиро», – подумал я рассеянно, или что-то наподобие. Что бы это ни было, оно вновь собирало меня в единое целое из отдельных кусочков. Вскоре я уже мог сидеть без посторонней помощи. Мы все еще были в комнате с клеткой, а рядом стояло это проклятое кресло. Клетка, отметил я без всякого интереса, снова была заперта. Я начал подниматься на ноги. Старик шагнул вперед и протянул мне руку, но я ее оттолкнул.

– Не трогай меня!

– Извини, – ответил он, затем приказал: – Джонс! Возьми Ито, и давайте за носилками. Отнесите его обратно в лазарет. Док, идите вперед.

– Разумеется.

Человек, который делал мне укол, хотел поддержать меня за руку, но я не позволил.

– Не трогай меня!

Он замер.

– Отойдите от меня – все. Просто оставьте меня в покое.

Врач посмотрел на Старика, тот пожал плечами и жестом приказал всем отойти. Я сам доковылял до двери, затем открыл вторую дверь и выбрался в коридор. Остановился, посмотрел на свои запястья, на лодыжки и решил, что мне так и так нужно в лазарет. Дорис что-нибудь сделает, и, может быть, мне удастся заснуть. Чувствовал я себя так, словно только что провел пятнадцать раундов на ринге и все их проиграл.

– Сэм, Сэм!

Знакомый голос. Мэри подбежала и остановилась, глядя на меня большими, влажными от слез глазами.

– Боже, Сэм… Что они с тобой сделали? – произнесла она, всхлипывая, так что я едва разобрал слова.

– Ты еще спрашиваешь? – ответил я и из последних сил залепил ей пощечину. – Стерва!

* * *

Моя палата оказалась свободной, но Дорис нигде не было. Я помнил, что меня должен был сопровождать доктор, но именно сейчас я не хотел видеть ни его, ни кого-либо еще из той шайки. Я закрыл дверь, улегся на кровать лицом вниз и попытался ни о чем не думать и

ничего не чувствовать. Потом за спиной у меня кто-то охнул, и я открыл один глаз: у кровати стояла Дорис.

– Что произошло? – воскликнула она, и я почувствовал ее мягкие прикосновения. – Боже, бедный, да что же это… Лежи, не двигайся. Я позову врача.

– Нет!

– Но тебе нужен врач.

– Нет. Я не хочу его видеть. Ты лучше сама.

Она молча вышла из палаты, но вскоре – во всяком случае, мне показалось, что прошло совсем немного времени, – вернулась и начала обмывать мои раны. Доктора с ней не было.

Она весила, наверное, вдвое меньше меня, но, когда ей было нужно, поднимала и поворачивала меня, словно я и в самом деле был бедным маленьким мальчиком, как она меня называла. Меня это не удивило, я знал, что она сумеет обо мне позаботиться.

Когда Дорис касалась спины, я едва сдерживался, чтобы не закричать. Но все закончилось быстро: она наложила бинты и сказала:

– Теперь на спину, осторожно…

– Я лучше останусь лицом вниз.

– Нет, – твердо сказала она. – Я хочу, чтобы ты кое-что выпил. Будь хорошим мальчиком.

В конце концов я оказался на спине – в основном ее стараниями, – выпил лекарство и спустя какое-то время уснул. Я смутно помню, что потом просыпался и что возле кровати сидел Старик и я будто бы обложил его по-черному. Врача, кажется, тоже видел. Но возможно, это был сон.

* * *

Разбудила меня мисс Бриггс, а вскоре Дорис принесла завтрак – все как раньше, словно я и не покидал больничной койки. Дорис хотела покормить меня с ложечки, но я был вполне в состоянии сделать это сам. Внешне я в общем-то неплохо отделался, хотя ощущение было такое, будто меня сбросили в бочке в Ниагарский водопад. На руках и на ногах, где я порезался о застежки «кресла», – бинты, но кости остались целы. Душа – вот где болело больше всего.

Не поймите меня неправильно. Старик был вправе послать меня на любое опасное задание – ведь я на это и подписывался. Но я не подписывался на то, что он со мной сделал. Он знал меня как облупленного и попросту загнал в угол, заставил пойти на то, на что я никогда не согласился бы сам. А затем безжалостно использовал.

О, я, бывало, и сам ломал людей, чтобы заставить их говорить. Иногда просто деваться некуда. Но тут было совсем другое, можете мне поверить.

Больше всего я переживал из-за Старика. Мэри?.. Кто она мне, в конце концов? Так, просто еще одна симпатичная крошка. Роль приманки ей удалась, и как же я ее за это ненавидел! Конечно, ничего плохого в том, что она пользуется в своей работе женственностью, нет; Отделу просто не обойтись без женщин-агентов. Шпионки всегда были, а молодые и симпатичные во все времена пускали в ход одни и те же средства.

Но она не должна была соглашаться играть в эту игру против своего же коллеги – во всяком случае, против меня.

Не очень логично звучит, не так ли? Однако мне все в тот момент казалось логичным. Мэри не следовало этого делать. Точка.

И я решил, что с меня довольно. Операцию «Паразит» пусть заканчивают сами. В Адирондаке, в горах, у меня была небольшая хижина с запасом замороженных продуктов на много лет… ну, на год как минимум. У меня хватало таблеток «темпуса», и можно было достать еще. Я решил отправиться туда и наглотаться пилюль, а мир пусть спасает себя сам или катится ко всем чертям – но уже без меня.

А если кто подойдет ближе чем на сотню ярдов, он либо покажет мне голую спину, либо останется лежать на месте с большой прожженной дырой в груди.

11

Я должен был кому-то обо всем рассказать, и слушать меня выпало Дорис. Возможно, это была секретная информация, но мне было наплевать. Оказалось, что Дорис знает все об операции «Паразит», и не было смысла ничего от нее утаивать. Проблема была в том, чтобы вся история перестала быть секретом… но тут я забегаю вперед.

Дорис возмутилась… ой, ладно, она была зла как тысяча чертей. Ведь она сама меня бинтовала и видела, что со мной сделали. По работе ей, конечно, приходилось видеть и хуже, но сейчас это сделали свои же. И тогда я сказал, что я думаю об участии Мэри.

– Знаешь старую уловку, которую применяют на скотобойнях? – спросил я. – Одно животное обучают вести остальных внутрь. Вот что Мэри заставили со мной проделать.

Дорис не слышала об этом, но она меня поняла.

– Я так понимаю, ты хотел на ней жениться?

– Да. Глупо, правда?

– Не глупее, чем поступают все мужчины и многие женщины, – но дело не в этом. Не важно, хотела ли она выйти за тебя замуж или нет. Главное, она знала, что ты хотел на ней жениться. Из-за этого ее поступок в восемь тысяч раз гаже. Она понимала, что ты ради нее готов на все. С ее стороны это было просто бесчестно.

Дорис прервала на секунду массаж, ее глаза сузились в щелочки.

– Я эту рыжую никогда не видела, но, если увижу, всю рожу ей расцарапаю!

Я улыбнулся:

– Ты славная девушка, Дорис. Надо полагать, ты играешь с мужчинами честно.

– О, я не ангел, в свое время мне тоже случалось обводить мужиков вокруг пальца. Но если бы я сделала что-то, хоть отдаленно похожее, мне пришлось бы разбить все свои зеркала… Ну-ка, перевернись, я займусь другой ногой.

* * *

А потом появилась Мэри. Сначала я услышал сердитый голос Дорис:

– Туда нельзя.

Голос Мэри:

– Мне нужно.

– Ну-ка назад! – прикрикнула Дорис. – А то я повыдергаю тебе твои крашеные лохмы.

Последовала короткая пауза, потом за дверью началась возня, которая завершилась звонким шлепком пощечины. Я крикнул:

– Эй, что там происходит?

На пороге они появились вместе. Дорис тяжело дышала, волосы у нее были в беспорядке. Мэри удалось сохранить гордый вид и невозмутимость, но на левой щеке у нее было ярко-красное пятно, размерами и формой совпадающее с ладонью Дорис. Она смотрела только на меня и игнорировала медсестру.

Дорис наконец перевела дух:

– Убирайся отсюда! Он не хочет тебя видеть.

– Я бы хотела услышать это от него, – ответила Мэри.

Я посмотрел на них обеих и сказал:

– Ладно, чего уж там. Раз она здесь… Я все равно хотел ей кое-что сказать. Спасибо, Дорис.

Дорис секунду молчала, потом выпалила:

– Ты дурак! – и вылетела за дверь.

Мэри подошла к кровати.

– Сэм… – сказала она. – Сэм…

– Меня зовут не Сэм.

– Я до сих пор не знаю твоего настоящего имени.

Я заколебался, но времени объяснять, что родители имели глупость наградить меня именем Элихью, не было, и я сказал:

– Какая разница? Сойдет и «Сэм».

– Сэм, – повторила она, – дорогой мой…

– Я не твой дорогой.

– Да, я знаю, – сказала она, склоняя голову. – Но я не знаю почему. Сэм, я пришла сюда, чтобы узнать, за что ты меня возненавидел. Может быть, я не смогу уже ничего изменить, но мне нужно знать.

Я возмущенно фыркнул:

– И ты еще спрашиваешь за что? После того, что ты со мной сделала? Мэри, ты, возможно, холодна как рыба, но отнюдь не глупа! Я знаю это, ведь я с тобой работал.

Она покачала головой:

– Все наоборот, Сэм. Я совсем не холодна, но часто поступаю глупо. Выслушай меня, пожалуйста. Я знаю, что с тобой сделали. Я понимаю, что ты пошел на все, чтобы избавить от этого меня. Я понимаю и очень тебе за это благодарна. Но я не понимаю, почему ты меня теперь ненавидишь. Я ведь не просила тебя и не хотела, чтобы ты это делал.

Я промолчал. Спустя какое-то время она спросила:

– Ты мне не веришь?

Приподнявшись на локте, я сказал:

– Я верю тебе. Думаю, ты сама себя убедила, что именно так оно и было. А теперь я расскажу тебе, как было на самом деле.

– Скажи, пожалуйста.

– Ты села в это дурацкое кресло, прекрасно понимая, что я ни за что не позволю им проводить эксперимент на тебе. Ты знала это, признаешься ты себе в этом или нет, – я не знаю, на что способен твой изворотливый женский ум. Старик не заставил бы меня сесть в то кресло ни оружием, ни наркотиками. А ты могла. И заставила. Заставила меня сделать нечто такое, на что я сам никогда бы не пошел. Мне легче умереть было, чем вновь посадить себе на плечи эту мерзость, эту грязь. И все из-за тебя!

Пока я говорил, с лица Мэри постепенно сходила краска, и теперь в обрамлении рыжих волос оно казалось чуть ли не зеленым. Когда я замолчал, она судорожно вздохнула и спросила:

– Ты действительно в это веришь, Сэм?

– А как же еще?

– Сэм, все было не так. Я не знала, что ты там будешь, и страшно удивилась. И я не планировала ничего, кроме как пройти все до конца. Потому что обещала.

– Обещала, – съязвил я. – Как школьница прямо.

– Едва ли школьница.

– Не важно. И так же не важно, знала ли ты о моем присутствии или нет, ты, конечно же, будешь отрицать, но это не имеет значения. Главное другое: мы оба там были и ты не могла не понимать, что произойдет, если ты поступишь так, как поступила.

– Ох!.. – Мэри немного помолчала. – Значит, ты так это видишь, и я не могу оспаривать факты.

– Пожалуй.

Довольно долго она стояла не двигаясь. Я молчал. Наконец Мэри сказала:

– Сэм… ты как-то говорил, что хочешь на мне жениться.

– Я помню что-то такое, смутно. Это давно было.

– Я и не ожидала, что ты еще раз мне это предложишь. Но из этого следует кое-что еще. Сэм, независимо от того, что ты обо мне думаешь, я хочу, чтобы ты знал: я очень благодарна за то, что ты сделал ради меня. И… Сэм, я уже ласковая. Ты меня понимаешь?

Настала моя очередь посмеяться.

– Женщина до мозга костей! Боже правый, работа женского ума никогда не перестанет меня восхищать и изумлять. Вы почему-то думаете, что всегда можно просто сбросить счет и начать по новой с одной этой козырной карты. – Я насмешливо улыбался, а она тем временем заливалась краской. – Только на этот раз ничего не выйдет. Не беспокойся, я не воспользуюсь твоим щедрым предложением.

Она еще больше покраснела, но ответила ровным тоном:

– Что ж, я сама напросилась. Тем не менее все сказанное остается в силе. И это, и если я могу сделать для тебя что-нибудь еще…

Мой локоть онемел. Я откинулся на подушку:

– Вообще-то, можешь.

Ее лицо засветилось надеждой.

– Что?

– Уйди и оставь меня в покое. Я устал, – сказал я и отвернулся.

Я не слышал, как она ушла, но услышал, как вернулась Дорис. Она ощетинилась, как фокстерьер, – должно быть, они опять пересеклись в коридоре. Она встала передо мной, уперев кулачки в бедра, и выглядела очень хорошенькой и очень рассерженной.

– Ну что, она обвела тебя вокруг пальца?

– Я так не думаю.

– Не ври. Ты весь из-за нее размяк. Я знаю, мужчины всегда так делают. Идиоты! Такой женщине, как эта, достаточно вильнуть задницей, и мужик тут же лапки кверху!

– Ничего подобного. Я ей всыпал по первое число.

– Правда?

– Правда. А потом отправил ее на все четыре стороны.

Дорис глянула на меня с сомнением:

– Хотелось бы верить. По крайней мере, выглядела эта стерва уже не так нагло. – Она сменила тему. – Как ты себя чувствуешь?

– Замечательно! – Это была чистая ложь.

– Массажик?

– Нет, просто подойди сюда, присядь на кровать и поговори со мной. Сигарету?

– Ладно, пока доктор не поймал.

Она присела на кровать. Я прикурил две сигареты и сунул одну ей в рот. Дорис глубоко затянулась, так что лоскуток ткани на ее груди чуть не лопнул от натуги. Я снова подумал, какая же она сладкая ягодка – как раз то, что нужно, чтобы отвлечь мои мысли от Мэри.

Мы немножко поболтали. Дорис высказала свои взгляды о женщинах – оказалось, она в принципе их не одобряет, хотя ничуть не стыдится, что она сама женщина.

– Вот, например, пациентки, – сказала она. – Я сюда почему пошла работать – здесь женщин-больных почти не бывает. Мужчина ценит, что мы для него делаем. А от теток «спасибо» не дождешься, одни попреки.

– И ты бы себя так вела? – спросил я, просто чтобы поддразнить ее.

– Надеюсь, что нет. Слава богу, я совершенно здорова.

Она затушила сигарету и спрыгнула с кровати.

– Мне пора на выход. Кричи, если чего будет надо.

– Дорис…

– Да?

– У тебя не планируется какой-нибудь отпуск в ближайшее время?

– Я хотела взять пару недель в этом месяце. А что?

– Так, подумал. Я собираюсь в отпуск – как минимум в отпуск. У меня есть домишко в Адирондакских горах. Как ты насчет?.. Мы могли бы приятно провести время и забыть весь этот дурдом.

Она показала мне ямочки на щеках:

– Знаешь, очень мило с твоей стороны сделать девушке такое предложение…

Дорис подошла и смачно поцеловала меня в губы. Раньше она такого не делала.

– …и не будь я старой замужней леди с парой близнецов в придачу, я могла бы его принять.

– Ой!

– Увы. Но спасибо за комплимент. Ты мне настроение поднял.

Она направилась к двери. Я выкрикнул:

– Минутку, Дорис!

Она остановилась, и я сказал:

– Я не знал. Слушай, а может, все равно? В смысле, пожить в моей хижине? Бери своего благоверного и детей, отдохнете там. Я дам тебе шифр от замка и код к спутниковому каналу.

– Ты серьезно?

– Конечно.

– Хорошо, обсудим попозже. Спасибо.

Она вернулась и снова меня поцеловала. Эх, если бы она была не замужем, ну или хотя бы относилась к этому менее серьезно! Потом она ушла.

Чуть позже пришел доктор. Пока он занимался всякой ерундой, которой обычно занимаются врачи, я спросил:

– Та медсестра, мисс Марсден, – она замужем?

– А вам-то что?!

– Я просто хотел узнать…

– Держите ваши руки подальше от моих медсестер, мистер, или я на них варежки из гипса накручу. А теперь высуньте язык и скажите: «А-а-а…»

* * *

После полудня заглянул Старик. Я сперва обрадовался: Старика трудно не любить. Потом все вспомнил, и радость померкла.

– Я хочу с тобой поговорить… – начал он.

– Нам не о чем разговаривать. Убирайся!

Он словно бы и не заметил моей дерзости, прошел в палату, подволакивая больную ногу, сел.

– Не возражаешь, если я присяду?

– Похоже, ты уже сидишь.

Это он тоже пропустил мимо ушей. Он сидел, морщил лицо, хмурился и наконец сказал:

– Знаешь, сынок, ты у меня один из лучших сотрудников, но иногда делаешь поспешные выводы.

– Можешь на этот счет больше не беспокоиться, – ответил я. – Как только доктор меня выпишет, я подаю в отставку.

На самом деле я до сих пор ничего не решил, но сейчас я вдруг понял, что по-другому не получится. Я больше не доверял Старику, и следующий шаг был очевиден.

Старик просто не слышал того, что ему не хотелось слышать.

– Ты торопишься и делаешь поспешные выводы. Возьми, например, эту девушку, Мэри…

– Какую еще Мэри?

– Ты отлично понимаешь, о ком я говорю. Тебе она известна под фамилией Кавано.

– Сам ее возьми.

– Не зная подробностей, ты наговорил ей черт-те чего. Расстроил ее. Возможно, лишил меня очень способного агента.

– О-о-о! Я сейчас заплачу.

– Послушай-ка, мальчишка, у тебя нет никаких оснований напускаться на нее со своими обвинениями. Ты просто не знаешь, что произошло.

Я промолчал: попытки объяснить что-то – плохой способ обороны.

– Мне-то ясно, о чем ты думаешь, – продолжал Старик. – Ты считаешь, что она позволила использовать себя в качестве наживки. Но это не совсем так. Она действительно послужила наживкой, но спланировал это все я.

– Знаю.

– Тогда почему ты злишься на нее?

– Потому что без ее активной помощи у тебя ничего бы не вышло. Это, конечно, очень благородный поступок для такого никчемного бессердечного ублюдка, как ты, – взять вину на себя, но ничего не выйдет.

Он опять пропустил мою ругань мимо ушей и продолжал:

– Ты понял все, кроме одного ключевого момента: *девушка ничего не знала*.

– Черта с два! Она там была.

– И что с того, что была? Сынок, я тебе когда-нибудь лгал?

– Нет, – признал я, – но, если будет нужно, я думаю, солжешь не моргнув глазом.

Похоже, это его задело. Но он все равно ответил:

– Может быть, я и заслужил такие слова. Да, я солгу кому-то из своих людей, если этого потребует безопасность страны. До сих пор мне этого не приходилось делать, потому что я специально отбирал людей, которые на меня работают. В данном случае безопасность страны этого не требует, я не лгу, и тебе придется самому решать, правду я говорю или нет. Мэри ничего не знала. Она не знала, что ты будешь в лаборатории. Не знала, почему ты там оказался. Не знала, что еще не решено, кто сядет в кресло. И не подозревала, что я не собираюсь проводить эксперимент на ней, потому что в качестве подопытного мне подходишь только ты – даже если бы пришлось приказать, чтобы тебя связали и усадили силой. Я бы сделал это, но мой план сработал, и ты согласился сам. Так что засунь свое «черта с два» себе обратно в рот. Она даже не знала, что тебя выписали из лазарета.

Очень хотелось ему поверить, поэтому я изо всех сил сопротивлялся. Если бы он лгал, то лгал бы именно так. А насчет того, станет ли он врать… Не исключено, что его понимание заботы о безопасности страны включает в себя и необходимость как можно скорее вправить мозги двум первоклассным агентам. Мыслит Старик весьма неординарно.

– Слушай меня! – потребовал он, прервав мои глубокие раздумья. Я поднял на него глаза. – Есть еще кое-что, и тебе следует об этом знать. Я хочу, чтобы ты зарубил себе на носу: во-первых, позволь сказать, что все, включая и меня, очень признательны тебе за то, что ты сделал, – независимо от мотивов твоего поступка. Я составил рапорт и не сомневаюсь, что тебе дадут медаль. Это останется в силе, даже если ты уйдешь из Отдела. Если ты решил уйти, я помогу тебе с переводом и всем, чем захочешь.

Он сделал паузу, чтобы перевести дыхание.

– Только не воображай себя этаким героем…

– И не думаю!

– …потому что на самом деле медаль достанется не тому, кому следовало. По справедливости ее должна получить Мэри… Спокойно! Я еще не закончил. Тебя пришлось загонять в герои палками, но я тебя не осуждаю: тебе через многое пришлось пройти. Но настоящим, без оговорок, добровольцем была Мэри. Садясь в то кресло, она не знала, что с нею произойдет, не

ждала избавления в последнюю секунду, и у нее были все основания полагать, что, даже оставшись в живых, она потеряет рассудок, что гораздо страшнее. Но Мэри согласилась, потому что она – героическая натура, а ты, сынок, ей в подметки не годишься. – Не дожидаясь ответа, он продолжил: – Знаешь, в большинстве своем женщины чертовски глупы и наивны. Но диапазон у них шире. Самые храбрые из них храбрее нас, самые добрые – добрее, а самые подлые, если на то пошло, – стократ подлее любого мужчины. Я пытаюсь тебе сказать, что она проявила больше мужества, чем ты, а ты поступил с ней совершенно по-хамски.

У меня в голове уже все перепуталось, и я не мог решить, правду он говорит или опять пытается мной манипулировать.

– Может быть, и так. Может быть, я сорвался не на того человека. Но если все было так, как ты сказал…

– Именно так.

– …это тебя совсем не красит. То, что ты сделал, выглядит тогда еще хуже.

Обвинение он принял не дрогнув.

– Сынок, мне очень жаль, если я лишился твоего уважения, но, если будет нужно, я сделаю это снова. Мне, как командиру в бою, нельзя быть особенно разборчивым. Мне еще тяжелее, потому что приходится сражаться другим оружием. Если понадобится, я способен пристрелить свою собаку. Хорошо это или плохо, но такая у меня работа. Если когда-нибудь ты сядешь на мое место, тебе тоже придется так поступать.

– Едва ли это когда-нибудь случится.

– А теперь… Думаю, тебе надо взять отпуск, отдохнуть и все обдумать.

– Я возьму отпуск. Бессрочный.

– Как скажешь.

Он поднялся было, но я его остановил:

– Постой…

– Да?

– Ты мне кое-что обещал, и я хочу напомнить. Насчет паразита… Ты сказал, что я смогу убить его, сам. Вы с ним уже закончили?

– Да, но…

Я начал подниматься с кровати.

– Никаких «но». Дай лучемет. Я сделаю это прямо сейчас.

– Это невозможно. Он мертв.

– Что?! Ты же мне обещал!

– Я знаю, что обещал. Но он сдох, когда мы пытались заставить тебя – в смысле, его – говорить.

Тут меня согнуло и затрясло – от смеха. Я хохотал и никак не мог остановиться. Новость меня ничуть не обрадовала, но я ничего не мог с собой поделать.

Старик встряхнул меня за плечи:

– Перестань! А то плохо станет. Мне жаль, что так вышло, но ничего смешного тут нет.

– Ох, ну как же нет? – ответил я, все еще всхлипывая и хихикая. – Смешнее я в жизни ничего не слышал. Столько канители, сам обгадился, меня с Мэри поссорил – и все впустую.

– Ха! С чего ты взял?

– С чего? Ну, я-то знаю. Я помню все, что происходило. Вы из него – я хотел сказать, из нас – ни слова не вытянули. Ничего нового тебе узнать не удалось.

– Черта с два!

– Да ни черта вы не добились.

– Ты даже не представляешь себе, насколько успешным оказался эксперимент. Паразит действительно сдох, прежде чем мы хоть что-то выжали из него самого, но зато потом мы вытащили кое-что из тебя.

– Из меня?

– Вчера. Мы накачали тебя наркотиками, загипнотизировали, сняли запись мозговой активности – короче, выжали и повесили сушиться. Паразит многое тебе выболтал, и, когда ты от него освободился, гипноаналитик вытянул из тебя всю информацию.

– Например?

– Например, где они живут. Теперь мы знаем, откуда они прилетают, и можем нанести ответный удар. Титан, шестой спутник Сатурна.

Когда он сказал это, я вновь почувствовал, как сжимается у меня горло, и понял, что он прав.

– Ты, разумеется, сопротивлялся, – рассказывал дальше Старик. – Пришлось привязать тебя к кровати, чтобы ты совсем себя не изувечил. Тебе и без того досталось.

Он явно раздумал уходить. Закинул покалеченную ногу на край кровати и закурил. Видимо, старался проявить дружелюбие. Что до меня, то и я, в общем-то, не хотел уже ссориться; голова кружилась, и очень многое нужно было осмыслить. Титан – это далековато. Пока что люди не забирались дальше Марса, если только экспедиция Сигрейвса не долетела до лун Юпитера. Но она не вернулась, так что этого мы никогда не узнаем.

Однако, если будет нужно, мы сумеем добраться до Титана. Добраться и выжечь этот их гадюшник!

Старик наконец встал и проковылял к двери, но я остановил его:

– Папа…

Я не называл его так уже долгие годы. Он обернулся с удивленным, беззащитным выражением на лице:

– Да, сынок?

– Почему вы с мамой назвали меня Элихью?

– Э-э-э… Так звали твоего деда по матери.

– Хм… Не самая веская причина, я бы сказал.

– Возможно, ты прав.

Он снова повернулся, но я снова остановил его:

– Пап, какой была мама?

– Твоя мать? Я даже не знаю, что тебе сказать. В общем… они с Мэри очень похожи. Да, очень.

И он вышел, не дав мне возможности спросить что-нибудь еще.

Я отвернулся к стене и спустя какое-то время понял, что уже совсем успокоился.

12

Я описываю здесь известные всем события так, как видел их сам. Я не пишу историческую хронику. Хотя бы потому, что не видел всю перспективу.

Может, мне стоило больше переживать о судьбах всего мира в то время, когда я думал лишь о собственных делах. Может быть. Правда, я никогда не слышал, чтобы тяжелораненого слишком заботил текущий ход сражения.

Во всяком случае, тогда мне казалось, что волноваться особенно не о чем. Я знал, что президента спасли при обстоятельствах, которые откроют глаза любому, даже политику, а это было, насколько я понимал, последним реальным препятствием. Слизняки – то есть титанцы – процветали, пока их существование было тайной, а в открытую они вряд ли могли бы противостоять всей мощи Соединенных Штатов. У них не было никаких возможностей, кроме тех, что они заимствовали у своих рабов. Уж я-то об этом знал лучше кого бы то ни было.

Теперь мы зачистим их плацдарм на нашей территории, а потом последуем за ними туда, откуда они пришли. Но планирование межпланетных экспедиций – совсем не моя работа. Я в этом разбираюсь примерно как в египетском искусстве.

Когда меня выписали, я отправился искать Мэри. Кроме слов Старика, у меня по-прежнему ничего не было, но теперь мне начало казаться, что я и в самом деле выставил себя полным идиотом. Я не ждал, что она обрадуется моему появлению, но хотелось как-то оправдаться.

Вы, наверное, думаете, что разыскать высокую красивую рыжеволосую девушку проще простого? Так бы оно и было, будь она штатным сотрудником. Но она была оперативником, оперативники приходят и уходят, а постоянному персоналу настоятельно рекомендовано заниматься своими делами. Дорис ее больше не видела – по ее словам – и даже разозлилась на меня, что я снова хочу ее найти.

В отделе кадров от меня по-простому отмахнулись: мой запрос не был официальным, имени агента я не знал, и вообще, кто я такой, что обращаюсь к ним с подобными вопросами? Меня отправили в оперативный отдел, то есть к Старику, что меня совсем не устраивало.

Еще бóльшую подозрительность мои вопросы вызвали в отделе пропусков. Я чувствовал себя как шпион в своем собственном Отделе.

Тогда я отправился в биолабораторию. Начальника я не нашел, пришлось говорить с заместителем. Тот ничего не знал о девушке, участвовавшей в проекте «Интервью», испытуемый был мужчина, это точно – он видел запись. Я сказал ему, чтобы он присмотрелся ко мне повнимательней. Он присмотрелся и сказал:

– О, так ты и есть тот парень? Приятель, тебе здорово там досталось.

После чего отвернулся, почесался и зашуршал бумажками. Я ушел оттуда, не сказав ему спасибо, и отправился в офис Старика. Похоже, другого выбора у меня не осталось.

За столом мисс Хайнс сидела новая секретарша. После той ночи, когда меня взяли, я больше не видел мисс Хайнс. И не расспрашивал, что с ней сталось. Просто не хотел знать. Новая секретарша ввела мой личный код, и – о чудо! – Старик оказался на месте и согласился меня принять.

– Что тебе нужно? – ворчливо спросил он.

– Подумал, может, у тебя есть для меня какая-нибудь работа, – ответил я, хотя собирался сказать совсем другое.

– Вообще-то, я как раз собирался послать за тобой. Ты уже достаточно побездельничал. – Он гавкнул что-то в интерком и встал. – Пошли.

Я вдруг почувствовал себя совершенно спокойно и вышел вслед за ним.

– В «Косметику»? – спросил я.

– Сегодня сойдет и твоя собственная физиономия. Мы едем в Вашингтон.

Тем не менее мы зашли в «Косметику», но только для того, чтобы переодеться в уличную одежду. Я получил пистолет – мой собственный отправился в край вечной охоты – и проверил свой аппарат связи.

Охранник на входе заставил нас оголить спины и лишь после этого позволил подойти и отметиться. Потом мы заправили свои рубашки в брюки, поднялись наверх и оказались на самом нижнем уровне Нью-Филадельфии. Так я впервые узнал местоположение новой базы Отдела.

– Надо понимать, этот город чист? – спросил я Старика.

– Если ты действительно так думаешь, у тебя совсем мозги заржавели, – ответил он. – Гляди в оба.

Расспросить его подробней уже не удалось. Присутствие такого большого числа полностью одетых людей здорово действовало на нервы. Я невольно сторонился прохожих и выискивал взглядом сутулых. А подниматься в переполненном лифте до стартовой платформы вообще казалось безумием. Когда мы уселись в машину и ввели маршрут, я так и сказал:

– Какого дьявола тут развели такой гадюшник? Мы только что прошли мимо полицейского, и у него, ей-богу, был горб!

– Возможно. Вполне возможно.

– Вот тебе раз! Что случилось? Я-то думал, у тебя все схвачено и мы тесним их на всех фронтах.

– Мы пытаемся. У тебя есть какое-то предложение?

– Да это же проще простого. Даже если начнутся морозы, никто не должен ходить с закрытой спиной, пока мы не убедимся, что перебили всех паразитов.

– Верно мыслишь.

– Так в чем… Послушай, а президент знает, что происходит? Как я понял, он…

– Знает.

– Тогда чего он ждет? Когда они захватят всю страну? Ему нужно объявить военное положение и начать действовать. Ты же говорил ему об этом давным-давно.

– Говорил. – Старик задумчиво разглядывал сельский пейзаж внизу. – Сынок, ты действительно думаешь, что этой страной управляет президент?

– Нет, конечно. Но он единственный, кто может что-то сделать.

– Хм… Знаешь, премьера Цветкова иногда называют «узником Кремля». Не знаю, правда это или нет, но наш президент – узник конгресса.

– Ты хочешь сказать, конгресс ничего не предпринял?

– Последние несколько дней, после того как мы предотвратили покушение на президента, я занимался тем, что помогал ему убедить конгрессменов. Тебе никогда не приходилось выступать перед комиссией конгресса, сынок?

Я попытался все это осмыслить. Мы сидим тут, как глупые додо, ждущие, когда их перестреляют, и если не стронемся с места, *homo sapiens* просто исчезнет с лица земли – так же как додо.

Немного погодя Старик сказал:

– Пора тебе осознать наконец политические реалии. Конгресс, случалось, отказывался действовать перед лицом и более очевидной опасности. А в данном случае опасность совсем не очевидна – до тех пор, пока не свалится тебе прямо на голову. Доказательств очень мало, да и не каждый в них поверит.

– А что насчет заместителя министра финансов? Они же не могут просто проигнорировать случившееся.

– Ой ли? У заместителя министра финансов паразита сорвали со спины прямо в восточном крыле Белого дома, и при этом пришлось убить двух его охранников из секретной службы.

И теперь достопочтенный джентльмен лежит в Центральном армейском госпитале с нервным потрясением и вообще не помнит, что с ним произошло. Министерство финансов сообщило, что предотвращена попытка покушения на президента. По сути верно, но они представили все в ином свете.

– И президент при этом промолчал?

– Советники предложили выждать, пока он не получит поддержку в конгрессе. Большинство у него если и есть, то небольшое, а в обеих палатах полно людей, которые жаждут получить его голову на блюде. Партийная политика – это грубая игра.

– Боже, но ведь в такой ситуации политические дрязги – это абсурд!

Старик приподнял бровь:

– Это по-твоему.

В конце концов я задал вопрос, ради которого и пришел к нему в кабинет: где Мэри?

– Странно, что ты спрашиваешь, – буркнул он. Я промолчал, и он добавил: – Там, где ей положено быть. Она охраняет президента.

* * *

Первым делом мы направились на заседание специального комитета, который изучал доказательства. Это было закрытое мероприятие, но Старика пропустили. Когда мы вошли, там крутили кино. Мы проскользнули на свободные места и стали смотреть. Фильм был про моего человекообразного приятеля Наполеона – сначала сама обезьяна, потом кадры с титанцем у него на спине, а затем титанец крупным планом. От одного его вида мне стало не по себе. Паразиты похожи один на другого как две капли воды, но я знал, чей этот, и был просто счастлив, что он уже мертв.

Потом показали меня. Я видел, как меня привязывают к креслу, и выглядел я, чего уж там говорить, нелучшим образом: настоящий, неподдельный ужас никого не красит. Голос за кадром пояснял, что сейчас происходит.

Я видел, как титанца сняли с обезьяны и пересадили на мою голую спину. Я – на экране – тут же потерял сознание, после чего чуть не потерял сознание в зале. Описывать дальнейшее не хочется: тошно. Я видел, как корчусь от ударов тока, предназначенных для титанца, и меня снова корчило. Я видел, как в какой-то момент вырвал правую руку из зажимов. Мне об этом не рассказывали, но теперь я понял, почему запястье у меня так долго не заживает.

Но в конце концов я увидел, как тварь сдохла. Ради этого стоило посмотреть и все остальное.

Запись кончилась, и председатель произнес:

– Итак, джентльмены?

– Господин председатель!

– Слово предоставляется джентльмену из Индианы.

– Если говорить без предвзятости по данному вопросу, то вынужден заметить, что в Голливуде делают комбинированные съемки и получше.

В зале захихикали, кто-то крикнул: «Слушайте! Слушайте!» – и я понял, что удача нам в этот раз не светит.

После этого давал показания начальник нашей биологической лаборатории, а затем к месту свидетеля вызвали меня. Я назвал свое имя, адрес и род занятий, после чего мне задали несколько очень поверхностных вопросов о том, что я ощущал, находясь под контролем титанцев. Вопросы читали по бумажке, председатель явно до этого момента их не видел.

Больше всего меня задело то, что мои ответы их совершенно не интересовали. Двое членов комитета вообще читали газеты.

Было всего два вопроса из зала.

Один сенатор спросил:

– Мистер Нивенс… ваша фамилия Нивенс, не так ли?

Я подтвердил.

– Мистер Нивенс, из ваших слов я понял, что вы занимаетесь оперативной работой.

– Да.

– Надо полагать, в ФБР?

– Нет. Мой начальник подчиняется непосредственно президенту.

Сенатор улыбнулся:

– Так я и думал. А теперь, мистер Нивенс… вы ведь профессиональный актер, не так ли? – И он сделал вид, что сверяется со своими бумагами.

Видимо, я пытался отвечать слишком правдиво. Хотел объяснить, что действительно когда-то отыграл в театре один летний сезон, но тем не менее я самый что ни на есть настоящий агент-оперативник. Бесполезно.

– Достаточно, мистер Нивенс. Спасибо.

Второй вопрос задал пожилой сенатор, чье имя я должен был знать. Сенатор пожелал узнать мое мнение о расходовании денег налогоплательщиков на вооружение для других стран – и он использовал этот вопрос для того, чтобы пространно изложить свои собственные взгляды. У меня довольно смутное представление об этой теме, что не имело значения, поскольку высказаться мне все равно не дали. Секретарь сразу же заявил:

– Вы свободны, мистер Нивенс.

Я остался стоять на месте.

– Послушайте, – сказал я, – очевидно, вы мне не верите и считаете, что все было разыграно. Ну так принесите сюда детектор лжи, черт возьми! Или допросите меня под гипнозом. Это не заседание, а комедия какая-то!

Председатель комитета постукал своим молоточком:

– Вы свободны, мистер Нивенс!

Я вернулся и сел на место.

Старик говорил, что цель этого совместного заседания – подготовка резолюции о введении военного положения и предоставлении президенту чрезвычайных полномочий. Председатель спросил, готовы ли конгрессмены рассмотреть резолюцию. Тогда один из читающих газету ненадолго оторвался от своего занятия – только чтобы сказать:

– Господин председатель, я требую очистить зал заседаний от посторонних.

После чего нас выставили за дверь.

– Плохи наши дела, – сказал я Старику.

– Не обращай внимания, – ответил он. – Президент понял, что тут ничего не выйдет, едва только узнал состав комитета.

– И что нам теперь делать? Ждать, когда паразиты захватят весь конгресс?

– Президент собирается обратиться с посланием к конгрессу и потребовать неограниченных полномочий.

– Он их получит?

Старик поморщился:

– Честно говоря, не думаю, что у него есть хоть один шанс.

* * *

Совместное заседание обеих палат конгресса было, естественно, секретным, но мы присутствовали – должно быть, по прямому указанию президента. Мы со Стариком сидели на служебном балкончике позади трибуны спикера. Открывали заседание долго, со всякой кани-

телью и пустой болтовней, затем провели целую церемонию назначения двух представителей от каждой палаты, чтобы уведомить о заседании президента.

Думаю, что президент все это время находился прямо за дверью, потому что явился сразу же, в сопровождении своих помощников и телохранителей, но охрана теперь состояла из наших людей.

Мэри тоже оказалась в свите. Кто-то поставил для нее складной стул рядом с президентским креслом; она поперелистывала свой блокнотик и вручила президенту какие-то бумаги, изображая секретаршу. Но на этом маскарад и закончился. Она врубила свою сексапильность на полную мощность и выглядела словно Клеопатра в теплую ночь – одним словом, так же неуместно, как кровать в церкви. Внимание на нее обращали не меньше, чем на президента. Он это тоже заметил и явно пожалел, что не оставил ее дома, но было поздно что-либо предпринимать; что бы он ни сделал, получился бы только больший конфуз.

Можете не сомневаться, я тоже это ощутил. Я перехватил ее взгляд, и она подарила мне долгую сладкую улыбку. Я тоже расплылся в улыбке и скалился на Мэри, как щенок колли, пока Старик не ткнул меня локтем в бок. Я попытался вести себя прилично, но все равно был счастлив как мальчишка.

Президент четко и последовательно объяснил конгрессу ситуацию, рассказал, откуда мы об этом узнали и что необходимо сделать. Его доклад звучал просто и рационально, как технический отчет, и примерно столь же эмоционально. Он просто излагал факты. В конце речи президент отложил текст и продолжил:

– Ситуация складывается столь необычная и страшная, столь далекая от всего нашего предыдущего опыта, что для преодоления кризиса я вынужден просить о предоставлении самых широких полномочий. В некоторых районах необходимо будет ввести военное положение. На какое-то время нам придется пойти на значительное ущемление гражданских прав. Свобода перемещения должна быть ограничена. Неприкосновенность от несанкционированных досмотров и арестов должна уступить место всеобщему праву на безопасность. Поскольку любой гражданин, независимо от его положения в обществе и лояльности, может против своей воли оказаться прислужником нашего тайного врага, всем гражданам придется смириться с некоторым ограничением своих гражданских прав и в какой-то мере поступиться личным достоинством до полного уничтожения этой заразы. Я с тяжелым сердцем прошу конгресс утвердить эти крайне необходимые меры.

Президент сел.

Настроение зала определить обычно несложно. Конгрессмены были явно обеспокоены, но президент их ни в чем не убедил. Вице-президент взял молоточек и посмотрел на лидера сенатского большинства: по договоренности он должен был предложить резолюцию.

Что-то пошло не так. То ли лидер большинства покачал головой, то ли просигналил еще как-то, но слова он брать не стал. Неловкая пауза затягивалась, а из зала то и дело выкрикивали: «Господин президент!» и «К порядку!».

Вице-президент, не замечая других желающих выступить, предоставил слово члену своей партии. Я узнал этого человека. Сенатор Готлиб, безотказный партийный активист, проголосовал бы даже за свое собственное линчевание, если бы оно было включено в программу партии. Начал Готлиб с заверений собравшихся в своей преданности конституции, Биллю о правах и чуть ли не Гранд-Каньону. Затем скромно упомянул о своей долгой и верной службе и очень высоко отозвался о месте Америки в истории.

Я поначалу подумал, что он просто тянет время, пока остальная команда выработает новую партийную линию, потом вдруг понял, к чему все это говорится: он предлагал изменить повестку дня и начать процедуру импичмента, чтобы предать суду президента Соединенных Штатов!

Видимо, не до одного меня дошло не сразу: сенатор настолько украсил свою речь ритуальным словоблудием, что удивительно, как его вообще кто-то понял. Я посмотрел на Старика.

Старик смотрел на Мэри.

Она, в свою очередь, смотрела на него, словно ей не терпелось сообщить какую-то важную новость.

Старик выхватил из кармана отрывной блокнот, что-то торопливо нацарапал, скомкал листок в шарик и кинул его Мэри. Она поймала записку, развернула, прочла и передала президенту.

Тот сидел с совершенно беззаботным видом, словно и не замечал, как один из его старых друзей на глазах у всего конгресса крошит в капусту главу государства и с ним безопасность республики. Он надел свои старомодные очки, прочитал записку, медленно повернул голову и взглянул на Старика, вопросительно подняв бровь. Старик кивнул.

Президент подтолкнул локтем вице-президента. Тот наклонился, и они о чем-то зашептались.

Готлиб гремел на весь зал о том, что, как ни печально, старая дружба должна уступить высшим интересам и потому… Вице-президент постучал молоточком:

– Прошу прощения, сенатор!

Готлиб изумленно посмотрел на председателя и заявил:

– Я еще не закончил!

– Сенатор, я ни в коем случае не хочу лишать вас слова. Но в силу важности предмета вашего выступления президент Соединенных Штатов просит вас подняться на трибуну и продолжать.

Готлиб бросил на вице-президента недоуменный взгляд, но выбора у него не было. Он вышел в проход и медленно двинулся к президиуму. Стул Мэри загораживал ведущие на трибуну ступеньки, но, вместо того чтобы просто подвинуться, она вдруг засуетилась, потом подняла стул и повернулась, совсем преградив сенатору путь. Готлиб остановился, и она, покачнувшись, задела его. Тот поймал ее за руку – отчасти чтобы и самому удержаться на ногах. Мэри что-то сказала, он ответил, но слов никто не расслышал. Наконец они благополучно разминулись, и Готлиб прошел к трибуне.

Старик задрожал, как гончая, завидевшая добычу. Мэри посмотрела на него и кивнула.

– Взять его! – сказал Старик.

Меня будто выстрелили из арбалета. Я перемахнул через барьер и в прыжке обрушился на плечи Готлиба. Я слышал, как Старик кричит: «Перчатки, сынок! Перчатки!» – но времени не было. Голыми руками я разорвал пиджак на спине сенатора и увидел пульсирующее тело слизняка под его рубашкой. Я рванул рубашку – и теперь его могли видеть все.

Чтобы зафиксировать то, что творилось в зале в последующие несколько секунд, не хватило бы и шести стереокамер. Я врезал Готлибу под ухо, чтобы не трепыхался. Мэри придавила ему ноги. Президент встал над нами и, показывая пальцем, крикнул: «Вот! Вот! Теперь-то вы все видите!» Вице-президент тоже стоял, ошеломленно размахивая своим молоточком. Конгресс превратился в толпу, мужчины кричали, женщины визжали. Где-то надо мной Старик громогласно раздавал приказы президентской охране, как будто стоял на капитанском мостике корабля.

В нашу пользу сыграло то, что заседание проходило при закрытых дверях, а, кроме собственных ребят Старика, вооруженных и дисциплинированных людей в зале не было. Разумеется, там были парламентские приставы – но кто их примет в расчет? Один пожилой конгрессмен вытащил из кармана допотопный кольт, которому следовало бы лежать в музее, но это был единственный инцидент.

Спустя какое-то время оружие в руках телохранителей и стук председательского молоточка установили в зале некое подобие порядка. Слово взял президент. Случай, сказал он,

дал вам возможность увидеть врага собственными глазами. Все могут подойти по очереди и посмотреть на пришельца с самого большого спутника Сатурна. Не дожидаясь реакции на свое предложение, он указал на первый ряд и попросил всех сидящих там подняться.

Они начали подходить.

Я присел в стороне от прохода и задался вопросом, что из происшедшего было случайностью. Когда речь идет о Старике, то поди пойми. Знал ли он, что конгресс заражен? Я потер ушибленное колено и стал следить.

Мэри оставалась возле трибуны. Человек двадцать прошло мимо, одна женщина-конгрессмен успела закатить истерику, а потом я заметил, что Мэри снова подала знак Старику, и на долю секунды опередил его приказ. Конгрессмен оказался молодым и здоровым, из бывших морских пехотинцев – мне пришлось бы с ним по-настоящему повозиться, если бы не двое наших парней, стоявших рядом. Втроем мы уложили его на пол рядом с Готлибом, и снова Старику, президенту и вице-президенту пришлось надсаживать глотку, восстанавливая порядок в зале.

После этого волей или неволей всем пришлось проходить личный досмотр. Женщин я хлопал по спине, когда они проходили мимо, и одну поймал сразу. Потом решил, что поймал еще одну, но это оказалось досадной ошибкой: она так заплыла жиром, что я не угадал. Мэри выявила еще двоих, затем очень долго – около трехсот человек – ни одного джекпота. Очевидно, носители сместились в хвост очереди.

Не слушайте, когда вам говорят, что конгрессмены тупые. Им нужны мозги, чтобы победить на выборах, и практическая психология, чтобы сохранить кресло. Восьмерых вооруженных охранников, даже если со мной, Мэри и Стариком получалось одиннадцать стволов, было явно мало. Большинство слизняков сумело бы уйти, если бы секретарь палаты представителей не организовал группу поддержки. С их помощью мы поймали тринадцать слизняков, десять из них живьем. Из носителей только один был тяжело ранен. Но конгресс Соединенных Штатов ни разу не превращался в такой бардак с тех пор, как Джефферсон Дэвис объявил о своем судьбоносном решении.[13] Нет, даже после Бомбежки такого не было.

[13] *Джеффферсон Финис Дэвис* (1808–1889) – американский военный и политик, первый и единственный президент Конфедеративных Штатов Америки во время Войны Севера и Юга. В январе 1861 г., после отделения южных штатов, выступил в сенате с речью.

13

Разумеется, президент получил чрезвычайные полномочия, а Старик де-факто стал его начальником штаба. Наконец-то мы могли двигаться вперед, быстро и эффективно… Ха! Вы когда-нибудь пытались быстро провести проект через бюрократическую машину?

«Директивы» следует «приводить в исполнение», «действия» должны быть «скоординированы», а в результате все только обрастает бумажками.

У Старика уже был готов достаточно простой план. Карантин, который мы предлагали, пока зараза еще не расползлась из Де-Мойна, теперь вряд ли бы помог. Прежде чем начинать сражение, нужно было узнать, где враг. Но правительственные агенты не могут проверить двести миллионов человек, люди должны сделать это сами.

Первой фазой осуществления операции «Паразит» должен был стать режим «Голая спина» – что-то я сам заговорил, как бюрократ. Короче, идея заключалась в том, что все – поголовно – должны раздеться до пояса и оставаться раздетыми до тех пор, пока титанцы не будут окончательно обнаружены и уничтожены. Ну, женщинам, разумеется, разрешалось носить бюстгальтеры, ведь паразит не может спрятаться под узенькими бретельками.

Мы на скорую руку подготовили визуальную презентацию, чтобы пустить ее фоном, когда президент вступит с обращением к нации по стереовидению. Быстрыми действиями удалось сохранить в живых семь паразитов из числа тех, что мы поймали в священных залах конгресса; теперь они жили на спинах животных-носителей. Мы решили показать их и запись моего допроса, вырезав из него самые шокирующие эпизоды. Планировалось, что сам президент появится перед камерами в шортах, а профессиональные манекенщицы продемонстрируют образцы одежды этого сезона для «модно раздетых граждан», включая и панцирь для головы и спины, защищающий человека даже во сне.

Мы подготовили ее за одну ночь, литрами потребляя черный кофе, а спичрайтеры президента написали для него соответствующий текст. В качестве ударной концовки передачи должен был пойти фрагмент с заседания конгресса, обсуждающего чрезвычайное положение, где все – мужчины, женщины и обслуживающий персонал – покажут камере свои голые спины.

За двадцать восемь минут до эфира президенту позвонили из здания конгресса. Я при этом присутствовал, поскольку Старик с президентом работали всю ночь, а меня держали при себе для различных поручений. Мэри тоже там была, разумеется, – ведь президент был ее персональным подопечным. Мы все были в шортах, поскольку в Белом доме уже вступил в силу режим «Голая спина». Единственными, кто выглядел естественно в таком наряде, были Мэри, которая могла носить что угодно, цветной швейцар, который держался как зулусский король, и сам президент, чье врожденное достоинство ничто поколебать не могло.

Когда раздался звонок, президент не потрудился включить глушилку, и мы слышали его реплики.

– Да, говорите! – сказал он. Спустя какое-то время он добавил: – Ты уверен? Хорошо, Джон, что ты посоветуешь?.. Ясно. Нет, я думаю, это не пойдет… Видимо, мне лучше явиться самому. Скажи им, пусть подготовятся. – Он оттолкнул от себя аппарат и повернулся к помощнику. Его лицо по-прежнему было спокойным.

– Скажи, чтобы задержали эфир. – Затем он повернулся к Старику. – Пойдем, Эндрю. Нам нужно в Капитолий.

Он послал за своим камердинером и удалился в гардеробную рядом с кабинетом. Когда он вышел, он был одет в строгий костюм для официальных церемоний. Нам он ничего объяснять не стал. Старик приподнял одну бровь, но ничего не сказал, я тоже не осмелился открыть рот. Все остальные как были в «гусиной коже», так и остались. И в таком виде мы пошли в Капитолий.

Там снова шло совместное заседание, уже второе менее чем за двадцать четыре часа. Мы завалились туда всей компанией, и тут у меня возникло кошмарное чувство, будто я оказался в церкви без штанов: все конгрессмены и сенаторы были одеты как обычно. Потом я заметил, что курьеры щеголяют в одних шортах, без рубашек, и мне стало немного легче.

Я до сих пор этого не понимаю. Некоторым, очевидно, легче умереть, чем потерять достоинство. Сенаторы здесь среди первых, да и конгрессмены не отстают, ведь конгрессмен – это человек, который хочет стать сенатором. Они наделили президента всеми полномочиями, которые он запрашивал, обсудили и одобрили режим «Голая спина». Но никто не хотел понимать, что это касается и их самих. В конце концов, их ведь уже досмотрели и признали чистыми. Во всей стране конгресс был единственной группой людей, достоверно свободной от титанцев.

Возможно, кто-то из них и осознавал, что это не бог весть какой довод, но никому не хотелось быть инициатором публичного стриптиза. Должностное лицо обязано сохранять достоинство – и точка. Они сидели одетые и уверенные в себе.

Поднявшись на трибуну, президент выжидал до полной тишины в зале, а затем медленно и спокойно начал раздеваться. Он остановился, только когда был голым по пояс. На мгновение он заставил меня поволноваться, думаю, что были и другие обеспокоенные. Потом он медленно повернулся вокруг, подняв вверх руки. И лишь после этого заговорил:

– Я сделал все, чтобы вы могли лично убедиться, что глава исполнительной власти не стал пленником врага. – Президент выдержал паузу. – А как насчет вас?

Последнее слово он швырнул в лица присутствующих.

Президент повернулся и ткнул пальцем в младшего секретаря:

– Марк Каммингс, как насчет тебя?! Ты лояльный гражданин или ты зомби, работающий на захватчиков? Встать! Рубашку долой, живо!

– Господин президент… – С места поднялась Чарити Эванс из штата Мэн, похожая на симпатичную школьную учительницу. Она встала, и я увидел, что хотя она полностью одета, но на ней вечернее платье. До пола, но с таким вырезом, что дальше некуда. Она повернулась, словно манекенщица: на спине платье заканчивалось у основания позвоночника, спереди поднималось, образуя две хорошо заполненные раковины. – Этого достаточно, господин президент?

– Вполне достаточно, мадам.

Каммингс уже был на ногах и с красным как свекла лицом расстегивал пиджак. В центре зала встал кто-то еще. Сенатор Готлиб. Выглядел он так, что лучше бы ему было оставаться на больничной койке: серые ввалившиеся щеки, иссиня-черные губы. Но держался он прямо и с невероятным достоинством последовал примеру президента. Вместо обычного нижнего белья Готлиб носил старомодное трико, цельное с рукавами и штанинами. Он выпутался из рукавов и тоже повернулся кругом, показывая спину всем собравшимся: на его бледной, как рыбье брюхо, коже алела отметина, оставленная паразитом.

– Вчера вечером, – произнес он, – я стоял в этом зале и говорил вещи, которые в обычных обстоятельствах меня не заставили бы сказать даже под пыткой. Вчера вечером я не принадлежал самому себе. Сегодня я – это я. Вы что, не видите, что Рим горит? – Неожиданно у него в руке появился пистолет. – Всем встать, черт бы вас побрал! Если через две минуты я не увижу чью-то голую спину, стреляю!

Мужчины рядом с ним вскочили и попытались схватить его за руки, но он отмахнулся пистолетом, как мухобойкой, разбив одному из них лицо. Я тоже выхватил пистолет, приготовившись поддержать Готлиба, но в этом не было уже необходимости. До них дошло, что он опасен, как разъяренный бык, и вокруг мгновенно образовалось пустое пространство.

Несколько секунд ситуация балансировала на грани, а потом вдруг все принялись скидывать одежду, словно духоборы.[14] Один человек метнулся было к выходу, но его тут же сбили с ног. У него, правда, паразита не оказалось, но зато мы поймали троих других. В эфир президент вышел на десять минут позже, а конгресс начал первое за всю историю заседание «с голыми спинами».

[14] *Духоборы* – члены русской секты, основанной в XVIII в. воронежскими крестьянами С. Колесниковым и Л. Побирохиным. Духоборы отвергали духовенство, монашество, храмы, церковные таинства, почитание креста и икон, а Библии противопоставляли «внутреннее откровение». Преследуемые православной церковью и гражданскими властями, многие духоборы – около семи с половиной тысяч – в 1898 г. эмигрировали в Канаду; оттуда многие из них попали в США. Разоблачаются же они не так уж часто – в основном при крещении, которое принимают в реке.

14

ЗАПРИТЕ ДВЕРИ!
ЗАКРОЙТЕ ЗАСЛОНКИ В КАМИНАХ!
НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ НЕ ХОДИТЕ В НЕОСВЕЩЕННЫХ МЕСТАХ!
ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ТОЛП!
ЧЕЛОВЕК В ПИДЖАКЕ – ВРАГ: СТРЕЛЯЙТЕ

Всех титанцев в стране должны были обнаружить и убить в течение недели. Не знаю, что еще можно было сделать. В дополнение к непрекращающемуся шквалу пропаганды страну поделили на квадраты и секторы наблюдения с воздуха для поиска летающих тарелок на земле. Вся радиолокационная система слежения встала на постоянное боевое дежурство для обнаружения неопознанных сигналов. Армейские подразделения, от воздушных десантников до станций наведения ракет, готовы были ударить по любому приземлившемуся объекту.

И ничего не происходило. Им просто нечем было заняться. Разбуженная нами машина бессмысленно шипела и дымила, как отсыревший фейерверк.

В незараженных районах люди поснимали рубашки, кто добровольно, кто под принуждением, осмотрели друг друга и не нашли никаких паразитов. Они следили за новостями, недоумевали и ждали, когда правительство объявит, что опасность миновала. Но ничего нового не происходило, и обыватели, как и местные чиновники, начали сомневаться: стоит ли и дальше бегать по улицам в костюмах для загара? Мы прокричали «Волки!», но ни один волк не пришел.

Зараженные районы? Доклады из зараженных районов ничем существенным не отличались от сообщений из других мест.

Наше стереообращение и последующие мероприятия до этих районов просто не дошли. Раньше, в эпоху радио, такого бы не случилось: станция в Вашингтоне, откуда передали экстренное сообщение, могла покрыть трансляцией всю страну. Но стереовидение работает на таких коротких волнах, что требует релейных станций в пределах прямой видимости, поэтому местные каналы обслуживаются местными же станциями – цена, которую мы платим за многоканальное вещание и картинку с высоким разрешением.

В зараженных районах местными станциями управляли слизняки, и люди просто не услышали предупреждения правительства.

Тем не менее к нам в Вашингтон поступало множество сообщений, свидетельствовавших о том, что нас там слышали. Из Айовы, например, шли такие же доклады, как, скажем, из Калифорнии. Губернатор Айовы одним из первых откликнулся на обращение президента и прислал сообщение, в котором пообещал полную поддержку. Полиция штата Айова, сообщил он, курсирует по дорогам и останавливает всех, требуя раздеться до пояса. А авиаперелеты над Айовой остановлены на время чрезвычайного положения, как и рекомендовал президент. Они даже передали запись выступления губернатора перед избирателями, где он был голый по пояс. Губернатор стоял лицом к камере, и меня так и подмывало сказать ему, чтобы повернулся спиной. Затем пошло изображение с другой камеры: на экране появилась спина крупным планом, а из динамика слышался все тот же бодрый голос губернатора, убеждавший граждан сотрудничать с полицией.

Если какой-то регион Южных Штатов мог считаться рассадником слизней, им могла быть только Айова. Неужели они оставили Айову и перебрались в самые крупные населенные центры?

Мы собрались в конференц-зале канцелярии президента. Президент держал Старика при себе, я увязался за компанию, а Мэри по-прежнему несла бессменное дежурство. Кроме

нас, присутствовали министр национальной безопасности Мартинес и начальник Генерального штаба маршал авиации Рекстон. Еще там были какие-то шишки из окружения президента, но не такие важные.

Президент досмотрел передачу из Айовы до конца и повернулся к Старику:

– И что же, Эндрю? Мне казалось, именно Айову ты предлагал окружить кордоном.

Старик только крякнул с досадой.

– Насколько я понимаю… – начал маршал Рекстон, – хотя у меня не было времени разобраться в ситуации досконально, думаю, они ушли в подполье. Возможно, нам придется прочесать все подозрительные районы дюйм за дюймом.

Старик снова крякнул.

– Прочесывать Айову копну за копной мне совсем не улыбается, – заявил он.

– Как же вы предлагаете справиться с этой проблемой, сэр?

– Да сообразите же, наконец, какой у нас враг! Он не может уйти в подполье. Он не может жить без носителя.

– Очень хорошо. Предположим, что все это правда. Тогда сколько же, по-вашему, паразитов в Айове?

– Да откуда мне знать, черт побери? Они со мной не делятся такими сведениями.

– Но если предположить по максимуму? Если…

– У вас нет оснований для предположений, – перебил его Старик. – Ребята, вы что, не видите, что титанцы выиграли еще один раунд?

– А?

– Вы только что слушали губернатора. Нам дали взглянуть на его спину – или чью-то чужую спину. Вы заметили, что он ни разу не повернулся перед камерой?

– Повернулся, – сказал кто-то. – Я сам видел.

– У меня определенно сложилось впечатление, что он поворачивался, – медленно произнес президент. – Ты хочешь сказать, что губернатор Паккер под их контролем?

– Безусловно. Вы видели именно то, что они хотели показать. Перед тем как он полностью повернулся, пошло изображение с другой камеры. Люди настолько к этому привыкли, что практически не замечают подобных вещей. Можете не сомневаться, господин президент: все сообщения из Айовы сфабрикованы.

Президент задумался. Министр Мартинес энергично замотал головой и сказал:

– Это невозможно. Допустим, обращение губернатора к избирателям – подделка: хороший актер вполне мог бы его изобразить. Помните инаугурационную речь во время кризиса девяносто шестого, когда настоящий президент свалился с пневмонией? Допускаю, что одну такую трансляцию можно сфабриковать, но у нас были на выбор десятки передач из Айовы. Как насчет репортажей с улиц Де-Мойна? Только не говорите мне, что можно «сфабриковать» сотни голых по пояс людей, расхаживающих по улицам! Или ваши паразиты вдобавок ко всему применяют массовый гипноз?

– Нет, этого они не умеют, насколько мне известно, – признался Старик. – Если бы умели, нам оставалось бы поднять белый флаг и признать, что человечество проиграло. Но с чего вы взяли, что эта передача была из Айовы?

– Как? Черт возьми, сэр, она же пришла по каналу Айовы!

– И что это доказывает? Вы заметили названия улиц? По виду это была типичная улица с магазинами в центре города. И если не обращать внимания на слова комментатора, то какой город мы видели?

Министр замер с открытым ртом. У меня почти идеальная зрительная память, как и положено агенту, и я мысленно прокрутил еще раз только что увиденный сюжет. Мало того что я не мог сказать, какой это город, непонятно было даже, в какой части страны снимали репортаж. Это мог быть Мемфис, Сиэтл или Бостон – или что-то еще. За исключением особых случаев,

таких как Кэнел-стрит в Новом Орлеане или муниципальный центр Денвера, американские города похожи друг на друга, как парикмахерские.

– Можете не напрягаться, – продолжал Старик, – я специально высматривал хоть какие-то ориентиры, и мне это не удалось. Объяснение тут очень простое: станция Де-Мойна взяла уличную сцену с голыми спинами из трансляции какого-то незараженного города и передала ее по своему каналу с собственными комментариями. При этом они вырезали все, что могло дать какую-то привязку к местности… и мы это благополучно проглотили. Враг отлично знает нас, джентльмены. Эту партию они продумали до мельчайших деталей и готовы переиграть нас, какой бы ход мы ни сделали.

– Может быть, ты зря паникуешь, Эндрю? – сказал президент. – Может быть, титанцы просто перебазировались куда-то еще?

– Они по-прежнему в Айове, – категорично заявил Старик, – а из этой штуки, – он махнул рукой на стереоэкран, – мы ничего не узнаем.

Мартинес поежился:

– Черт-те что! Вы утверждаете, что мы не можем получить из Айовы ни одного достоверного сообщения, словно эта территория оккупирована.

– Так оно и есть.

– Но я останавливался в Де-Мойне два дня назад, возвращаясь из Аляски. Там все было нормально. Ладно, я не сомневаюсь, что ваши паразиты существуют, хотя сам ни одного не видел. Но давайте тогда отыщем их и вырвем эту заразу с корнем, вместо того чтобы сидеть на месте и выдумывать всякие фантазии.

Старик выглядел усталым, я сам чувствовал, что чертовски устал. Если даже наверху не понимают, как все плохо, то чего ждать от простых людей?

Наконец Старик ответил:

– Чтобы захватить страну, достаточно подчинить себе связь. Вам, мистер Мартинес, лучше поторопиться, а то вы останетесь вообще без связи.

– Но я только…

– Вырывайте их с корнем! – яростно перебил его Старик. – Я вам уже сказал: они в Айове, в Новом Орлеане и еще в десятке других мест. Я свою работу сделал. Вы министр национальной безопасности – вот и выкорчевывайте их. – Он встал. – Господин президент, в моем возрасте нелегко обходиться так долго без сна. Недоспав, я, бывает, срываюсь. Могу я немного отдохнуть?

– Да, конечно, Эндрю.

На самом деле Старик вовсе не сорвался, и, думаю, президент это понял. Старик никогда не срывается, он заставляет срываться других.

Не успел Старик пожелать всем доброй ночи, как снова заговорил министр Мартинес:

– Минуточку! Вы только что сделали несколько категоричных утверждений. Давайте проверим их прямо сейчас. – Он повернулся к начальнику Генерального штаба. – Рекстон!

– Э-э-э… Да, сэр.

– Этот новый пост наблюдения возле Де-Мойна, Форт… или что-то там, назван в честь… этого… не помню…

– Форт-Паттон.[15]

– Точно, точно. Ну давайте не будем терять времени. Пусть нас соединят по линии связи командования.

– С изображением, – вставил Старик.

---

[15] *Форт-Паттон* назван в честь Джорджа Смита Паттона (1885–1945) – одного из главных американских военачальников в период Второй мировой войны.

– Разумеется, с изображением, и мы покажем этому… Я хотел сказать, увидим истинное положение дел в Айове.

С разрешения президента маршал подошел к стереоэкрану, связался со штабом Министерства безопасности и приказал вызвать дежурного офицера в Форт-Паттоне, штат Айова.

Спустя несколько минут на экране появился молодой офицер на фоне приборов центра связи. Он сидел по пояс голый, а звание и род войск были обозначены на фуражке. Мартинес с победной улыбкой повернулся к Старику:

– Ну что, видите?

– Вижу.

– Теперь, чтобы удостовериться… Лейтенант!

– Да, сэр! – Молодой офицер, охваченный благоговейным страхом, быстро переводил взгляд с одного известного лица на другое. Поля зрения приемника и передатчика были идеально согласованы: глаза изображения смотрели именно на того, на кого смотрел офицер, как будто он сидел в этом стереоэкране.

– Встаньте и повернитесь, – приказал Мартинес.

– Э-э-э… Есть, сэр! – Дежурный с удивленным видом повиновался, при этом верхняя часть его тела скрылась из поля зрения. Мы видели только голую поясницу – не выше.

– Черт побери! – рявкнул Мартинес. – Сядь и повернись!

– Есть, сэр! – Молодой человек выглядел сильно взволнованным. Он наклонился над столом и добавил: – Секунду, я увеличу угол зрения камеры.

Изображение вдруг расплылось, и по стереоэкрану забегали радужные полосы, однако голос молодого офицера все еще был слышен:

– Так лучше, сэр?

– Черт побери, мы вообще ничего не видим!

– Не видите? Секундочку, сэр.

После этого мы слышали только его тяжелое дыхание. Неожиданно экран ожил, и я решил было, что наладилась связь с Форт-Паттоном. Но на этот раз на экране появился майор, и кабинет за его спиной казался больше.

– Штаб Верховного командования, – доложило изображение. – Дежурный офицер связи майор Донован.

– Майор, – произнес Мартинес сдержанно, – я был на связи с Форт-Паттоном. Что произошло?

– Да, сэр, я следил на контрольном экране. Небольшие технические неполадки. Мы сейчас же восстановим связь.

– Поторопитесь!

– Есть, сэр!

Экран зарябил и погас.

Старик снова встал.

– Ладно, я пошел спать. Позвоните мне, когда устранят эти «небольшие технические неполадки».

15

Я, честное слово, не хотел, чтобы у вас создалось впечатление, будто Мартинес глуп. Никто поначалу не понимал, на что способны эти твари. Нужно увидеть хотя бы одного паразита, чтобы прочувствовать это нутром.

У маршала Рекстона с головой тоже, разумеется, все в порядке. Они пытались связаться еще с несколькими частями в пораженных районах и, убедившись, что «технические неполадки» возникают слишком удобно для паразитов, проработали всю ночь. Около четырех утра они позвонили Старику, а тот по нашей спецсвязи вызвал меня. Я считаю, что вживленные нам под кожу приемники не должны использоваться в качестве будильников. Это крайне грубый способ будить человека.

Собрались в том же самом конференц-зале – Мартинес, Рекстон, парочка шишек из его подчинения и Старик. Когда я подошел, явился президент в махровом халате. Мэри следовала за ним по пятам. Мартинес начал что-то говорить, но Старик его перебил:

– Ну-ка покажи спину, Том.

Президент глянул удивленно, Мэри просигналила, что все в порядке, но Старик сделал вид, будто не замечает ее.

– Я серьезно, – добавил он с нажимом.

– Ты прав, Эндрю, – сказал президент спокойно и, скинув халат до пояса, предъявил свою голую спину. – Если я не буду показывать пример, то как мне тогда добиться поддержки от всех остальных?

Старик начал помогать ему влезть обратно в халат, но президент отмахнулся и повесил халат на стул.

– Мне просто нужно к этому привыкнуть. Трудновато в моем возрасте. Итак, джентльмены?

Я тоже считал, что вид голой кожи требует привычки. Выглядели мы довольно нелепо. Худощавый загорелый Мартинес походил на статую из красного дерева. Полагаю, в нем была доля индейской крови. Лицо Рекстона было обожжено высотным загаром, но ниже линии воротника он был таким же бледным, как президент. На его груди красовался черный крест волос, от подмышки к подмышке и от подбородка к животу, а президент и Старик спереди и сзади заросли курчавым седым волосом. При этом мех Старика был настолько густым, что в нем спокойно могли бы гнездиться мыши.

Мэри выглядела как рекламная картинка – съемки с нижнего ракурса, чтобы дать акцент на ножки, выверенные позы и все такое. Что до меня самого… Ну ладно, я красив душой.

Мартинес и Рекстон утыкали всю карту страны булавками: красные – для пораженных районов, зеленые – для чистых и еще несколько янтарных. Отчеты продолжали поступать, и помощники Рекстона продолжали добавлять новые булавки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.